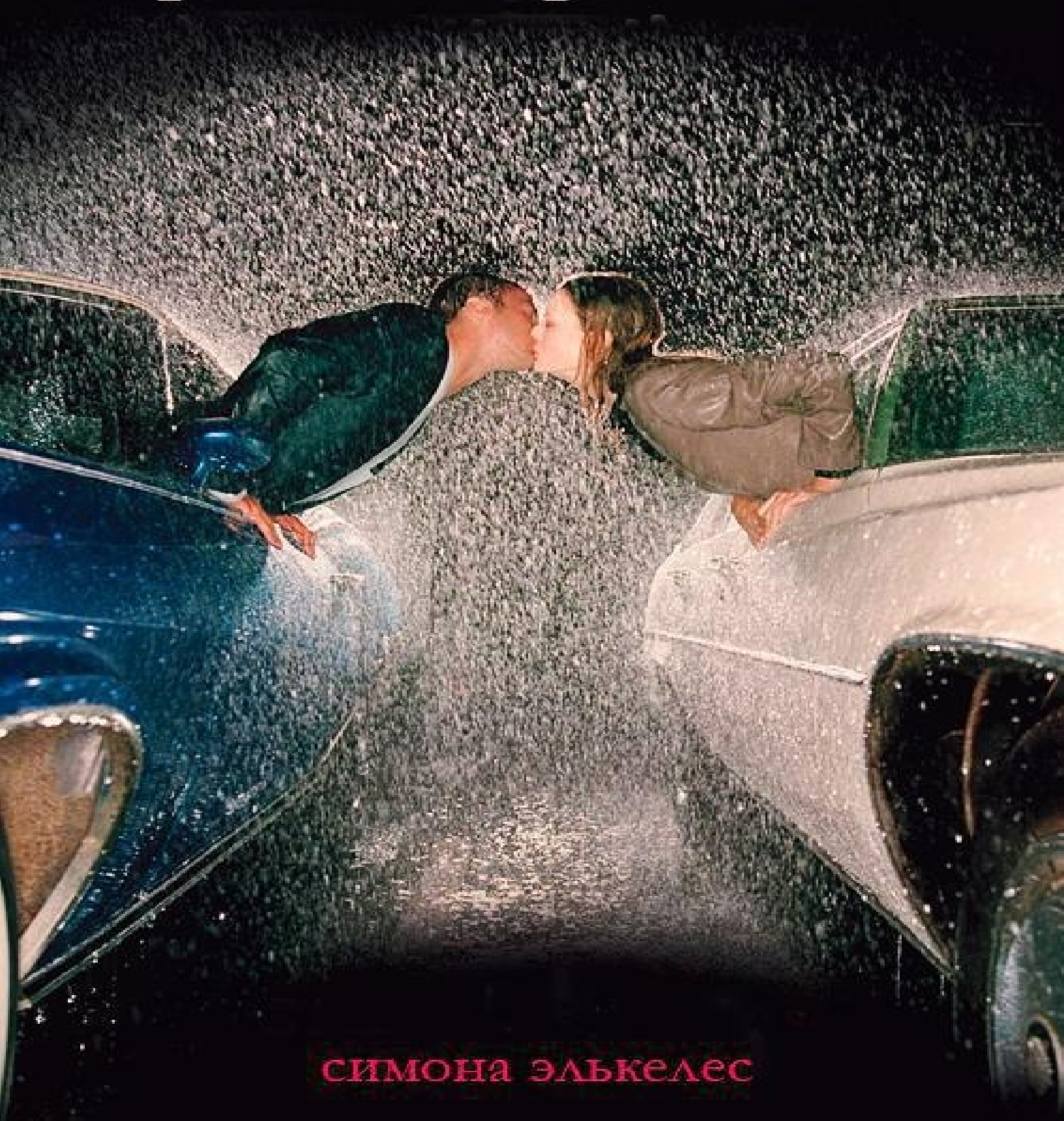

Rules of Attraction Правила Притяжения

СИМОНА ЭЛЬКЕЛЕС

Annotation

-

Перевод: JennyМН

Редактор и оформитель: Aileen

Симона Элькелес

Правила притяжения

Глава 1

Карлос

Я хочу жить по своим собственным правилам. Но я мексиканец, поэтому моя семья всегда поблизости, чтобы учить меня, что и как делать, хочу я этого или нет. Ну, «учить» это даже не то слово, «диктовать» подходит больше.

Мі'ата[1] даже не поинтересовалась, хочу ли я переехать из Мексики обратно в Колорадо и жить с моим старшим братом Алексом в мой последний год старшей школы. Она сама решила отправить меня обратно в Америку «для моего собственного же блага» – ее слова, не мои. И когда остальная часть моей семьи ее поддержала, все было решено за меня.

Неужели они серьезно считают, что, если отправить меня обратно в США, я смогу избежать тюрьмы или могилы. С тех пор, как меня уволили с сахарной мельницы два месяца назад, я жил la vida loca[2]. Ничто не сможет это изменить.

Я смотрю в маленькое окошко самолета на заснеженные вершины Скалистых гор. Я точно уже не в Атенсинго... и я точно не в пригороде Чикаго, где я жил всю мою сознательную жизнь, пока мі'ата не заставила нас собрать вещи и переехать в Мексику, когда я был на втором году старшей школы.

После приземления самолета я наблюдаю за тем, как остальные пассажиры торопятся на выход. Я остаюсь на месте и даю себе возможность поверить во все происходящее. Впервые за

два прошедших года я собираюсь увидеть своего брата. Черт, я даже не уверен, хочу ли я вообще его видеть.

Самолет почти пуст, поэтому я не могу больше оставаться на месте. Я хватаю свой рюкзак и следую по знакам в зал выдачи багажа. На выходе из Терминала я вижу своего брата Алекса, ждущего меня за ограждением. Я думал, что не узнаю его или буду чувствовать, что мы какие-то незнакомцы, а не семья. Но я ошибался, вот он, мой большой брат... его лицо, такое же знакомое, как и мое собственное. Меня радует то, что теперь я выше его и совсем не выгляжу как тот костлявый парнишка, которого он оставил позади, когда уехал.

— Ну, вот ты и в Колорадо, — говорит он, обнимая меня.

Когда он, наконец, разжимает объятия, я замечаю зажившие шрамы, которых не было над его бровями и у уха, когда я видел его последний раз. Он выглядит старше, но у него отсутствует тот настороженный взгляд, который раньше постоянно присутствовал на его лице, как щит. Я думаю, я унаследовал этот щит.

— Gracias[3], — отвечаю я безжизненно. Он знает, я не хочу быть здесь. Дядя Хулио оставался со мной до последнего, пока не затолкал меня в самолет. И грозился ждать в аэропорту, пока не удостоверится, что моя задница уже в воздухе.

— Ты помнишь, как говорить по-английски? — спрашивает брат, пока мы идем в зал выдачи багажа.

Я закатываю глаза.

— Мы жили в Мексике всего два года, Алекс. Или лучше сказать я, мама, и Луис жили в Мексике. Ты кинул нас.

— Я вас не кидал. Я учусь в университете, чтобы я смог сделать что-то полезное в своей жизни. Ты бы попробовал это как-нибудь.

— Нет, спасибо. Меня устраивает моя бесполезная жизнь. — Я хватаю с ленты свою сумку и следую за Алексом на выход из Аэропорта.

— Что это у тебя на шее? — спрашивает меня брат.

— Это четки, — отвечаю я, прикасаясь к окруженному белыми и черными бусинами кресту. — Я стал более религиозным с тех пор, как видел тебя последний раз.

— Не заливай мне, мистер религиозный. Я знаю, что это символ банды, — говорит он, когда мы подходим к серебряному бимеру. Мой брат не смог бы позволить себе такую тачку; скорее всего он одолжил ее у своей девушки, Бриттани.

— Ну, и что если так? — Алекс был членом банды в Чикаго. Mi papa[4] был членом той же банды до него. Независимо от того хочет ли Алекс признать это или нет, быть бандитом - это мое наследие. Я пытался жить по правилам. Я не жаловался, когда впахивал, как вол после школы за пятьдесят песо в день. Когда меня турнули с этой работы и я начал тусить с Геррерос дель баррио[5], я делал больше тысячи песо в день. Может это были и грязные деньги, но они приносили еду на наш стол.

— Неужели ты ничему не научился на моих ошибках? — спрашивает он.

Черт, когда он был в Кровавых Латино в Чикаго, я его боготворил.

— Ты не хочешь услышать мой ответ на это.

Разочарованно качая головой, Алекс хватается мою сумку и закидывает на заднее сидение машины. Ну, и что, что он ушел из Кровавых Латино? Он будет носить их татуировки до конца своих дней. Верит он в это или нет, он всегда будет связан с КЛ, не зависимо от того, принимает ли он участие в их делах или нет.

Я пристально смотрю на своего брата, он действительно изменился; я почувствовал это в ту же минуту, как увидел его. Он может и выглядит как Алекс Фуэнтес, но он потерял тот боевой дух, который постоянно был с ним раньше. Теперь, когда он в университете, он думает, что он

может играть по правилам и сделать этот мир лучшим местом для жизни. Удивительно, как быстро он забыл, что бы жили в беднейшем районе Чикаго. Некоторые части этого мира просто не способны стать лучше, как бы ты ни старался что-то изменить.

— Как мама? — спрашивает Алекс.

— Она в порядке.

— И Луис?

— Тоже. Наш младший брат почти такой же умный, как и ты, Алекс. Он думает стать астронавтом, как Хосе Хернандес.

Алекс кивает, как гордый папашка, и я думаю, что он действительно верит в то, что Луис сможет воплотить свои мечты в реальность. Эти двое просто помешаны... оба мои брата мечтатели. Алекс думает, что сможет спасти мир, создав лекарство от болезней, и Луис считает, что может оставить этот мир и отправиться на исследование новых.

При въезде на шоссе, вдалеке я вижу горную стену. Это напоминает мне неровную местность Мексики.

— Она называется Передовой Хребет, — говорит мне Алекс. — Университет располагается у подножия гор. — Он указывает налево. — Вот это Флатайронс, они называются так потому, что камни плоские, как гладильные доски. Съездим туда как-нибудь с тобой. Брит и я иногда гуляем там, когда нам хочется выбраться из кампуса.

Когда он поворачивается ко мне, я смотрю на своего брата как будто у него две головы.

— Что? — спрашивает он.

Он, что, шутит?

— Me está tomando los pelos? [6] — Просто интересно кто ты и что ты сделал с моим братом. Мой брат, Алекс, был бунтарем, а теперь он несет что-то про горы, гладильные доски и прогулки со своей девушкой.

— Ты бы предпочел, чтобы я говорил про то, как напиться и накуриться?

— Да! — отвечаю я, изображая ярую заинтересованность. — И потом ты мне можешь посоветовать пару мест, где я могу напиться и накуриться, потому что я долго не продержусь, если скоро не получу дозу какой-нибудь нелегальной субстанции, — вру ему я. Mi'ама скорее всего сказала ему, что она подозревает я сижу на чем-то, так почему же мне не подыграть.

— Ага, конечно. Кончай с этой фигней, Карлос, может мама и покупается на это, но ты и я знаем правду.

Я задираю ноги на приборную доску.

— Ты даже представления не имеешь.

Алекс скидывает их обратно.

— Прекрати, это машина Бриттани.

— Ты, чувак, серьезно повязан. Когда ты уже собираешься кинуть эту gringa[7] и начнешь вести себя как нормальный студент колледжа, который веселиться с разными девчонками? — спрашиваю его я.

— Бриттани и я не встречаемся с другими.

— Почему нет?

— Это называется быть парнем и девушкой.

— Это называется быть rapocha[8]. Это не нормально для парня быть только с одной девушкой, Алекс. Я свободная птица и собираюсь таковым остаться.

— Чтоб ты знал, Сеньор свободная птица, в мою квартиру ты никого приводить не будешь.

Он может и старший брат, но наш отец давным-давно похоронен. Я не хочу, и не буду следовать его дурацким правилам. Пора уже устанавливать мои собственные правила.

— Чтоб ты знал, я собираюсь делать то, что захочу, пока я здесь.

— Сделай одолжение нам обоим и послушай меня, может чему и научишься.

Остальные сорок пять минут поездки мы проводим в абсолютном молчании, горы приближаются и приближаются с каждой милей. Мы проезжаем сквозь Университет Колорадо через Боулдер кампус. Красные кирпичные здания строятся посреди ландшафта и повсюду встречаются группы студентов с рюкзаками через плечо. Неужели Алекс действительно думает, что он сможет найти высокооплачиваемую работу и выбраться из этой бедноты? Мизерный шанс этому случиться. Люди кинут один взгляд на него и его татуировки и выкинут его задницу за дверь.

— Мне надо быть на работе через час, но мы сначала устроим тебя, — говорит он, сворачивая на парковку.

Я знаю, что он работает в какой-то автомастерской, чтобы платить дофига за школу и государственные займы.

— Ну вот, — говорит он, указывая на здание перед нами. — Tu casa[9] .

Это округлое восьмизэтажное здание, похожее на гигантский кукурузный початок очень далеко от того, чтобы быть моим домом, но черт с ним. Я вынимаю свою сумку из багажника и следую за Алексом внутрь.

— Я надеюсь это бедная часть города, Алекс, — говорю я, — потому что у меня начинается часотка вокруг богатых людей.

— Я не живу в номере люкс, если ты об этом. Это субсидированные студенческие квартиры.

Мы поднимаемся на лифте на четвертый этаж. Ковролин на полу покрыт какими-то пятнами и в коридоре пахнет залежавшейся пиццей. Две горяченькие девчонки в спортивных костюмах проходят мимо нас. Алекс им улыбается. По их реакции я бы не был удивлен, если бы они вдруг опустились на колени и целовали землю, по которой он ходит.

— Менди и Джессика, это мой брат, Карлос.

— Прииивет, Карлос... — Джессика окидывает меня оценивающим взглядом с ног до головы — я точно попал на главную университетскую озабоченную станцию. И я отлично это чувствую. — Почему ты не сказал нам, что он такой красавчик?

— Он все еще в старшей школе, — предупреждает их Алекс.

Он что, защитник моей невинности?!

— Выпускной класс, — выдаю я, в надежде на то, что это поможет тому, что я оказался не из колледжа. — Мне будет 18 через пару месяцев.

— Мы устроим тебе вечеринку на день рождения, — говорит Менди.

— Клево, — отвечаю я. — Вы обе можете быть моими подарками?

— Если Алекс не будет против, — говорит Менди.

Алекс продолжает идти вперед и запускает руку себе в волосы.

— Я влипну в большие неприятности, если продолжу этот разговор.

На этот раз девчонки смеются и направляются дальше по коридору, но сначала останавливаются и машут на прощание.

Мы заходим в квартиру Алекса. Он точно не живет в номере люкс. У одной из стен я замечаю простую полутора-спальную кровать, накрытую простым четным покрывалом, стол и четыре стула располагаются справа, а у входной двери находится крохотная кухня, на которой едва бы развернулись двое. Это даже не однокомнатная квартира, это студия. Очень маленькая студия.

Алекс указывает на дверь у кровати.

— Там ванная. Ты можешь кинуть свои вещи в шкаф напротив кухни.

Засунув свою сумку в шкаф, я прохожу дальше в квартиру.

— Эм, Алекс... а где ты считаешь я буду спать?

— Я одолжил надувную кровать у Менди.

— Она красотка. — Я оглядываю квартиру снова. В нашем старом доме, в Чикаго, я делил комнату намного меньше с Алексом и Луисом. — А где телик? — спрашиваю я.

— У меня его нет.

Черт. Плохо.

— И что ты предлагаешь мне делать, когда мне будет скучно?

— Почитать книжку.

— *Estas chiflado*[10], ты рехнулся? Я не читаю книг.

— Начиная с завтрашнего дня, читаешь, — отвечает он, открывая окно, чтобы впустить немного свежего воздуха. — Я уже получил твоё расписание. Они ждут тебя в Флатайрон Хай завтра.

Школа? Мой брат говорит о школе? Чувак, это последнее, о чём семнадцатилетний пацан хотел бы думать. Я думал, что он даст мне хоть неделю, чтобы снова освоиться в США. Время сменить обстановку.

— Где ты хранишь свою дурь? — спрашиваю я, прекрасно осознавая, что испытываю его терпение. — Тебе лучше сразу мне сказать, чтобы я потом не переворачивал тут все в её поисках.

— У меня ничего нет.

— Окей, кто твой диллер?

— Ты ещё не понял, Карлос. Я больше не занимаюсь этим дерьмом.

— Ты сказал, что работаешь. Разве ты не зарабатываешь?

— Да, на то, чтобы есть, на учебу и чтобы отправлять маме все, что остается.

Пока я пытаюсь все это переварить, дверь в квартиру открывается. Я сразу узнаю блондинку — девушку своего брата, с ключами от квартиры и со своей сумкой в одной руке и каким-то большим бумажным пакетом в другой. Она выглядит, как живая кукла Барби. Мой брат забирает у неё пакет и целует её. Они могли бы быть уже женаты.

— Карлос, ты помнишь Бриттани?

Она раскрывает руки для объятия и притягивает меня к себе.

— Карлос, как хорошо, что ты приехал! — выдает она своим через чур радостным голосом. Я почти забыл, что она была в группе поддержки в школе, но как только она открывает рот, я не могу не вспомнить.

— Для кого? — спрашиваю я сухо.

Она отстраняется.

— Для тебя. И для Алекса. Он очень скучает без своей семьи.

— Ага.

Она прочищает горло и выглядит немного неловко.

— Эмм... окей, ну, я принесла вам немного Китайской еды на обед. Я надеюсь, вы проголодались.

— Мы мексиканцы, — говорю я, — почему ты не принесла чего-нибудь мексиканского?

Бриттани хмурит свои идеальной формы брови.

— Это была шутка, так?

— Да нет вообще-то.

Она поворачивается в сторону кухни.

— Алекс, не хочешь мне помочь тут немного?

Алекс появляется с пластиковыми тарелками и вилками в руках.

— Карлос, что у тебя за проблема?

Я пожимаю плечами.

— Никаких проблем. Я просто спрашивал у твоей девушки, почему она не принесла

мексиканской еды. Это она кто начал тут свой защитный акт.

— Прояви немного уважения и поблагодари ее, вместо того, чтобы заставлять ее чувствовать себя не в своей тарелке.

Кристально ясно, на чьей стороне мой брат. Когда-то Алекс сказал, что он вступил в Кровавых Латино, чтобы защитить свою семью, чтобы Луису и мне не пришлось этого делать. Но теперь я вижу, что эта семья ни хрена для него не значит.

Бриттани поднимает вверх руки.

— Я не хочу, чтобы вы из-за меня ссорились. — Она поправляет свою сумку на плече и вздыхает. — Я лучше пойду, и позволю вам двоим тут обосноваться.

— Не уходи, — говорит Алекс.

Dios mío[11], мой брат, похоже, потерял свои яйца где-то между Колорадо и Мексикой. Или может они у Бриттани где-нибудь в этой модной сумке.

— Алекс, пусть идет, если хочет. Пора порвать этот поводок, на котором она тебя держит.

— Все в порядке, правда, — говорит она и целует моего брата. — Наслаждайтесь обедом. Увидимся завтра. Пока, Карлос.

— Угу. — Как только она уходит, я хватаю коричневый пакет с кухонной столешницы и ставлю его на стол. Я читаю названия на каждой коробке. Куриный чоу мян... говяжий чоу фань... пу-пу ассорти. — Пу-пу ассорти?

— Это разные закуски, — объясняет Алекс.

Я не собираюсь даже близко подходить к чему-то с названием "пу-пу". Меня напрягает то, что мой брат вообще знает, что такое пу-пу ассорти. Я отставляю эту коробку в сторону, наваливаю себе полную тарелку не опознанной Китайской еды и начинаю уминать.

— Ты не собираешься, есть? — Я спрашиваю у Алекса.

Он смотрит на меня как будто я какой-то незнакомец.

— Qué pasa? [12] — спрашиваю я.

— Знаешь, Бриттани никуда не денется.

— В этом то и проблема, разве ты не видишь?

— Нет. Все что я вижу, так это как мой семнадцатилетний брат ведет себя так, как будто ему пять. Время взрослеть, mocosó[13].

— Чтобы я был такой же скучный придурок, как и ты? Нет, спасибо.

Алекс хватается за свои ключи.

— Ты куда?

— Иду извиняться перед своей девушкой, а потом на работу. Чувствуй себя, как дома, — говорит он, кидая мне ключи от квартиры. — И держись подальше от неприятностей.

— Раз ты идешь разговаривать с Бриттани, — говорю я, откусывая кусок яичного рола, — почему бы тебе заодно не попросить ее вернуть тебе твои huevos[87].

Глава 2

Киара

— Киара, я не могу поверить, что он бросил тебя по смс, — сказал мой лучший друг Тук, сидя на столе в моей комнате и читая три строчки сообщения в моем сотовом телефоне. "М/д нами все кончено. Прости. Не злись". Он кинул телефон обратно мне. — Меньшее, что он мог сделать, так это не использовать сокращения. Не злись? Этот парень, что шутит? Конечно, ты будешь зла на него.

Я легла на спину на кровати и уставилась в потолок, вспоминая первый раз, когда мы с Майклом поцеловались. Это случилось на уличном летнем концерте в Ниуоте, позади будки, продававшей мороженое.

— Он мне нравился.

— Ну, а мне нет. Я не доверяю тем, с кем знакомлюсь в приемной своего терапевта.

Я перевернулась на живот и оперлась на локти.

— Это был логопед. И он просто привозил туда своего брата.

Тук, которому никогда не нравились парни, с которыми я встречалась, достал из шкафчика в моем столе тетрадь с розовым скелетиком на обложке. Он пригрозил мне указательным пальцем.

— Никогда не верь парню, который на втором свидании говорит, что любит тебя. Со мной тоже случилось однажды. Это было просто смешно.

— Почему? Разве ты не веришь в любовь с первого взгляда?

— Нет. Я верю в страсть с первого взгляда. И влечение. Но не в любовь. Майкл сказал, что любит тебя только чтобы забраться к тебе в трусики.

— Откуда ты знаешь?

— Я парень. Вот откуда. — Тук нахмурился. — Ты не делала этого с ним, так?

— Нет, — я покачала головой, подчеркивая свой ответ. Мы шалили, но я не хотела переходить с ним на следующий уровень. Я просто, не знаю... не была готова. Я не видела и не разговаривала с Майклом с тех пор, как две недели назад началась школа. Конечно, мы перекидывались сообщениями, но он постоянно говорил, что был занят, и что позвонит, когда выдастся минутка. Он учится в выпускном классе Лонгмонта, что в двадцати минутах езды, а я хожу в школу в Боулдере, поэтому я просто думала, что он чем-то занят по учебе. Но теперь я знала, что причиной того, что мы перестали разговаривать, была совсем не его занятость. Он просто хотел, чтобы мы расстались.

Может это потому, что у него есть другая девчонка?

Может это потому, что я недостаточно красивая?

Может это потому, что я не хотела заниматься с ним сексом?

Мое заикание не могло быть причиной. Я работала над своей речью все лето и ни разу не заикнулась с июня. Каждую неделю я ездила на прием к доктору, каждый день я практиковалась говорить у зеркала, каждую минуту я слежу за словами, вылетающими из моего рта. До этого, я постоянно волновалась, когда что-то говорила, ожидая от людей сначала непонимающего взгляда, а потом того, как их осеняло "ох, у нее проблема". И приходил жалостливый взгляд. А за ним и предположение "наверное, она тупая". Или, как для некоторых девушек в моей школе, мое заикание было предметом насмешек.

Но я больше не заикаюсь.

Тук знает, что в этом году я готова показать всем свою самоуверенную сторону — сторону, которую я никогда не показывала ребятам в школе. Все три года старшей школы я была замкнутой и скромной, сильно боясь, что все будут смеяться над моим заиканием. С этого момента, вместо того, чтобы запомнить Киару Уэстфорд, как скромницу, они запомнят меня, как девушку, не боящуюся высказать свое мнение. Я не ждала нашего с Майклом разрыва. Я думала, что мы пойдем на танцы вместе, и на выпускной...

— Перестань думать о Майкле, — приказал Тук.

— Он был милым.

— Волосатый хорек тоже милый, но я бы не стал с ним встречаться. Ты можешь найти кого-то гораздо лучше. Не разменивай себя на гроши.

— Посмотри на меня, — сказала ему я. — Это реальность, Тук. Я не Медисон Стоун.

— И, слава Богу, я ненавижу Медисон Стоун.

Медисон превозносит выражение "грубая девушка" на абсолютно новые вершины. Она блистает во всем, за что берется, и с легкостью может быть коронована в качестве самой популярной девушки школы. Каждая девчонка мечтает стать ее подругой, чтобы примкнуть к клевой тусовке. Медисон Стоун создает клевую тусовку.

— Она нравится всем.

— Это потому, что все ее боятся. Тайно, все ее ненавидят. — Тук написал что-то в моей тетради и затем протянул ее мне. — Вот, — сказал он, и кинул мне ручку. Я уставилась на страницу. На верхушке было написано "ПРАВИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ", а центр разделен жирной чертой.

— Что это?

— В левой колонке напиши все свои лучшие качества.

Он что, издевается?

— Нет.

— Давай, начинай писать. Представь себе, что это просто самоутверждающее упражнение, и возможность понять, что девушки, как Медисон, не такие уж и привлекательные. Закончи предложение... Я, Киара Уэстфорд, замечательная потому, что...

Я знаю, что Тук не отвяжется, поэтому я пишу что-то глупое и возвращаю ему тетрадь. Он читает мои слова и строит гримасу.

— Я, Киара, замечательная потому, что... знаю, как кидать мяч, могу сменить масло в машине и ходить в длинные походы. Ух, парням это неважно. — Он выхватил ручку из моих рук, сел на край кровати и резво начал писать.

— Давай начнем с простого. Ты должна измерять привлекательность тремя частями, чтобы получить настоящий результат.

— Кто выдумал эти правила?

— Я. Это Правила Притяжения Тука Риза. Прежде всего, мы начнем с индивидуальности. Ты умная, смешная и полна сарказма, — говорит он, записывая все это в тетрадь.

— Я не уверена, что все из этого является положительными качествами.

— Поверь мне, они все положительны. Но подожди, я не закончил. Ты также преданный друг, ты обожаешь трудные ситуации больше, чем некоторые из моих знакомых парней, и ты замечательная сестра Брендону. — Закончив писать, он поднял глаза. — Вторая часть — твои навыки. Ты знаешь, как чинить машины, ты спортсменка, и знаешь, когда лучше промолчать.

— Последнее совсем не навык.

— Дорогуша, поверь мне, это навык.

— Ты забыл мой специальный салат из шпината и грецких орехов. — Я не умею готовить, но этот салат обожают все.

— Твой салат просто объедение, — говорит он, добавляя это к списку. — Окей, последнее, это физические особенности. — Тук осматривает меня с ног до головы, примеряясь.

Я издаю стон, размышляя над тем, когда же кончится это унижение.

— Я чувствую себя как корова на аукционе.

— Ага, ага, мне все равно. У тебя безупречная кожа и курносый нос, который отлично сочетается с твоими сиськами. Если бы я не был геем...

— Фуу. — Я скидываю его руку с листа. — Тук, пожалуйста, не произноси, и тем более, не пиши это слово.

Он откидывает свои длинные волосы с глаз.

— Какое, сиськи?

— Угх, Да, это. Говори груди. Слово на 'с' кажется таким... вульгарным.

Тук хмыкнул и закатил глаза.

— Окей, дерзкие... груди. — Смеется он, развеселенный. — Извини, Киара, просто это звучит как что-то, что ты собираешься пожарить на обед или заказать из меню. — Он притворяется, что у него в руках вместо моей тетради меню и изображает английский акцент: — Да, официант, мне, пожалуйста, жареные дерзкие грудки с капустным салатом.

Я кидаю Моджо, своего плюшевого медведя в голову Тука.

— Просто обзови их бюстом и двигайся дальше.

Моджо отскочил от него и приземлился на пол. Мой лучший друг не моргнул и глазом.

— Дерзкие сиськи, зачеркнуто. Дерзкие груди, зачеркнуто. — Он показательно долго зачеркивает оба варианта. — Заменяем на... дерзкий бюст, — говорит он, записывая каждое слово под произношение. — Длинные ноги, и длинные ресницы. — Он бросает взгляд на мои руки и кривится. — Без обид, но тебе бы не помешал маникюр.

— Это все?

— Не знаю. Можешь еще что-то придумать?

Я качаю головой.

— Окей, теперь мы знаем какая ты офигенная, нам нужно составить список для парня, которого ты хочешь. Мы сделаем это с правой стороны страницы. Начнем с личности. Ты хочешь парня, который... заполни пробел.

— Я хочу парня, который уверен в себе. На самом деле уверен в себе.

— Хорошо, — говорит он, записывая.

— Я хочу парня, который хорошо бы ко мне относился.

Тук продолжает писать.

— Хорошее отношение.

— Мне нравятся умные парни, — добавляю я.

— Умные от природы или заучки?

— Оба? — сомневаюсь я, не зная правильный ли это ответ.

Он хлопает меня по голове, как будто я ребенок.

— Хорошо. Давай продолжать - навыки. — Он заставляет меня замолчать, не давая сказать ни слова. Мне же лучше. — Я напишу эту часть за тебя. Ты хочешь парня, который умеет все, что и ты и кое-то еще. Кого-то, кому нравится спорт, кого-то, кто, по крайней мере, может принять твою любовь к починке этой старой твоей развалюхи машины, и...

— Черт, — вскакиваю я с кровати. — Я почти забыла. Мне нужно поехать в город и забрать кое-какую деталь из мастерской.

— Пожалуйста, скажи мне, что это плюшевые кубики, чтобы повесить их на твое зеркало заднего вида.

— Это не плюшевые кубики. Это радио. Винтажное радио.

— — О, чтоб меня! Винтажное радио, в тон твоей винтажной машины! — говорит Тук с сарказмом, и пару раз хлопает в ладоши в притворной радости.

Я закатываю на него глаза.

— Хочешь поехать со мной?

— Нет. — Он закрывает мою тетрадь и кидает ее мне на стол. — Последнее, чего мне хочется, это слушать, как ты разговариваешь о машинах с теми, кому на самом деле не наплевать.

Завезя Тука домой, за пятнадцать минут я добираюсь до автомастерской МакКоннелла. Я паркую свою машину рядом и вижу Алекса, одного из механиков, согнутого над двигателем БМВ Жука. Алекс был одним из студентов моего отца. В прошлом году, после занятий, мой отец узнал, что Алекс работает с машинами. Он сказал Алексу о Монте Карло 1972 года, которую я пыталась отреставрировать, и с тех пор Алекс помогал мне доставать для нее запчасти.

— Привет Киара. — Он вытер руки о тряпку и попросил подождать пока он пойдет, принесет мое радио. — А вот и оно, — говорит он, открывая коробку. Он вынимает радио и снимает с него защитную пленку. С задней части торчат провода, как худющие ножки, но оно идеально. Я знаю, что мне не стоит так радоваться по поводу радио, но с ним приборная панель будет закончена. То радио, что было изначально в машине никогда не работало со мной, и перед

его был разбит, поэтому Алекс искал в сети достойную замену.

— У меня не было времени его протестировать, — говорит он и проверяет каждый провод на то, хорошо ли тот закреплен. — Мне нужно было встретить брата в аэропорту, поэтому я не смог прийти пораньше.

— Он приехал в гости из Мексики? — спрашиваю я.

— Он не в гостях. Он с завтрашнего дня начинает выпускной класс в Флатайрон, — говорит он, заполняя чек. — Ты тоже там учишься, да?

Я киваю. Он возвращает радио в коробку.

— Тебе нужна помощь с установкой?

До того, как я его увидела, я так не думала, но теперь сомневалась.

— Может быть, — отвечаю ему я. — В прошлый раз, когда я паяла провода, я их перепутала.

— Тогда не плати за это сейчас, — говорит он. — Если будет время, приезжай завтра после школы, и я его установлю. Заодно и протестируем его.

— Спасибо, Алекс.

Он поднял глаза от чека и постучал ручкой по столу.

— Я знаю, это может прозвучать глупо, но не могла бы ты показать моему брату школу? Он никого там не знает.

— У нас в школе есть отличная программа встречи новых студентов, — говорю я, гордясь тем, что могу помочь. — Я могу встретиться с тобой в офисе директора и записаться в качестве его гида. — Старая Киара была бы слишком смущена и никогда бы не предложила такого, но не новая Киара.

— Мне стоит тебя предупредить...

— О чем?

— С моим братом бывает трудно.

Мои губы растягиваются в улыбке, потому что, как заметил Тук...

— Я люблю трудности.

Глава 3

Карлос

— Мне не нужен гид по школе.

Это мои первые слова после того, как мистер Хаус, директор Флатайрон Хай представляет меня Киаре Уэстфорд.

— Мы гордимся нашей программой приема новых студентов, — говорит мистер Хаус Алексу. — Они помогают быстрее освоиться на новом месте.

Мой брат кивает.

— Со мной никаких проблем. Мне нравится идея.

— А мне нет, — бормочу я. Мне не нужен, чертов гид, потому что 1) по тому, как Алекс приветствовал Киару несколько минут назад, было понятно, что он ее знает; 2) девчонка так себе; ее волосы собраны в конский хвост, она обута в ботинки для походов и одета в бриджды с логотипом Under Armour, виднеющимся внизу, и от шеи до колен закрыта безразмерной футболкой с надписью 'MONTAINEER' спереди; 3) мне не нужна нянька, особенно, организованная моим братом.

Мистер Хаус садится в свое кожаное кресло и протягивает Киаре копию моего расписания. Ну, замечательно, теперь девчонка знает, где я должен быть каждую секунду дня. Если бы эта ситуация не была бы такой унижающей, она была бы смешной.

— Это большая школа, Карлос, — говорит мистер Хаус, как будто я сам не смог бы

разобраться с картой. — Киара образцовый студент. Она покажет тебе твой шкафчик и проводит тебя на занятия твоей первой недели здесь.

— Ты готов? — спрашивает девчонка с огромной улыбкой. — Звонок для опаздывающих на первый урок уже прозвенел.

Могу я попросить другого гида, который не выглядит таким счастливым, находясь в школе в 7.30 утра?

Алекс отсылает меня жестом руки, и я борюсь с желанием показать ему средний палец, не думаю, что директору это понравится.

Я следую за образцовой студенткой в пустой коридор и думаю, что попал в ад. По обеим сторонам коридора бегут шкафчики студентов, и на стенах развешаны различные плакаты. На одном сказано:

"ДА, МЫ МОШЕМ! – ГОЛОСУЙТЕ ЗА МЕГАН МОШ В КАЧЕСТВЕ ПРЕЗИДЕНТА ШКОЛЫ", а на другом: "ДЖЕЙСОН ТОТ – ТОТ ПАРЕНЬ, ЗА КОГО ГОЛОСУЕМ В КАЧЕСТВЕ СТУДЕНЧЕСКОГО КАЗНАЧЕЯ", все это висит вместе с остальными плакатами от людей, которые хотят "СДЕЛАТЬ ЗДОРОВЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЕДЫ НОРМОЙ! – ГОЛОСУЙТЕ ЗА НОРМА РЕДДИНГА!"

Здоровые студенческие обеды?

Черт, в Мексике ты ешь то, что приносишь собой из дома или то дерьмо, что там ставят тебе под нос. Выбора там не нет. Там, где я жил в Мексике, ты ешь, чтобы выжить, не считая калории. Не то, чтобы в Мексике нет людей, живущих как короли. Так же, как и в Америке, в каждом из тридцати одного мексиканского штата есть богатые районы... просто моя семья не живет в одном из них. Флатайрон не для меня, и я точно не хочу ходить всю неделю по пятам этой девчонки. Интересно, сколько выдержит этот образцовый студент перед тем, как сдастся и бросит это дело? Она проводит меня к моему шкафчику, и я заталкиваю внутрь свои вещи.

— Мой шкафчик через два от твоего, — заявляет она, как будто это отличная новость. Когда я готов, она идет по коридору и в то же самое время изучает мое расписание. — Класс мистера Хеннеси через один пролет по лестнице.

— ¿Dónde está el servicio[14] ? спрашиваю ее я.

— А? Я не говорю по-испански. Je parle français – Я говорю по- французски.

— Почему? В Колорадо живет много французов?

— Нет, но я хочу поехать на семестр во Францию, перед выпуском из колледжа, как это сделала моя мама.

Моя мама даже старшую школу не закончила. Она забеременела Алексом и вышла замуж за отца.

— Ты учишь язык ради одного семестра? По мне, так это глупо. — Я останавливаюсь у двери с нарисованной фигуркой мужчины. Большим пальцем я показываю на дверь. — Servicio - это туалет... я спросил, где здесь туалет.

— Ох. — Она выглядит немного растеряно, как будто не знает, что делать с отступлением от графика. — Ну, я тогда здесь тебя подожду.

Время посмеяться над моим гидом по школе.

— Конечно, если ты хочешь зайти со мной и показать мне, что там и как... я не знаю, насколько далеко ты собираешься зайти с этим гидством.

— Не так далеко. — Она поджимает губы, как будто съела лимон и качает головой. — Иди, я подожду.

В туалете, я кладу руки на раковину и делаю глубокий вдох. Все, что я вижу в зеркале, так это парня, семья которого думает, что он полный неудачник. Может мне стоило сказать моей маме правду: меня уволили с мельницы за то, что я пытался защитить маленькую

пятнадцатилетнюю Эмили Хуарез от сексуальных домогательств одного из менеджеров. Мало того, что ей пришлось бросить школу и пойти работать, чтобы помочь семье приносить еду на стол. Так, когда наш босс решил, что он может положить на нее свои грязные руки только потому, что он el jefe[15], я сорвался. Да, я лишился работы... но оно того стоило и я бы снова это сделал, даже с теми же самыми последствиями.

Стук в дверь возвращает меня обратно к реальности, и к тому факту, что меня провожает в класс девчонка, одетая для похода в горы. Не могу представить, чтобы такая девушка, как Киара когда-либо нуждалась в том, чтобы за нее кто-то вступился, да она просто задушит своей безразмерной футболкой того, кто посмеет ее обидеть.

Дверь немножечко приоткрывается.

— Ты все еще там? — Голос Киары разносится по туалету.

— Ага.

— Ты закончил?

Я закатываю глаза. И когда выхожу из туалета, направляюсь напрямиком к лестнице, замечая, что мой гид за мной не следует. Она стоит посреди пустого коридора, с тем же выражением лица.

— Тебе не нужно было в туалет, — говорит она с раздражением. — Ты просто тянул время.

— Ты просто гений, — отвечаю я безо всякого энтузиазма, поднимаясь по лестнице две ступеньки одновременно.

Один ноль в пользу Карлоса Фуэнтеса.

Я слышу шаги за своей спиной, пытающиеся меня догнать. Я захожу на второй этаж, думая о том, как бы мне от нее избавиться.

— Спасибо, что без причины заставляешь меня опаздывать на урок, — говорит она, спеша за мной.

— Не вини меня. Это была не моя идея обзавестись нянькой. И, чтоб ты знала, я могу и сам тут разобраться.

— Правда? — спрашивает она. — Потому что ты только что прошел мимо класса мистера Хеннеси.

Черт.

Одно очко в пользу образцового студента.

Счет 1-1. Но мне не нравится ничья. Я люблю побеждать...с большим отрывом. Не могу не чувствовать раздражения от веселых огоньков, пляшущих в глазах моего гида. Я делаю шаг ближе к ней, намного ближе.

— Ты когда-нибудь прогуливала урок? — спрашиваю я, в моем голосе смешиваются флирт и игривость. Я пытаюсь выбить ее из колеи, чтобы снова стать главным.

— Нет, — отвечает она мягко, очевидно нервничая.

Хорошо. Я наклоняюсь еще ближе.

— Надо сделать это как-нибудь вместе, — говорю я тихо и открываю дверь в класс.

Я слышу, как она делает глубокий вдох. Я не просил лицо и тело, которые девушки находят привлекательными. Но благодаря смеси ДНК моих родителей я их получил, и не стыжусь ими пользоваться. Имея лицо, которому бы позавидовал Адонис одно из бонусов моей жизни, и я пользуюсь его полным потенциалом, плохо это или хорошо.

Киара быстро представляет меня мистеру Хеннеси, и также быстро закрывает за собой дверь. Я надеюсь, мой флирт насовсем отпугнул ее. Если нет, в следующий раз придется постараться получше. Я сижу в классе по математике и разглядываю людей вокруг. Все ученики выглядят так, как будто пришли из обеспеченных семей. Эта школа совсем не Фейрфилд Хай, на окраине Чикаго, где я жил до того, как переехать в Мексику. В Фейрфилд Хай были и бедные и богатые студенты. Флатайрон Хай выглядит больше как одна из частных школ в Чикаго, где все

носят дизайнерскую одежду и водят дорогие машины.

Мы смеялись тогда над теми студентами. Теперь я ими окружен. По окончании математики Киера ждет меня за дверью. Я не могу в это поверить.

— Ну, как прошло? — спрашивает она сквозь шум коридора и людей, спешащих на свои следующие занятия.

— Ты не хочешь, чтобы я ответил честно, так?

— Скорее всего, нет. Пошли, у нас есть всего пять минут. — Она двигается через поток студентов. Я иду следом, наблюдая, как ее хвост болтается из стороны в сторону, как хвост у лошади, с каждым ее шагом. — Алекс предупреждал меня, что ты мятежник.

Она и половины еще не видела.

— Откуда ты знаешь моего брата?

— Он был студентом моего отца. И он помогает мне отреставрировать мою машину.

Эта девчонка нереальна. Реставрирует машину?

— Что ты знаешь о машинах?

— Побольше, чем ты, — говорит она через плечо.

Я смеюсь.

— Хочешь поспорим?

— Может быть. — Она останавливается перед классом. — Тут твой класс по биологии.

Красотка проходит мимо и заходит внутрь. Она одета в джинсы в обтяжку и крохотную маечку.

— Вау, кто это был?

— Медисон Стоун, — бормочет Киара.

— Представь меня ей.

— Зачем?

Потому что тебя это доведет до белого каления.

— Почему нет?

Она прижимает книжки к груди, как будто они ее щит.

— Я могу назвать с ходу минимум пять причин.

Я пожимаю плечами.

— Перечисли мне их.

— Нет времени, скоро прозвенит звонок. Может ты сам в состоянии представиться Миссис Шевеленко? Я только что вспомнила, что забыла свою домашку по французскому в своем шкафчике.

— Тебе лучше поторопиться, — я смотрю на свое запястье, на котором нет часов, но не думаю, что она заметила. — Скоро прозвенит звонок.

— Я встречу тебя после занятия. — Она убегает по коридору.

В классе я жду, пока Шевеленко поднимет голову и заметит меня. Она за своим компьютером, и судя по ее виду, отправляет персональное электронное письмо.

Я прочищаю горло, чтобы привлечь ее внимание. Она поднимает глаза на меня и сменяет программы в компьютере.

— Выбирай любое место. Я проверю посещаемость через минуту.

— Я новенький, — говорю я ей. Она бы и сама могла догадаться, меня не было на ее занятиях последние две недели, но какая мне разница.

— Ты тот студент по обмену из Мексики, да?

Вообще-то нет. Это называется переведенный студент, но не думаю, что этой женщине важны детали.

— Ага.

Не могу не заметить капельки пота на усиках над ее верхней губой. Я уверен, что существуют люди, которые могут помочь с этим. У моей тети Консуэлы была та же проблема, пока моя мама не свела ее и немного горячего воска в одной комнате.

— Ты говоришь на английском или испанском дома? — спрашивает Шевеленко.

Я не уверен, является ли этот вопрос вообще законным.

— На обоих.

Она вытягивает шею и сканирует класс.

— Рамиро, иди сюда.

Парень латино подходит к ее столу. Он почти точная копия лучшего друга Алекса, Пако, только выше. Когда они учились в выпускном классе в школе, их подстрелили, и наша жизнь перевернулась с ног на голову. Пако умер. Я не знаю, если мы когда-нибудь сможем от этого оправиться. После того, как мой брат вышел из больницы, моя семья переехала к родственникам в Мексику. С тех пор, все было совсем по-другому.

— Рамиро, это... — Шевеленко смотрит на меня. — Как тебя зовут?

— Карлос.

Она переводит взгляд на Рамиро.

— Он мексиканец, ты мексиканец, удостоверься, что вы, испаноговорящие, будете в паре.

Я следую за Рамиро к одному из лабораторных столов.

— Она что, серьезно? — спрашиваю я.

— Ну, да. В прошлом году, я слышал, как Тяжелая Шеви шесть месяцев звала одного парня — Ивана, ‘Русский’, прежде, чем запомнила его имя.

— Тяжелая Шеви? — переспрашиваю я.

— Не смотри на меня, — говорит Рамиро. — Не я это придумал. У нее эта кликуха уже, как минимум, лет двадцать.

Звенит звонок, но все продолжают разговаривать. Тяжелая Шеви все еще за компьютером, занятая своей электронной почтой.

— Me llamo Ramiro[16], но это слишком латино, поэтому все зовут меня Рам.

Мое имя тоже латино, но я не чувствую необходимости принижать свои корни и менять имя на Карл, только чтобы меня тут приняли. От одного взгляда на меня понятно, что я Латино, так чего притворяться, что я кто-то, кем я не являюсь?

Я постоянно обвинял Алекса в том, что он хочет быть белым, потому что ему не нравится, когда его зовут полным именем, Алехандро.

— Me llamo Carlos, ты можешь звать меня Карлос.

Теперь, когда я внимательнее к нему приглядываюсь, я замечаю, что Рам одет в одну из футболок для гольфа с каким-то дизайнерским лого. Может у него и есть семья в Мексике, но я сомневаюсь, что она живет вблизи моей.

— Чем у вас тут занимаются, чтобы повеселиться? — спрашиваю я.

— Вопрос в том, чего тут нет, — говорит Рам. — Можно тусоваться в Молле на Перл Стрит, ходить в кино, ходить в походы, кататься на сноуборде, заниматься рафтингом, лазать по горам, зажигать с девчонками из Ниуота и Лонгмонта на вечеринках.

Ничего из вышеперечисленного входит в мои представления о веселье, ну, кроме последней части про вечеринки. Напротив нашего стола та красotka — Медисон. Помимо ее облегающей одежды, у нее длинные светлые волосы, широкая улыбка и chichis[17] еще больше, чем у Бриттани. Не то, чтобы я заглядывался на девушку моего парня, просто их как-то сложно не заметить. Медисон наклоняется через стол.

— Я слышала, ты новенький, — говорит она. — Я — Медисон. А ты...

— Карлос, — выдает Рам, прежде, чем я успеваю что-то сказать.

— Я уверена, что он и сам может представиться, Рам, — отрезает она, заправляя прядь волос себе за ухо, открывая тем самым бриллиантовые серьги, которые вполне могли бы ослепить кого-нибудь, попади на них свет под нужным углом. Она наклоняется ближе ко мне и прикусывает нижнюю губу. — Так ты новенький из Ме-хии-ко?

Меня всегда раздражало, когда белая молодежь пытается говорить, как будто они Мексиканцы. Интересно, что еще она слышала обо мне.

— Sí[18], — отвечаю я. Она одаривает меня сексуальной улыбкой и наклоняется еще ближе. — Estás muy caliente[19]. — По-моему, она только что назвала меня горяченьким. В Ме-хии-ко мы не так это говорим, но я ее понял. — Мне бы не помешал репетитор по испанскому. Мой последний оказался полным неудачником.

Рам прочищает горло.

— Qué tira[20]! Если ты еще не догадался, я был ее последним репетитором.

Я все еще смотрю на Медисон. У нее точно все при деле, и она не стесняется пользоваться своими преимуществами. Хотя моим обычным типажом являются темнокожие экзотические Мексиканки, я подозреваю, что никто не сможет устоять перед Медисон. И она это знает.

Когда девушка с другого стола отвлекает Медисон, я поворачиваюсь к Раму.

— Ты был ее репетитором или встречался с ней? — спрашиваю я.

— И то и другое. Иногда одновременно. Мы расстались месяц назад. Прими мой совет и держись подальше. Она кусается.

— В буквальном смысле? — спрашиваю я улыбаясь.

— Честно, ты не хочешь приближаться настолько близко, чтобы узнать ответ на свой вопрос. Просто знай, что к концу наших отношений я стал студентом, а она репетитором. И я не об испанском говорю.

— Está sabrosa[21]. Я все же рискну.

— Тогда вперед, чувак, — говорит Рам, и в тот же самый момент Тяжелая Шеви встает и начинает свой урок. — Но не говори, что я тебя не предупреждал.

Я не собираюсь становиться чьим-то бойфрендом, просто хочу привести парочку девиц из Флатайрон Хай к Алексу домой и показать ему, что я полная его противоположность. Я снова смотрю на Медисон, и она улыбается мне, как будто обещая что-то. Да, она точно идеально подойдет на роль той, что я приведу к Алексу. Она как Бриттани, только без ореола над головой.

Отмучившись на моих утренних занятиях, я точно готов что-то съесть на обед. Когда звенит звонок, я радуюсь тому, что Киара не ждет меня снаружи, как обещала. Я направляюсь к своему шкафчику, чтобы взять свой пакет с обедом, что я заранее приготовил из того, что было у Алекса в холодильнике.

Может мой гид сдался. Мне же лучше, хоть я и потратил десять минут в поисках столовой. Заходя внутрь, я готовлюсь сесть за один из свободных круглых столов, но вижу Рама, взмахом руки приглашающего присоединиться.

— Спасибо, что кинул меня, — говорит голос позади меня.

Я смотрю на своего гида.

— Я думал, ты меня бросила.

Она качает головой, как будто это наиглупейшая мысль, которую она когда-либо слышала.

— Я не бросала тебя, я просто не смогла уйти с занятия пораньше.

— Плохо, — говорю я, притворяясь, что сочувствую. — Я бы подождал, если б знал...

— Ага, конечно. — Она кивает в сторону стола Рама. — Иди, садись с Рамом, я видела как он тебе махал.

Я одариваю ее шокирующим взглядом.

— Ты, правда, разрешаешь мне сесть с ним?

— Ты можешь сесть со мной, — говорит она, как будто я только того и жду.

— Нет, спасибо.

— Я так и подумала.

Пока Киара стоит в очереди, чтобы купить себе горячий обед, я подхожу к столу, за которым сидит Рам. Пока я сажусь, Рам представляет меня своим друзьям, белым чувакам, которые выглядят, как клоны друг друга. Они разговаривают о девчонках, спорте и своих любимых командах американского футбола. Я сомневаюсь, что кто-то из них выжил бы даже день на сахарной мельнице в Мексике. Некоторые мои друзья зарабатывают менее 15 долларов в день. Часы на этих парнях, скорее всего, стоят больше, чем мои друзья зарабатывают за год. Когда Рам отходит к очереди у нашего стола появляется Медисон.

— Привет, ребята, — говорит она.

— На этих выходных моих родителей не будет дома. Поэтому в пятницу вечером я устраиваю вечеринку, если вы хотите прийти. Только не говорите Раму об этом.

Медисон лезет в сумку и достает оттуда блеск для губ. Она несколько раз опускает кисточку в жидкость и подносит ее к губам. Как только я думаю, что она закончила, ее рот формирует идеальное "О" и она начинает наносить блеск, водя кисточкой по кругу. Я проверяю, если кто-то еще наблюдает за этим эротическим шоу. Естественно, двое друзей Рама прекратили свой разговор и теперь полностью сфокусировались на Медисон и ее таланте. Вернувшись, Рам полностью фокусируется на поедании куска пиццы.

Медисон издает губами звук, который возвращает мое внимание к ней.

— Карлос, дай-ка я дам тебе свою информацию, — говорит она, доставая ручку и хватая меня за руку. Она начинает писать свой телефон и адрес на моей руке, повыше моей татуировки, как будто она художник. Закончив, она машет мне пальцами и уходит, чтобы сесть со своими подругами. Я откусываю свой сэндвич и сканирую столовую в поисках Киары – Анти-Медисон. Она сидит с парнем, чьи светлые лохмы спадают ему на лицо. Чувак примерно моего роста и телосложения. Это ее парень? Если так, мне его жаль. Киара одна из тех девчонок, которая ожидает от парня полного подчинения и целования ее задницы. Ни мое тело, ни разум не приспособлены к подчинению, и вам сначала придется меня убить, прежде, чем я буду целовать чей-то зад.

Глава 4

Киара

— Ну и как тебе быть гидом? — спросила меня мама за ужином. — Я знаю, что ты с нетерпением ждала этого сегодня утром.

— Да так себе, — ответила я, протягивая своему младшему братику третью салфетку, потому что соус от макарон был размазан по всему его лицу. Я вспомнила конец восьмого урока, когда я пришла к классу Карлоса и обнаружила, что он уже ушел. — Карлос бросил меня дважды.

Отец, психолог до мозга костей, который считает, что люди – это экземпляры для анализа, нахмурил брови, накладывая себе в тарелку вторую порцию зеленого горошка.

— Бросил тебя? Почему?

— Эм... — Потому что он считает себя слишком крутым для того, чтобы воспользоваться помощью гида по школе.

Моя мама хлопаем меня по руке.

— Бросать своего гида совсем не хорошо, но будь с ним терпелива. Он сменил место жительства. Это нелегко.

— Твоя мама права. Не суди его слишком строго, — говорит отец. — Он, скорее всего,

просто пытается найти свою нишу. Алекс заходил ко мне после занятия, и мы с ним поговорили. Бедняга. Ему самому всего двадцать, а он уже несет ответственность за семнадцатилетнего.

— Почему бы тебе не пригласить Карлоса к нам завтра после школы? — предлагает мама.

Отец показывает на нее вилкой.

— Отличная идея.

Я уверена, последнее, что Карлос хочет делать – это прийти ко мне домой. Он четко и ясно дал понять, что выносит мое общество на этой неделе только потому, что должен. Как только в пятницу моя работа будет выполнена, он, вполне возможно, устроит вечеринку по этому случаю.

— Я не знаю.

— Пригласи его, — говорит мама, игнорируя мое сомнение. — Я сделаю печенье с апельсиновым мармеладом по новому рецепту, который дала мне Джоани.

Я не уверена, что Карлос сможет оценить печенье с апельсиновым мармеладом, но...

— Я спрошу его. Но не удивляйтесь, если он скажет, нет.

— Не удивляйся, если он скажет да, — сказал отец, как всегда оптимист.

На следующее утро, провожая Карлоса в класс на перемене между третьим и четвертым уроком, я набралась храбрости и спросила:

— Хочешь зайти ко мне после школы?

Его брови взлетели вверх.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

Я сжала зубы.

— Не надейся.

— Хорошо, потому что ты не в моем вкусе. Мне нравятся мои женщины сексуальными и глупыми.

— Ты тоже не в моем вкусе, — огрызаюсь я в ответ. — Мне нравятся мои парни умными и смешными.

— Я смешной.

Я пожимаю плечами.

— Может, я слишком умна, чтобы понимать твои шутки.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я пришел?

— Моя мама... испекла печенье. — Я съежилась, как только слова слетели с языка. Кто приглашает парня на печенье? Может мой братишка, но он еще в садике. — Не то, что это свидание или что-то вроде. — Выдаю я, на случай, если он подумает, что я тайно все же пытаюсь заарканить его. — Просто... печенье.

Как бы мне хотелось переписать весь этот разговор, но уже поздно, возврата нет. Мы подошли к его классу, но он все еще не ответил.

— Я подумаю об этом, — говорит он и оставляет меня одну в коридоре. Он подумает об этом? Как будто придя ко мне, домой он сделает мне огромное одолжение, а не наоборот.

У наших шкафчиков, в конце дня, когда я думаю, он уже и забыл о том, что я его спросила прийти в гости, он наклоняется и засовывает руки в карманы.

— А что за печенье?

Из всех вопросов в мире, почему он задал этот?

— Апельсиновое, — говорю я. — С апельсиновым мармеладом.

Он наклоняется ближе, как будто я не произнесла это достаточно громко или четко.

— Апельсиновым чем?

— Мармеладом.

— А?

— Мармеладом.

Извините, но тут уж нет никакой возможности красиво произнести слово "мармелад" с этими буквами "м" так близко это звучит по-дурацки. Ну, я хотя бы не заикнулась.

Он кивает. И я вижу, он пытается сохранить серьезное выражение лица, но ему не удается. Он начинает смеяться.

— Можешь сказать это еще раз?

— Чтобы ты дальше надо мной смеялся?

— Sí. Это стало моей главной целью в жизни. Так получилось, что с тобой, это очень легко.

Я с грохотом закрываю шкафчик.

— Считаю, что я официально отменила приглашение.

Я ухожу, но по дороге вспоминаю, что оставила все домашнее задание в шкафчике и мне придется снова его открыть. Я быстро хватаю те три книжки, что будут мне нужны, запихиваю их в рюкзак и направляюсь к выходу.

— Если бы они были шоколадные с шоколадной крошкой, я бы пришел, — кричит он мне в след и смеется.

Тук ждет меня на парковке для старшеклассников.

— Ты чего так долго?

— Припиралась с Карлосом.

— Опять? Послушай, Киара, сегодня всего лишь вторник. У тебя еще три дня с ним впереди. Почему бы тебе не бросить эту затею с гидом, и покончить с этим безумием.

— Потому что он именно этого и хочет, — говорю я, залезая в машину и выезжая со стоянки.

— Я не хочу удостаивать его чести постоянно меня принижать. Он такой невыносимый.

— Должно быть что-то, что ты можешь сделать, чтобы заставить его съесть свои слова.

Со словами Тука мне в голову приходит, замечательна идея.

— Вот именно! Тук, ты гений, — говорю я с энтузиазмом. И делаю резкий разворот.

— Куда мы едем? — говорит Тук и показывает в противоположном направлении. — Твой дом в той стороне.

— Сначала нам нужно будет купить кое-какие ингредиенты в супермаркете, потом заедем в Строительный МакГакина. Мы испечем шоколадное печенье с шоколадной крошкой.

— С каких это пор ты печешь? — спрашивает Тук. — И почему именно шоколадное с шоколадной крошкой?

Я одаряю его озорной улыбкой.

— Я собираюсь использовать его, чтобы заставить Карлоса съесть свои слова.

Глава 5

Карлос

В среду, выйдя из школы, я направился в автомастерскую, чтобы встретиться с Алексом. Как только я перешел дорогу, рядом со мной остановился красный Мустанг. За рулем сидела Медисон, окна в машине были полностью опущены. Когда я подошел ближе, она спросила, куда я направляюсь.

— К МакКоннеллу — там работаем мой брат, — отвечаю ей я. Он сказал, что я могу помочь ему и заодно подзаработать сам.

— Запрыгивай, я тебя подвезу.

Медисон говорит своей подружке пересесть назад, и я занимаю пассажирское сидение рядом с ней.

Я никогда не жил в таком месте, где тебя не оценивают по цвету твоей кожи или по размеру банковского счета твоих родителей, поэтому меня настораживает интерес Медисон.

Черт, перед классом Тяжелой Шеви я воспользовался всем своим шармом с Киарой, а она даже глазом не моргнула или расслабила свои поджатые губы. Все, что я получил, был вздох отвращения. Но вчера она пригласила меня на печенье. С апельсиновым мармеладом. Кто, черт возьми, приглашает кого-то в гости на печенье с апельсиновым мармеладом? Самое смешное, я думаю, что она приглашала меня на полном серьезе. Сегодня она провожала меня из класса в класс, не говоря ни единого чертового слова. Я даже пытался заставить ее говорить, делая насмешки, но она не проглотила наживу.

Медисон вбила адрес МакКоннелла себе в навигатор.

— Карлос, — говорит Леси, наклоняясь между сиденьями, когда Медисон трогается с места. Она хлопает меня по плечу, как будто я ее до этого не слышал. — Это правда, что тебя исключили из предыдущей школы за то, что ты избил кого-то?

Я был в школе всего три дня, а обо мне уже идут сплетни.

— Вообще-то, их было трое и питбуль, — шучу я, но судя по ее открытому от удивления рту, она мне поверила.

— Вау! — она снова стучит мне по плечу. — В Мексике они пускают собак в школы?

Леси тупее, чем бурито без бобов.

— О, да. Но только питбулей и чихуа-хуа.

— Было бы прикольно, если бы я могла приносить Пудлз в школу! — Она опять хлопает меня по плечу, и я подавляю желание постучать ей, но раз на 100 больше, чтобы она точно поняла, насколько это раздражает.

— Пудлз это мой лабродудл.

Что за нафиг лабродудл? Чтобы это ни было, я уверен, что питбуль моей двоюродной сестры Ланы съест этого Пудлза лабродудла на обед.

— Это твой брат, кто привел тебя в школу в понедельник? — спрашивает Медисон.

— Ага, — отвечаю я, как раз когда она заезжает на стоянку автомастерской.

— Моя подруга Джина сказала мне, что видела вас в административном офисе. Ваши родители в отъезде?

— Я живу с братом. Остальная моя семья в Мексике. — Не собираюсь вдаваться в детали о том, что мой отец погиб на плохо закончившейся нарко-сделке когда мне было четыре и что мама практически пинками выгнала меня из дома и отправила сюда.

Медисон выглядит шокированной.

— Ты живешь с братом без родителей?

— Без родителей.

— Ты такой счастливчик, — говорит Леси. — Мои родители постоянно рядом, а моя сестра просто чокнутая, но я обычно тусуюсь у Медисон, она одна в семье и ее родаков никогда не бывает дома.

В этот момент Медисон смотрела в зеркало заднего вида и при упоминании ее родителей она на миг замирает, прежде, чем снова улыбнуться.

— Они много путешествуют, — говорит она, покрывая губы тем же блеском для губ, что и раньше. — Но мне это нравится, потому что я могу делать, что хочу с кем хочу безо всяких правил.

Учитывая то, что моя жизнь полна людей, желающих ею управлять, ее жизненная ситуация звучит для меня совсем неплохо.

— Обоже, ты и твой брат выглядите как близнецы, — говорит Леси, когда Алекс подходит к Мустангу.

— Не вижу схожести, — говорю ей я, открывая дверь. Медисон и Леси тоже выходят из машины. Они ждут, что я их представлю? Они обе стоят передо мной со своей бледной,

идеальной кожей и макияжем, блестящем на солнце. — Спасибо, что подвезли, — говорю я.

Они обе меня обнимают. Объятие Медисон гораздо крепче. Это точно знак того, что она во мне заинтересована.

Я вижу, что Алекс не вполне уверен, что я делаю с этими телками. Я кладу руки на плечи им обеим.

— Эй, Алекс, это Медисон и Леси. Две самые горяченькие девчонки Флатайрон Хай.

Они кивают Алексу и светят улыбками в его сторону. Им понравился комплимент, но, я думаю, они и сами знают, как выглядят и им не нужно напоминание.

— Спасибо, что подвезли моего брата, — говорит Алекс, затем поворачивается и направляется обратно внутрь.

Девчонки уезжают, и я следую за ним в мастерскую, находя его занятым под бампером SUV, который, судя по его виду, недавно был в аварии.

— Ты один здесь? — спрашиваю я.

— Ага. Помогите мне вынуть эту штуку, — говорит он мне, протягивая гаечный ключ.

Алекс и я раньше подрабатывали в автомастерской нашего двоюродного брата Энрике. Это была одна из тех вещей, что мы делали, пытаясь держаться подальше от неприятностей. Мои братья научили меня всему, что сами знали о машинах, а тому, что они упустили, я научился сам, разбирая старые развалины на заднем дворе мастерской.

Я заглянул под бампер SUV и стал откручивать гайки. Звук ударов металла о металл раздавался по помещению и на секунду я почувствовал, что мы снова оказались в Чикаго с Энрике.

— Милые девчонки, — говорит мой брат с сарказмом, пока мы работаем рука об руку.

— Да, я знаю. Я думал пригласить их обеих на танцы. — Я запикиваю гаечный ключ в задний карман. — О, прежде чем, я забуду, Киара приглашала меня вчера на печенье.

— Почему ты не пошел?

— Помимо того, что я не хотел, она отменила приглашение.

Алекс переводит свой фокус с бампера на меня.

— Пожалуйста, скажи, что ты не был полным *pendejo*[22] с ней.

— Я всего лишь немного повеселился, вот и все. Следующий раз, когда ты будешь организовывать для меня няньку, удостоверься, что она не будет одеваться в безразмерные футболки с глупыми надписями. Киара напоминает мне одного чувака, которого я знал в Чикаго. Алекс, я даже не уверен, что она на самом деле девушка.

— Ты хочешь, чтобы я тебе это д-д-доказала? — голос моего бывшего гида раздается со стороны двери.

О, Черт.

Глава 6

Киара

— Да, — говорит Карлос, вызов и веселье прямо так и написаны на его лице. — Докажи.

Алекс поднимает руку.

— Нет. Не надо. — Он прижимает Карлоса к машине и что-то бормочет ему по-испански. Карлос также тихо что-то отвечает. Я не имею понятия, что они говорят, но ни один из них не выглядит счастливым.

Я тоже не в духе. Я не могу поверить, что заикнулась. Я так зла на себя, за то, что позволила Карлосу так задеть меня эмоционально, что я захлебнулась в собственных словах. Это значит, что у него есть власть надо мной, и это злит меня еще больше. Я не могу дождаться пятницы и начала Операции Печенье. Мне нужно дождаться пока печенье будет готово к тому, что я

задумала. По крайней мере, он не будет этого ожидать.

Раздраженный Алекс отходит от Карлоса и достает коробку из-под стойки с кассовым аппаратом.

— Я протестировал твое радио, и я думаю, что в нем не достает пружины. Я не думаю, что оно будет работать, но все же хочу попробовать. Дай-ка мне ключи, я заведу твою машину внутрь. — Он поворачивается к Карлосу. — А ты не произноси ни слова, пока меня не будет.

Как только Алекс ступает за порог, Карлос говорит:

— Если ты все еще хочешь доказать, что ты не чувак, я не против.

— Ты чувствуешь себя лучше от того, что ведешь себя как полный придурок? — спрашиваю я.

— Нет. Но мне нравится бесить моего брата. И то, что я злю тебя, бесит моего брата. Извини, но ты просто попала под перекрестный огонь.

— Избавь меня от этого.

— В ближайшее время не думаю, что получится. — Карлос приседает перед машиной, над которой они работали, когда я пришла, и тянет за бампер.

— Тебе сначала нужно раскрыть зажимы, — говорю я, довольная тем, что могу показать ему, что знаю о машинах больше его. — Он не снимется до того, пока ты не раскроешь зажимы.

— Ты о бамперах или о лифчиках говоришь? — спрашивает он, одаряя меня наглой ухмылкой. — Потому что я эксперт по снятию обоих.

Мне не следовало этого делать. Это было ребячество. Но именно тот сексуальный и глупый комментарий Карлоса вперемешку с ним, насмехающимся над тем, как я произносила слово 'мармелад', побудили меня заставить его съесть свои слова.

Пятница. Тук и я приехали в школу пораньше, чтобы подготовить шкафчик Карлоса. Во вторник вечером мы с Туком испекли больше сотни шоколадных печений с шоколадной крошкой. Когда они остыли, мы приклеили маленький, но сильный магнит к каждому из них. Теперь они были черствыми магнитами в форме печенья. Когда сегодня утром Карлос откроет свой шкафчик, он обнаружит внутренности, полностью украшенные в печенье.

Но если он попытается снять хотя бы одно из них, печенье раскрошится у него в руках. Я купила суперсильные магниты размером с пятак. Это уж точно будет погром.

У него будут всего два пути действия: оставить все как есть или снять их один за другим, искупаясь при этом в крошках.

— Напомни мне никогда не ссориться с тобой, — говорит Тук, стоя на стороже. Занятия не начнутся еще в течение сорока пяти минут, так что в коридорах школы совсем мало людей.

Я, открывая шкафчик Карлоса, используя комбинацию, написанную на расписании, которое дал мне мистер Хаус. Я чувствую угрызения совести, но их недостаточно, чтобы заставить меня передумать. Я прилепляю несколько печенек и смотрю на Тука. Он стоит на страже на случай, если Карлос придет раньше или кто-то станет что-то подозревать. Каждый раз, как я прикрепляю магнит с печеньем, клик магнита о железо шкафчика заставляет Тука смеяться.

Клик. Клик. Клик. Клик. Клик.

— Он будет вне себя, — говорит Тук. — Знаешь, он ведь догадается, что это была ты. Самое главное, когда ты подкальываешь кого-то, это оставаться анонимным, чтобы тебя не поймали.

— Теперь уж слишком поздно. — Я прикрепляю еще несколько магнитов с печеньем, но задумываюсь над тем, как я собираюсь вставить туда всю сотню. Я клею их к верхней, внутренней и боковым стенкам, а также к двери... места становится все меньше, но я почти закончила. Теперь внутренности его шкафчика выглядят, как будто болят коричневой корью.

Я засовываю руку в пакет.

— Осталось всего одно печенье.

Тук заглядывает внутрь.

— Это будет одним из лучших приколов в истории Флатайрон Хай, Киара. Может тебя даже занесут в книжки по истории. Я так горжусь тобой. Приклей последнее снаружи, прямо посередине.

— Хорошая идея. — Перед тем, как кто-нибудь нас поймает, я закрываю его шкафчик, прикрепляю последнее печенье и смотрю на свои часы. До первого урока двадцать минут. — Теперь, мы будем ждать.

Тук сканирует коридор.

— Народ прибывает. Может нам лучше спрятаться?

— Ага, но я хочу видеть его реакцию, — говорю я. — Давай спрячемся в классе мистера Хаддена.

Пять минут спустя, я и Тук выглядываем в маленькое квадратное окошко в двери. И Карлос подходит к своему шкафчику.

— А вот и он, — шепчу я. Сердце у меня в груди отбивает бешеный ритм.

Он хмурит брови, протягиваясь к своему шкафчику и замечая на его двери большое коричневое печенье. Он смотрит сначала налево, потом направо, однозначно, ища того, кто за этим стоит. Когда он берется за печенье и пытается снять его с двери, оно ломается, а магнит остается на двери.

— Какова его реакция? — спрашиваю я Тука, который выше и которому точно лучше видно.

— Он улыбается. И качает головой. Теперь выкидывает обломки печенья в урну.

Карлос не будет улыбаться, когда откроет свой шкафчик и найдет внутри еще девяносто девять таких же печений с магнитом.

— Я иду туда, — говорю я Туку. Я выхожу из безопасности класса мистера Хаддена и подхожу к своему шкафчику, как будто ни в чем не бывало.

— Привет, — говорю я Карлосу, пока он разглядывает содержимое своего шкафчика.

— Даю тебе 5+ за оригинальную идею и исполнение, — говорит он.

— Тебя не задевает то, что я получаю отличные оценки по всему, даже по приколам?

— Вообще-то да. — Он выгибает на меня бровь. — Я впечатлен. Я зол, как черт, но я впечатлен. — Он закрывает шкафчик, со всем печеньем внутри. И как будто печенья не было вообще, мы идем по коридору к его первому классу.

Я не могу не улыбаться, пока мы шагаем по коридору. Несколько раз он качает головой, как будто не может поверить в то, что я сделала.

— Перемирие? — спрашиваю я.

— Ну, уж нет. Может ты и выиграла эту битву, но эта война, chica[23] , далека от завершения.

Глава 7

Карлос

Я не могу избавиться от запаха печенья. Он на моих руках, на моих книжках... блин, он даже на моем рюкзаке. Я попытался оторвать парочку, но это превратилось в такой бедлам, что я сдался. Подожду, пока они не заплесневеют хорошенько... соберу все крошки и засуну Киаре в шкафчик. Или, еще лучше, приклею их ей там супер-клеем.

Мне нужно перестать думать об этом печенье и Киаре. Нет ничего лучше еды, что готовит mi'ама, но как только я прихожу, сегодня со школы, я пытаюсь приготовить из того, что есть у Алекса в холодильнике, традиционный мексиканский ужин. Надеюсь, это поможет мне перестать думать об этом чертовом шоколадном печенье с шоколадной крошкой. Это и тот факт, что я живу здесь уже почти неделю и не ел еще настоящей острой Мексиканской еды, просто выводит меня из себя.

Алекс наклоняется над кастрюлей и вдыхает аромат тушеного мяса. Я вижу по его лицу, что это напоминает ему о доме.

— Это называется carne guisada[24] . Мексиканское блюдо, — я медленно произношу слова, как будто он раньше никогда об этом не слышал.

— Я знаю, что это, умник. — Он накрывает кастрюлю крышкой, сервирует стол и возвращается обратно к своим книжкам.

Через час мы садимся кушать. Я наблюдаю за тем, как мой брат сметает все с тарелки и на несколько секунд замирает.

— Ты когда ел последний раз?

— Нет ничего лучше, чем это, — Алекс облизывает свою вилку. — Я не знал, что ты умеешь готовить.

— Ты много чего обо мне не знаешь.

— Раньше знал.

Я начинаю ковыряться в тарелке, мой аппетит пропал.

— Это было давно. — Я фокусирую свое внимание на еде. Я больше не знаю своего брата. После того, как его подстрелили, я думаю, я просто боялся с ним об этом разговаривать, потому что это делало случившееся более реальным. Алекс не рассказывал, что с ним случилось, когда он ушел из Кровавых Латино, а я и не спрашивал. Но вчера утром я получил подсказку. — Я видел твои шрамы вчера, когда ты вышел из душа.

Он прекращает жевать свою вторую порцию и откладывает вилку в сторону.

— Я думал, ты еще спал.

— Я не спал. — Картинка его изуродованной шрамами, похожими на отметины от плетки, спины, впечатана в мой мозг. Когда я заметил выпуклую кожу между его лопаток на спине с буквами КЛ выжженными там, как на каком-то животном, моя собственная кожа зачесалась от чувства ненависти и мыслей об отмщении.

— Забудь об этом, — говорит Алекс.

— Не получится. — Алекс не единственный из братьев Фуэнтес, кто чувствует, что должен защитить свою семью любой ценой. Если я вернусь в Чикаго и найду того, кто ответственен за клеймо Алекса, он покойник. Я может, и бунтую в отношении своей семьи, но они моя кровь.

Алекс не единственный, у кого есть шрамы. У меня самого на счету драк больше, чем у профессионального боксера. Шрамы шрамами, но если Алекс узнает о татуировке на моей спине, отмечающей меня, как одного из Герреро[25] , он мне устроит. Может я теперь и в Колорадо, но я все еще связан с ними.

— Бриттани и я собираемся навестить ее сестру Шелли сегодня. Хочешь присоединиться?

Я знаю, что сестра Бриттани инвалид и живет в каком-то специальном учреждении недалеко от университета. — Я не могу. У меня дела.

— С кем?

— Последний раз, когда я проверял, наш отец был мертв. Мне не нужно перед тобой отчитываться.

Алекс и я пристально смотрим друг на друга. Когда-то он мог надрать мне зад, даже не пытаясь, но сейчас все изменилось. Мы практически подходим к тому, чтобы кинуться, друг на друга, когда дверь открывается и заходит Бриттани.

Она, должно быть понимает, что воздух вокруг раскален до предела, потому что, когда она подходит к столу, ее улыбка испаряется. Она кладет руку Алексу на плечо.

— Все в порядке?

— Все perfectо[26]. Правда, Алекс? — говорю я, сгребая свою тарелку со стола и вальсируя вокруг нее по дороге на кухню.

— Нет. Я задал ему простой вопрос, и он даже на него ответить не может, — отвечает ей Алекс.

Я клянусь, что-то в этом духе должно слетать с языка родителя. Я вздыхаю с раздражением. — Алекс, я просто собираюсь на вечеринку. Я не иду на встречу, чтобы убивать кого-то.

— Вечеринка? — спрашивает Бриттани.

— Да. Когда-нибудь слышала о таком понятии?

— Слышала. Я также знаю, что происходит на вечеринках. — Она садится рядом с Алексом. — Мы ходили на вечеринки в школе, и научились на собственных ошибках, и он научится на своих. Ты не сможешь его остановить от похода туда, — говорит она моему брату.

Алекс с обвинением указывает на меня.

— Бриттани, ты бы видела тех девушек, с кем он околачивался недавно. Они были точными копиями Дарлин, помнишь ее? В школе эта девчонка была готова переспать со всей футбольной командой, только, чтобы повысить свой статус популярности.

И снова это не очень-то и помогает моему статусу. Ну, спасибо, брат.

— Ну, было приятно послушать вас, обсуждающих мою жизнь прямо передо мной, но мне пора.

— Как ты туда доберешься? — спрашивает Алекс.

— Пешком. Конечно, если... — я смотрю на ключи от машины Бриттани, лежащие на столе.

— Он может взять мою машину, — говорит она моему брату. Она не говорит это мне, потому что не дай, Боже, мой брат или она примут решение не согласовав сначала друг с другом. — Но никакого алкоголя или наркотиков.

— Хорошо, мам, — говорю я с сарказмом.

Алекс качает головой.

— Плохая идея.

Она переплетает свои пальцы с его.

— Все нормально, Алекс. Правда. Мы все равно собирались поехать на автобусе к Шелли.

На долю секунды мне нравится девушка моего брата, но как только я вспоминаю, как она контролирует жизнь Алекса, это теплое чувство молниеносно испаряется.

Я беру ключи Бриттани и кручу их в руке.

— Давай, Алекс. Не делай мою жизнь стремнее, чем она уже есть.

— Ладно, — говорит он. — Но привези ее обратно в идеальном состоянии, иначе пожалеешь.

Я салютую ему.

— Да, сэр.

Он достает сотовый телефон из заднего кармана брюк и кидает мне.

— И возьми это.

Перед тем, как кто-либо из них изменит свое мнение, я направляюсь к двери. Я забываю спросить, где она припарковала свою машину, но ее, оказывается, достаточно легко найти. Бимер сверкает, как ангел перед зданием, зовя меня к себе.

Я лезу в карман своих джинсов и достаю бумажку с адресом Медисон. Я записал его, перед тем, как вымыть руку. Разобравшись, как им пользоваться, я вбиваю адрес в навигатор, опускаю крышу, и выезжаю со стоянки. Наконец-то... свобода.

Я паркуюсь на улице и подхожу по подъездной дорожке к дому Медисон. Я знаю, что я приехал куда надо, потому что из огромных окон орет музыка и перед домом тусуется народ. Дом огромен. Сначала я не уверен, или это один дом, или комплект зданий, но подойдя ближе, понимаю, что это большой особняк. Я захожу внутрь этой громадины и узнаю нескольких ребят из моих классов.

— Карлос здесь! — кричит девчонка. Я притворяюсь, что не слышу эхо раздающихся ответных криков.

Медисон, одетая в короткое черное платье в обlipку и с банкой пива в руке, проходит через толпу и обнимает меня. Я думаю, что она облила мою спину пивом.

— Обоже, ты здесь.

— Ага.

— Тебе надо догнать. Следуй за мной.

Я следую за ней на кухню, которая выглядит, как картинка в журнале. Повсюду нержавеющая сталь. Огромные куски гранита покрывают столешницы. Рядом с раковиной стоит огромная корзина, доверху заполненная льдом и банками с пивом. Я протягиваю руку и хватаю одну из них.

— Киара здесь?

Медисон фыркает.

— Ей только мечтать.

Я думаю, это и есть мой ответ.

Медисон обхватывает меня за локоть и ведет дальше по коридору и вверх по лестнице.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить. — Она останавливается перед одной из комнат, заполненной пятью винтажными игровыми приставками, бильярдным и хоккейным столами.

Это мечта любого тинейджера.

Тут также воняет марихуаной. Мне кажется, что я накуриваюсь, просто стоя здесь.

— Это комната для отдыха, — объясняет Медисон.

Я уверен, что все это превозносит термин 'комната для отдыха' на новый уровень.

Белый чувак сидит на коричневом кожаном диване, откинувшись назад, как будто собирается оставаться в таком положении вечно. Он одет в белую футболку, черные джинсы и ботинки. Я уверен, он считает себя ужасно крутым. На маленьком столике перед ним стоит бонг.

— Карлос, это Ник, — говорит Медисон.

Ник кивает мне. Я киваю в ответ.

— Как дела?

Медисон садится рядом с Ником, поднимая бонг и зажигалку рядом с ним, делает с него очень глубокий вдох. Черт, эта девчонка умеет вдыхать.

— Ник хотел познакомиться с тобой, — говорит она мне. Я замечаю, что ее глаза налиты кровью. Интересно, сколько затяжек она сделала до того, как я приехал сюда.

Леси заглядывает внутрь.

— Медисон, ты мне нужна! — кричит она. — Иди сюда!

Медисон говорит нам, что скоро вернется и, спотыкаясь, покидает комнату.

Ник машет мне, чтобы я присоединился к нему на диване.

— Садись.

Парень слишком уж скользкий, и мой радар начинает пищать. Я знаю его игру, потому что я видел сотни ников. Черт, в Мексике, я сам был «ником».

— Ты продаешь? — спрашиваю я.

Он усмехается.

— Если ты покупаешь, я продаю. — Он протягивает мне бонг. — Хочешь затяжку?

Я поднимаю вверх пиво.

— Позже.

Он прищуривает глаза.

— Ты не нарик, так?

— Я выгляжу, как нарик?

Он пожимает плечами.

— Никогда не знаешь. В наше время нарики бывают всех форм и размеров.

Я сразу же думаю о Киаре. Она точно стала моим ежедневным развлечением. Я стараюсь представить ее реакцию каждый раз, как я пытаюсь ее разозлить. Ее розовые губы сжимаются в линию, когда я делаю каверзный комментарий или флиртую с какой-нибудь девушкой. Неважно, что я ей говорил, и неважно, сколько крошек от печенья валяется в моем шкафчике, я буду скучать по ней в качестве своего гида по школе.

Я не решил еще, что я собираюсь ей сделать за тот прикол с печеньем, но что бы это ни было, она не будет этого ожидать.

— Я слышал, Медисон хочет забраться к тебе в штаны, — говорит Ник, доставая пакетик с таблетками из переднего кармана. Он рассыпает их на столе.

— Да? — спрашиваю я. — Где ты это слышал?

— От Медисон. И знаешь что?

— Что?

Он закидывает таблетку себе в рот и откидывает голову назад, чтобы проглотить ее.

— Обычно, если Медисон что-то хочет, она это получает.

Глава 8

Киара

— Я дальтоник, — жалуется мистер Уиттакер капризным, хриплым голосом, окуная кисть в чашечку с коричневой краской и проводя по полотну. — Это зеленый? Как я буду писать картины, если эти краски не подписаны? —

В Оздоровительном Центре для Длительного Проживания Хайландс, проще называемом домом престарелых, во время класса рисования не соскучишься. Постоянный преподаватель уволился, и поскольку я была волонтером и помощником во время класса, я просто заняла его место. Администрация предоставляла краски, а я придумывала темы рисования для тех, кто посещал занятие по Пятницам после ужина.

Пока я спешу к мистеру Уиттекеру, к нам присоединяется седоголовая Сильвия.

— Он не дальтоник, — кричит она, находя свободный мольберт и занимая место рядом с ним. — Он просто слепой.

Мистер Уиттакер поворачивает ко мне свое худое, выветрившееся лицо, пока я, наклонившись, подписываю черным толстым маркером его краски.

— Она просто злится потому, что я не танцевал с ней на вечеринке, на прошлой неделе, — говорит он.

— Я злюсь потому, что ты забыл надеть свои зубы вчера на ужин. — Она машет рукой в воздухе. — Сверкал всем своими деснами. Тоже мне, Казанова, — говорит она, фыркая.

— Нахалка, — рычит мистер Уиттакер.

— В следующий раз вам лучше потанцевать с ней на вечеринке, — говорю я. — Поможет ей снова почувствовать себя молодой.

Протягивая руку, огрубевшими пальцами с артритом он притягивает меня ближе.

— У меня две левые ноги. Но не говори Сильвии, она мне жизни не даст.

— Разве здесь нет занятий танцами? — Шепчу я прямо ему в ухо, настолько громко, чтобы

он мог меня слышать, а остальной класс нет.

— Я еле хожу. И уже никогда не буду Фредом Астайр. И к тому же, если бы ты была преподавателем, вместо той старой крысы Фриды Фитзгиббонс, я бы точно начал посещать эти занятия. — Он несколько раз поднимает и опускает свои заросшие седые брови и хлопает меня по заднице.

Я грожу ему пальцем.

— Вам никогда не говорили, что это сексуальное домогательство? — шучу я.

— Дорогуша, я старый развратник. В мои времена не было такого понятия, как сексуальное домогательство, и женщины позволяли мужчинам покупать им напитки и открывать перед ними двери... и даже щипать их за зады.

— Я позволяю парням открывать мне двери, но только в том случае, если они не ожидают ничего взамен. Я вполне обхожусь без похлопываний и щипаний моей задницы.

Жестом руки он дает мне понять, чтобы я уходила.

— Ах, вы, сегодняшние девушки хотите всего... и того больше.

— Не слушай его, Киара, — говорит Сильвия, подзывая к себе. — Что ты хочешь, так это хорошего парня... настоящего джентльмена.

— Таких не бывает, — говорит Милдред рядом с ней.

Хороший парень. Я думала, что Майкл был хорошим, а он даже расстаться со мной не мог по-джентльменски.

— Может, я останусь одна до конца моих дней.

Обе, Сильвия и Милдред яро качают головами, их белокурые локоны летают из стороны в сторону.

— Нет! — говорят они в унисон.

— Ты не хочешь этого, — говорит Сильвия.

— Я не хочу?

— Неа. — Она смотрит на мистера Уиттакера. — Потому что они нужны нам... даже если они дьявол во плоти. — Она подзывает меня еще ближе. — Я бы не возражала, если бы он похлопал по заднице меня.

— Я бы тоже, сестрица, — вторит ей Милдред, проводя кистью по холсту. Она рисует силуэт уж больно напоминающий нагого мужчину. — Почему бы тебе не попросить того милого юношу, Тука, прийти и попозировать для нас? Ты говорила, что мы можем как-нибудь нарисовать что-то живое.

— Я думала о собаке, — говорю я ей.

— Нет. Найди нам мужскую модель.

— Я не собираюсь рисовать какого-то пацана, — кричит мистер Уиттакер со своего места. — Киаре придется позировать тоже.

— Я ничего не обещаю, — говорю я классу. Подожду пока смогу позвонить Туку и спросить, не хочет ли он стать моделью для моего класса. Может он даже пойдет на это.

Глава 9

Карлос

— Хееей, — поет Медисон. — Я вернулась.

И привела дюжину других людей с собой. Все размещаются вокруг бонга[27] и, делая затыжку, передают его по очереди друг другу. Интересно, что Киара и ее друзья делают сегодня. Поспорию, она занимается для какого-нибудь экзамена или что-то вроде, чтобы она могла поступить в хороший колледж, когда я на вечеринке с бонгом и маленькими синими таблетками.

Ник раскладывает таблетки на подносе. Это напоминает мне то, что Алекс тогда назвал пу-

пу ассорти.

Когда Медисон с широкой улыбкой на губах передает мне бонг, я хочу забыть о Киаре, экзаменах, колледже и том, чтобы быть хорошим. Я бандит, так пора бы уже начать вести себя подобающе.

Я делаю затяжку, вдыхая легкими сладкий дым. Товар действительно хорош, потому что я начинаю чувствовать его действие еще до того, как успеваю передать бонг следующему рядом со мной. Когда он снова ко мне возвращается, я делаю еще одну глубокую, медленную затяжку. К четвертому разу меня уже достаточно торкнуло и меня не волнует Киара с ее печеньем или Алекс, постоянно влезающий в мои дела, или тот факт, что я соврал Бриттани о том, что не буду пить или употреблять сегодня наркотики.

Сейчас я хочу думать только о жизненно важных вопросах, таких, как...

— Почему Тяжелая Шеви не сбрасывает свои усы?

— Может она на самом деле мужик? — говорит Ник.

— Тогда зачем она скрывается под маской уродливой тетки? — спрашиваю я. Серьезно.

— Может он уродливый мужик, и у него нет другого выбора.

— Может быть. — Я наблюдаю, как Медисон делает еще одну затяжку. Она замечает мой взгляд, улыбается мне и забирается мне на колени, облизывая губы. По форме и размеру ее языка я уверен, что у нее в роду были игуаны. Она наклоняется вперед, ее chichis[28] в нескольких сантиметрах от моего лица.

— У Ника всегда товар высшего качества, — воркует она, отклоняясь назад и потягиваясь на мне, как кошка на ковре. Не нужно уточнять, что я — ковер. Она поворачивается, садится на меня сверху, как на коня и обвивает мою шею обеими руками. Ее глаза почти закрыты. — Ты сексуален.

— Ты тоже.

— Мы идеально подходим друг другу. — Она проводит пальцем по моей щеке и наклоняется ближе. Ее тело начинает двигаться на моем, и своим игуанским языком она проводит по моему подбородку, что, должен признать, ни одна девушка не делала мне раньше. И я не стремлюсь к повторению от этой девчонки также.

Мы начинаем зажигать прямо на виду у всех. Я думаю, что Медисон нравится аудитория, потому что, когда одна из девчонок говорит одному из парней перестать на это смотреть, Медисон слегка отодвигается и начинает стягивать с себя футболку, как будто она стриптизерша в клубе, которая танцует для меня приватный танец.

Это очевидно, что Медисон нравится, что за ней наблюдают и восхищаются парни, и завидуют девчонки.

Это девчонка однозначно любит выставлять себя на показ, но когда я смотрю в лево и замечаю, Ника приклеенного ртом к полуголой Леси, я начинаю задумываться о том, может это нормально в данной компании, показывать свои сексуальные таланты на публике.

Но это не для меня.

— Пойдем, куда-нибудь в более уединенное место, — говорю я Медисон, в то время как она опускает руку вниз, чтобы прощупать меня через джинсы.

Она надувает губы, затем сползает с моих колен и протягивает мне руку.

— Пойдем.

Ночь движется уж слишком быстро. Я бы немного расслабился, и в уголке моего сознания я вспоминаю о том, что Рам предупреждал меня о Медисон, но она хватает меня за руку и поднимает с дивана.

— Повеселитесь хорошенько, — кричит нам Ник.

Две минуты спустя, мы оказываемся в комнате с огромной двуспальной кроватью у стены.

— Твоя комната? — спрашиваю я.

Медисон качает головой.

— Моих родителей, но их почти не бывает дома. Сейчас они в Фениксе. — Я слышу нотки горечи в ее голосе, и я не собираюсь проводить с ней время в их кровати в качестве ее мести.

Сказать ей, что я предпочитаю сделать это на полу, вместо кровати ее родителей?

— Пойдем к тебе в комнату, — говорю я.

Она качает головой и притягивает меня ближе к кровати.

— Что Рам сказал тебе обо мне? — спрашивает она.

— Сейчас немного трудно думать об этом, — говорю я ей. — Я такой же накуренный, как и ты.

— Постарайся вспомнить. Он упоминал, почему мы расстались? Потому что, если да, это не было только моей виной. Я имею в виду, не то, чтобы я знала, что он знал и, что я не знала, что делала. И даже если бы я знала, это не случилось потому, что я знала, что он знал. Его мама никогда бы не узнала об этом и не арестовала бы нас.

Моя голова гудит от ее слов.

— Окей, — отвечаю я. Я не имею понятия о том, что она только что сказала, но думаю ответа «окей» должно быть достаточно. Я могу только надеяться.

— Правда? — спрашивает она, улыбаясь.

А? Я не имею представления, о чем я говорю. Или о чем говорит она.

Она крепко меня обнимает, ее chichis прижаты к моей груди. Я надеюсь, что они не лопнут от напряжения, учитывая, как сильно они зажаты между нами.

Мысли о лопнувших chichis приводят меня в ужас. И мой мозг занимают мысли о Киаре и том, как она выглядит под ее огромными футболками. На секунду я думаю, что неизвестное тело Киары гораздо сексуальнее тела Медисон, которое она каждый день выставляет напоказ.

Я сжимаю глаза. О чем я думаю? Киара совсем не сексуальна. Она раздражает и насеждает на меня похлеще моей собственной семьи.

— Я рассказывал тебе, что Киара сделала с моим шкафчиком? — спрашиваю я.

Она толкает меня на кровать.

— Меня не волнует Киара. Перестань говорить о другой девке, когда ты тут со мной. — Она права, мне нужно перестать говорить о Киаре. Мне нравятся вещи, которые с легкостью мне достаются, и Киара не одна из них. Вот Медисон, как раз то, что надо.

Прежде, чем я успеваю опомниться, мы зажигаем в постели ее родителей. Она сидит на мне, ее волосы обрамляют мое лицо. Я думаю часть ее волос даже у нас во рту, пока мы целуемся, но она не замечает этого. Зато замечаю я.

Она отстраняется.

— Хочешь это сделать? — мямлит она.

Конечно, я хочу. Но когда мой взгляд падает в сторону, я вижу фотографию ее родителей, улыбающихся нам с прикроватной тумбочки, я все понимаю. Она не хочет меня из-за меня — она хочет меня потому, что я гангстер под кайфом, полная противоположность того, с кем бы ее родители хотели, чтобы она встречалась.

Но говорить самому себе, что я гангстер, это одно. Вести себя подобающе, это совсем другое.

— Мне пора уходить, — говорю я.

— Подожди. О, нет. Я что-то нехорошо себя чувствую. Я думаю, меня сейчас вырвет.

Она поднимается и бежит в ванную, запирая за собой дверь. Через секунду оттуда раздаются звуки того, кого сильно тошнит.

Я стучу в дверь.

— Нужна помощь?

— Нет.

— Открой дверь, Медисон.

— Нет. Приведи Леси.

Когда я так и делаю, Леси и группа других девчонок врываются в комнату. Я остаюсь стоять в двери, наблюдая за тем, как они ведут себя с Медисон, как будто она при смерти, а не рыгает от того, что перепила и накурилась.

Двадцать минут стоя у двери и будучи полностью игнорирован, я удостоверяюсь, что команда Медисон заботится о каждой необходимой ей мелочи, поэтому я решаю, что для меня этой вечеринки достаточно.

Снаружи я достаю ключи Бриттани с розовым сердечком-брелком. Я завожу двигатель и ставлю машину на скорость, но когда я поднимаю голову, я вижу линии дороги размытыми, понимаю, что не могу вести. Я слишком пьян, накурен, или микс обоих.

Черт. У меня два пути. Вернуться в дом Медисон и найти место, чтобы выспаться, или остаться спать в машине.

Я даже не раздумываю.

Я нажимаю кнопку, чтобы опустить сидение и закрываю глаза, надеясь, что завтра я смогу разобраться в том, что на самом деле случилось сегодня.

Ярко. Слишком ярко. Я открываю глаза, и утреннее солнце слепит мне глаза. Я все еще в машине Бриттани. С опущенным верхом. Когда я приезжаю к Алексу домой, он сидит за столом с чашкой кофе в руках.

Он поднимается, когда я кидаю ключи Бриттани на стол.

— Ты сказал мне, что вернешься через пару часов. Ты в курсе, что сейчас девять часов? De la mañana. [29]

Я чешу ладонями глаза.

— Пожалуйста, Алекс, — стону я. — Можешь подождать хотя бы до двенадцати, прежде чем орать на меня?

— Я не собираюсь на тебя орать. Я просто не позволю тебе больше брать машину Бриттани.

— Хорошо. — Я замечаю, что надувной матрац все еще на полу, поэтому я падаю на него и закрываю глаза.

Алекс вытаскивает подушку из-под моей головы.

— Ты под кайфом?

— К сожалению, уже нет. — Я отбираю у него свою подушку.

Я слышу, как мой брат садится на свою кровать и тяжело вздыхает. Бедняге самому надо покурить немного, чтобы расслабиться. Я клянусь, я чувствую, как его глаза сверлят мне затылок, как два лазера.

— Чего ты хочешь? — бормочу я в подушку.

— Тебя нафиг не волнует никто, кроме себя самого что ли?

— Что-то вроде.

— Ты, что не понимаешь, что я могу волноваться за тебя?

— Неа, даже на ум ни разу не приходило.

Стук в дверь останавливает поток его вопросов.

Я слышу, как мой брат говорит:

— Привет, chica. [30]

Дайте-ка угадаю, Бриттани.

— Карлос забыл поднять крышу в машине, — говорит она Алексу. — Начинается дождь. Он оставил твой телефон на пассажирском сидении. Я надеюсь, что он все еще работает.

Если они когда-нибудь поженятся, мне жаль их детей. Я буду надеяться, что эти niños[31] никогда не будут попадать в неприятности... потому что оба Алекс и Бриттани смотрят на меня так, как будто хотят посадить под домашний арест до конца моих дней.

Хуже для них, они не мои родители.

Глава 10

Киара

В понедельник по школе летают слухи о вечеринке Медисон. Большая их часть фокусируется на том, как Медисон и Карлос зажигали на кровати ее родителей.

Во вторник и среду я замечаю Медисон, сидящую во время ланча за столом Карлоса.

В четверг Карлоса в столовой нет вообще. Так же, как и Медисон. Счастливая парочка должно быть где-то вместе.

В пятницу утром, Карлос у своего шкафчика, печенье все еще внутри.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — отвечаю я.

Я ввожу свой код, но дверь моего шкафчика не открывается.

Я пытаюсь снова. Я знаю, что ввела код правильно, но когда я тяну за ручку, она не поддается.

Я пытаюсь снова.

Карлос заглядывает мне через плечо.

— Проблемы?

— Нет.

Я пытаюсь снова. На этот раз тяну за ручку сильнее и поворачиваю ее. Опять, ничего не происходит.

Он стучит пальцем по металлу.

— Может ты забыла свой код?

— Я знаю свой код, — говорю я. — Я не тупая.

— Ты уверена? Потому что это меня заводит.

Мои мысли возвращаются к сплетням о нем и Медисон. Я даже не знаю почему, но идея о том, что они встречаются, только подливает масло в огонь моего гнева.

— Просто отвали.

Он пожимает плечами.

— Как скажешь. — Звенит первый звонок. — Ну, удачи. Но, по моему мнению, выглядит, как кто-то его взломал. — Он хватает свои книжки из шкафчика и направляется дальше по коридору.

Я бегу за ним и хватаю его за руку.

— Что ты сделал с моим шкафчиком?

Он останавливается.

— Возможно, сменил твой код.

— Как?

Он усмехается.

— Если я тебе скажу, мне придется тебя убить.

— Очень смешно. Скажи, на что ты его сменил.

— Я с удовольствием дам тебе эту информацию... — он прикасается кончиком указательного пальца к моему носу. — Когда все печенья, включая крошки, исчезнут из моего шкафчика. Увидимся, — говорит он, заходя в класс и оставляя меня стоять в коридоре и думать о том, как я это сделаю... и каким будет мой следующий шаг.

На занятии по английскому, мистер Фури раздает наши сочинения. Он называет по-очереди наши имена, и мы должны подходить к его столу.

— Киара, — зовет он меня.

Я подхожу, чтобы забрать свою работу. Когда мистер Фури протягивает ее мне, он не улыбается. — Киара, ты можешь писать гораздо лучше. Я знаю, что можешь. Копай глубже в следующий раз, и не пытайся дать мне тот ответ, который ты думаешь, я от тебя жду.

На обратном пути я прохожу мимо стола Медисон.

— Как Карлос? — спрашивает она.

— Хорошо.

— Ты знаешь, что он обращает на тебя внимание только потому, что ему тебя жалко. Если подумать, это даже грустно.

Я игнорирую ее и сажусь на свое место. Большая красная 3 нарисована на титульном листе работы, которую мне вернул мистер Фури. Не хорошо, особенно, если я собираюсь подавать документы на академическую стипендию.

— В течение следующих пятнадцати минут ваше задание написать краткое эссе - убеждение, — говорит мистер Фури.

— О чем? — спрашивает Ник Гласс.

— На тему... — мистер Фури замолкает, чтобы повысить заинтересованность и привлечь внимание всего класса. Он садится на край своего стола и говорит: — Нужно ли считать людей, снимающихся в развлекательных программах, звездами?

Класс начинает гудеть, обсуждая тему.

— Убавьте громкость, народ.

— Как мы будем писать, не имея возможности провести по этому поводу исследование? — спрашивает кто-то с задней части класса.

— Я хочу услышать ваши мысли, а не исследование. Когда вы разговариваете с другом, и вам нужно убедить его в чем-то, или заставить его сменить свое мнение, вы же не говорите «Подожди, мне надо провести исследование и сделать пару записей». Вы просто приводите аргументы, приходящие вам в голову. Вот именно это я и прошу вас сделать.

Мистер Фури ходит по классу, пока мы пишем.

— Если хотите получить дополнительную оценку, можете прочитать свою работу перед классом.

Это хорошо. Мне не повредит дополнительная оценка, и я знаю, что я смогу прочитать работу без заикания. Я знаю, что могу.

— Отложили ручки, — говорит мистер Фури, пятнадцать минут спустя. Он хлопает в ладоши. — Окей. Есть желающие прочитать вслух?

Я поднимаю руку.

— Мисс Уэстфорд, выходите и поделитесь своими мыслями.

— О, нет, только не она, — слышу я вздох Медисон рядом с собой. Леси смеется, наряду с группкой других ее друзей.

— У тебя какая-то проблема, Медисон?

— Нет, мистер Фури. Я чуть не сломала свой ноготь! — она машет в его сторону своими пальцами с маникюром.

— Пожалуйста, придержи свои проблемы с ногтями до окончания класса. Киара, вперед.

Я беру свой листок и выхожу к доске. Я говорю себе делать глубокие вдохи и думать о словах, перед тем, как произносить их. Когда, наконец, я стою перед классом, я поднимаю взгляд на своего учителя. Он тепло мне улыбается.

— Начинай.

Я прочищаю горло. И сглатываю, но чувствую, как мой язык отекает у меня во рту, и все из-за Медисон. Она выбила меня из колеи, но я могу это пережить. Я не должна давать ей власть над моим заиканием. Расслабься. Думай о словах. Не забывай дышать.

— Я д-д-д-думаю... — я смотрю вниз на лист бумаги. Я могу чувствовать глаза всего класса на мне. Некоторые, возможно смотрят на меня с сожалением. Другие, такие как Медисон и Леси, скорее всего, веселятся. — Я д-думаю, что ллюди в рразвлекательных программах...

Я слышу, как в классе раздается взрыв женского смеха. Мне не нужно смотреть, чтобы знать кто это.

— Медисон, я не думаю, что это смешно. Уважай свою одноклассницу, — говорит мистер Фури, затем добавляет: — Это не просьба. Это приказ.

Медисон закрывает рукой рот.

— Больше не буду, — говорит она сквозь пальцы.

— Так-то лучше, — говорит мистер Фури суровым голосом. — Давай, Киара, продолжай.

Окей. Я могу это сделать. Если я могу разговаривать с Туком и не заикаться, может мне нужно просто представить, что я говорю с Туком. Я смотрю на своего лучшего друга. Он незаметно машет мне с конца класса, подбадривая меня.

— ... люди в развлекательных программах — звезды... — я останавливаюсь и делаю глубокий вдох, затем продолжаю. Я могу. Я могу. — ...потому что мы позволяем ссрредствам ммассовой информации...

По классу раздается еще один взрыв смеха, на этот раз от обеих Медисон и Леси.

— Мисс Стоун и Мисс Гоебберт! — мистер Фури указывает на дверь. — Прошу покинуть мой класс.

— Вы не серьезно, — спорит Медисон.

— Я никогда не был более серьезным. И вы вместе с мисс Гоебберт получаете трехдневное наказание после школы, начиная сегодня.

— Не делайте этого, — шепчу я мистеру Фури, надеясь, что больше никто меня не слышит. — Пожалуйста, не делайте этого.

На лице Медисон отразился шок.

— Вы наказываете нас за смех? Мистер Фури, это нечестно.

— Расскажите это директору Хаусу, если у вас проблема с моим наказанием. — Мистер Фури открывает верхний шкафчик стола и достает две синих формы для наказания. Он заполняет обе и подзывает Медисон и Леси забрать их. Девчонки одаривают меня убийственным взглядом.

Ох, нехорошо все это. Теперь я на радаре Медисон, и я не знаю, смогу ли я когда-нибудь с него исчезнуть.

Он протягивает им обоим синие формы, Медисон засовывает свою в сумку.

— Я не могу отбывать наказание после школы, мне нужно работать в бутике моей мамы.

— Тебе следовало подумать об этом прежде, чем прерывать мое занятие. А теперь, извинитесь перед Киарой, — приказывает учитель.

— Все в порядке, — говорю я. — Вам не оббязательно это делать.

— Ох, я настаиваю. Мы иззззззвиняемся, — говорит Медисон, и они начинают снова хихикать. Даже после того, как они вышли за дверь и направились дальше по коридору, я все еще слышу эхо их смеха.

— Я извиняюсь за их непристойное поведение, Киара, — говорит мистер Фури. — Ты все еще хочешь поделиться своей работой?

Я матаю головой из стороны в сторону и он вздыхает, но не возражает, когда я занимаю свое место. Как бы мне хотелось, чтобы прозвенел звонок, и я смогла спрятаться в женском туалете. Я так зла на себя за то, что позволила им так меня достать.

В течение следующих двадцати минут мистер Фури вызывает остальных студентов читать свои работы. Я продолжаю смотреть на часы, молясь о том, чтобы минуты текли быстрее.

Как только звенит звонок, я хватаю свои учебники и практически вылетаю из класса. Мистер Фури зовет меня, но я притворяюсь, что не слышу его.

— Киара! — говорит Тук, хватая меня за локоть и разворачивая к себе лицом.

Дурацкая слеза стекает по моей щеке.

— Я хочу побыть одна, — выдавливаю я из себя и убегаю дальше по коридору.

В конце коридора — лестница, которая ведет к раздевалке, которую используют команды соперников во время соревнований. Никто не использует ее в течение дня, и от одной мысли о том, что я могу быть одна и не клеить себе на лицо притворную улыбку, мне становилось легче. Я знаю, что опоздаю на следующее занятие, но Миссис Хадден обычно не проверяет посещаемость, но даже если я ошибаюсь, мне все равно. Я не хочу, чтобы все видели меня, как эмоциональную размазню.

Я толкнула дверь в раздевалку и опустилась на одну из скамеек. Вся энергия, которую я использовала, чтобы сдерживать себя оставшиеся минуты класса, покинула меня. Как бы мне хотелось быть сильнее, и не принимать близко к сердцу то, что обо мне думали люди. Но я не такая сильная, как Тук. Или Медисон.

Мне бы так хотелось просто быть уверенной в себе Киарой Уэстфорд, даже со всеми этими проблемами с речью.

Прошло минут пятнадцать, прежде, чем я подошла к раковине и взглянула в свое отражение в зеркале. По мне было видно, что я плакала. Или, возможно, сильно простыла. Я намочила несколько бумажных полотенец и приложила к глазам, пытаясь уменьшить красноту и опухоль. Через несколько минут я выглядела лучше. Никто не узнает, что я только что плакала. Я надеюсь.

Дверь в раздевалку открывается, напугав меня.

— Тут кто-нибудь есть? — кричит один из уборщиков.

— Да.

— Тебе бы лучше пойти на урок, потому что полиция здесь. Они проверяют школу на наркотики.

Глава 11

Карлос

На биологии, Шевеленко заканчивает лекцию о доминирующих и рецессивных генах. Она заставляет нас рисовать квадратики и говорит нам составить различные сценарии об особенностях цвета глаз у человеческих отпрысков.

— Ко мне сегодня собираются прийти пара друзей, — говорит Рам, пока мы работаем. — Хочешь присоединиться?

Для богатенького чувака, Рам вполне нормальный пацан. За последнюю неделю, она дал мне свои конспекты за те две недели, что я пропустил, и его истории о катании на лыжах прошлой зимой, просто живот надорвать от хохота.

— A qué hora? [32] — спрашиваю я.

— Около шести. — Он вырывает лист из своей тетради и начинает писать на нем. — Вот мой адрес.

— У меня нет машины. Это далеко?

Он переворачивает листок и протягивает мне ручку.

— Нет проблем, я заеду за тобой. Где ты живешь?

Пока я пишу на листе адрес Алекса, Шевеленко подходит к нашему столу.

— Карлос, ты переписал информацию предыдущих занятий у Рамиро?

— Да.

— Хорошо, потому что на следующей неделе будет тест. — Она раздает нам таблицы для повторения, когда из колонки по школе разносятся пять коротких гудков.

Кажется, весь класс одновременно вздохнул от удивления.

— Что это? — спрашиваю я.

Рам выглядит шокированным.

— Черт, чувак. Мы заперты.

— Заперты?

— Если это какой-то придурок с пушкой, я прыгаю в окно, — говорит другой ученик, по имени Джон. — Вы, пацаны, со мной?

Рам закатывает глаза.

— Чувак, это не кто-то с пушкой. Это были бы три длинных гудка вместо пяти коротких. Это проверка на наркотики. И, видимо, это что-то серьезное, потому что я ничего об этом не слышал.

Джон кажется рад.

— Позвони своей маме, Рам. Спроси, если она знает, что происходит.

Проверка на наркотики? Я надеюсь, что Ник Гласс не принес свое пу-пу ассорти наркоты с собой в школу. Я смотрю на Медисон, которая опоздала в класс. Она достает из сумки свой телефон и начинает кому-то строчить сообщения под лабораторным столом.

— Успокойтесь, — говорит Шевеленко. — Большинство из вас проходили через это раньше. Если вы еще не угадали, мы заперты. Никто не может покинуть здание школы.

Медисон поднимает руку.

— Могу я выйти в туалет?

— Извини, Медисон.

— Но мне, правда, нужно сходить! Я обещаю, я быстро.

— Правила есть правила, и в них сказано, что в коридор выходить нельзя. — Шевеленко смотрит на свой компьютер. — Используйте это время, чтобы подготовиться к тесту в следующую среду.

Пятнадцать минут спустя, полицейский стучит в дверь Шевеленко.

— Кого, ты думаешь, поймали? — шепчет парень по имени Франк, когда наша преподавательница разговаривает с полицейским за дверью.

Рам поднимает руки.

— Не смотри на меня, чувак. Я не рискнул бы быть выкинутым из команды по футболу. Кроме того, моя мама сама бы меня арестовала, если бы обнаружила, что я делаю что-то незаконное.

Шевеленко заходит обратно в класс.

— Карлос Фуэнтес, — говорит она громко и четко.

Sarajo! [33] Она назвала мое имя.

— Да?

— Иди сюда.

— Чувак, тебя запалили, — говорит Франк.

Я подхожу к Шевеленко, и все, что я вижу, это ее усы,двигающиеся вверх-вниз, когда она говорит: — Кое-кто хочет с тобой поговорить. Следуй за мной.

Я знаю, что весь мой класс по биологии знает, зачем меня позвали. Но дело в том, что у меня нет наркотиков ни в карманах, ни в шкафчике. Может, они узнали, что я приехал из Мексики, и теперь хотят меня депортировать, но я родился в Иллинойсе и я гражданин Америки.

В коридоре ко мне подходят двое полицейских.

— Ты Карлос Фуэнтес? — спрашивает один из них.

— Ага.

— Можешь показать нам, где твой шкафчик?

Мой шкафчик? Я пожимаю плечами.

— Конечно.

Я иду в сторону своего шкафчика, policia[34] следует за мной так близко, что я затылком могу чувствовать их дыхание. Я поворачиваю за угол и вижу полицейскую собаку, гавкающую на мой шкафчик.

Что за черт?

Собаке приказывают сесть рядом с тем, кто держит поводок.

Мистер Хаус также здесь.

— Карлос, это тот шкафчик, что был отведен тебе? — спрашивает он меня.

— Ага.

Он делает драматическую паузу перед тем, как сказать:

— Я спрошу тебя только один раз. У тебя в шкафчике есть наркотики?

— Нет.

— Тогда ты не будешь возражать против того, чтобы открыть его?

— Нет. — Я ввожу код и открываю дверцу.

— Что это такое? — спрашивает меня один из копов, тыкая пальцем в печенье с магнитом Киары. Он подходит ближе, чтобы лучше видеть, а собака в это время просто срывается с поводка. Полицейский дотрагивается до одного пальцем.

— Это печенье, — говорит он ошарашено.

— Я думаю, ваша собака просто голодна, — говорю я ему.

Второй полицейский одаривает меня испепеляющим взглядом.

— Придержи язык. Они, скорее всего, смешаны с наркотой и ты их продаешь.

Смешаны с наркотой? Он что, шутит? Они просто засохшие печенки. Я начинаю смеяться.

— Ты думаешь, это смешно, панк?

Я прочищаю горло и пытаюсь сохранить серьезное лицо.

— Нет, сэр.

— Ты сделал это печенье?

— Да, сэр, — вру я, потому что это не их дело, кто их сделал. — Но вам, скорее всего, не стоит их отрывать.

— Почему нет? Боишься, что мы обнаружим, что в них намешано?

Я качаю головой.

— Нет, поверьте мне, в них ничего нет.

— Неплохая попытка, — говорит полицейский.

Игнорируя меня, директор пытается снять одно из печений. Оно ломается у него в руках. Я снова кашляю, пытаюсь замаскировать смех, пока он держит обломки печенья в руке и нюхает их. Интересно, что подумала бы Киара, узнав, что ее печенье было под подозрением.

Один из полицейских также отламывает одно из печений и откусывает кусочек, чтобы проверить сможет ли он обнаружить в нем следы незаконной субстанции. Он пожимает плечами.

— Я ничего не ощущаю. — Он подносит остатки печенья собаке под нос. Собака замирает. — Печенье чисто, — говорит он. — Но в шкафчике есть что-то еще. Доставай все оттуда, — приказывает он и скрещивает руки на груди.

Я достаю несколько книжек с верхней полки и кладу их на пол. Затем достаю еще несколько с нижней. Когда я достаю свой рюкзак, собака снова начинает срываться.

Похоже она чокнутая. Может скоро она начнет вращать головой и закатывать глаза.

Вынь все вещи из рюкзака и положи на пол перед собой, — говорит Хаус.

— Послушайте, говорю я Хаусу. — Я не имею понятия, почему эта собака практически атакует мой рюкзак, в нем нет наркотиков. Может быть она больна?

— Проблема не у собаки, сынок, — отрезает офицер, который ее держит.

Мой пульс начинает биться чаще, когда он называет меня «сынок». Мне так и хочется кинуться на него, но он держит собаку, которую он легко может на меня натравить. Я хоть и крут, но знаю, что натренированная собака может надрать мне зад.

Одну за другой я достаю все вещи из рюкзака. Выкладывая их в линию.

Один карандаш.

Две ручки.

Одна тетрадь.

Один учебник испанского.

Одна банка колы.

Собака начинает гавкать. Подождите-ка, я не клал туда банку колы. Директор берет в руки банку, начинает откручивать верх и... о, черт. Это не банка Колы. Это подделка с...

Одним пакетом травы. Большим пакетом. И...

Одним пакетиком белых и голубых таблеток внутри.

— Это не мое, — говорю я им.

— Чье тогда? — спрашивает директор. — Дай нам имена.

Я практически уверен, что это Ника, но не собираюсь его закладывать. Если что-то я и выучил в Мексике, так это то, что рот раскрывать нельзя. Никогда. Даже если мне плевать на Ника, я возьму удар на себя, хочу я этого или нет.

— Я не знаю имен. Я здесь всего неделю, чего вы от меня хотите.

— Мы ничего от тебя не хотим. Ты на территории школы, а значит это преступление, — говорит один из офицеров, оглядывая мои татуировки. Он забирает пакеты у директора и открывает тот, что с таблетками. — Это ОксиКонтин. А этого, — говорит он, открывая пакет с травой, — достаточно марихуаны для нас, чтобы понять, что ты не только куришь, но и продаешь ее.

— Ты понимаешь, что это значит, Карлос? — спрашивает директор.

Ага, я знаю, что это значит. Это значит, что Алекс меня убьет.

Глава 12

Киара

Когда я узнаю, что Карлоса арестовали, первым моим инстинктом является звонок папе. Он говорит мне, что позвонит Алексу и узнает, что происходит и куда забрали Карлоса.

Дома у двери меня встречает мама.

— Твой отец сказал, что скоро будет дома с новостями о Карлосе.

— Значит, ты знаешь, что случилось?

Она кивает.

— Алекс сказал твоему отцу, что Карлос продолжает настаивать на том, что наркотики не его.

— И Алекс ему верит?

Мама вздыхает, и я знаю, что она хочет передать мне лучшие новости.

— Он сомневается.

Мой отец возвращается домой с волосами, которые выглядят, как будто сегодня он запуская в них руку много-много раз.

— Время для семейного совета, — говорит он.

Когда вся семья собирается в главной комнате, мой отец прочищает горло.

— Что вы думаете о том, чтобы позволить Карлосу пожить с нами до конца учебного года?

— Кто такой Карлос? — спрашивает Брендон, не имея представления.

— Брат одного из моих бывших студентов. И один из друзей Киары. — Папа смотрит на меня и на маму. — Оказалось, что там, где он живет, квартиры для студентов. А поскольку Карлос не является студентом университета, судья сказал, что это против правил для него продолжать жить там.

— У меня будет брат? Классно! — Кричит Брендон. — Может он спать со мной? Вы можете купить двухъярусную кровать и все такое.

— Не радуйся слишком, Брен. Он будет спать в желтой комнате, — говорит папа моему брату.

— Как Карлос держится?

— Я не знаю. Но я думаю, что подо всем этим, он хороший парень, который исправиться в позитивной атмосфере и доме без наркотиков. Мне бы хотелось помочь, если все согласны. Для него, либо наш дом, либо его отправят обратно в Мексику. Алекс сказал, что готов сделать все, что угодно, только бы оставить его здесь.

— Я не возражаю против того, чтобы он жил здесь, — говорю я, понимая после, что я на самом деле не возражаю.

Каждый достоин второго шанса.

Мой отец смотрит на маму, которая протягивает руку и наклоняет его голову к своей.

— Мой муж собирается спасти мир, по одному человеку за раз, да?

Он ей улыбается.

— Раз так выходит. — Она целует его. — Я удостоверюсь, что в комнате для гостей прибрано и на кровати свежее белье.

— Я женился на лучшей женщине, — говорит он ей. — Я позвоню Алексу и скажу, что мы решили, — добавляет он с воодушевлением. — В понедельник мы снова встретимся с судьей. Попытаемся настоять на том, чтобы его поместили в специальную программу в Флатайрон, вместо исключения.

Я наблюдаю за тем, как мой папа выходит из комнаты и направляется к себе в офис.

— Он на задании, — говорит мама. — У него огонек в глазах, когда такое случается.

Я только надеюсь, что этот огонек выживет, потому что у меня такое чувство, спокойствие моего отца — которое можно вознести до уровня святого — будет серьезно протестировано.

Глава 13

Карлос

— Просто отправь меня в Чикаго и покончим с этим, — говорю я Алексу в воскресенье утром, сразу после разговора с mi'amá. Алекс заставил меня позвонить ей и рассказать, что случилось.

Когда полиция выводила меня из школы в наручниках, мне было все равно. Меня не затронул вид моего брата, приехавшего в полицейский участок с лицом полным раздражения и разочарования. Но разговор с моей мамой: слушать, как она плачет и спрашивает, что случилось с ee niñito[35], просто сломал меня.

Она также сказала мне не возвращаться в Мексику.

— Здесь небезопасно для тебя, — сказала она мне. — Auséntese, Карлос, держись подальше.

Я не был удивлен. Всю мою жизнь наполняли люди, которые говорили мне держаться от них подальше — mi rará, Алекс, Дестини и теперь mi'amá.

Алекс лежит на своей кровати, закрыв рукой глаза.

— Ты не едешь в Чикаго. Профессор Уэстфорд и его жена позволяют тебе жить у них дома. И это решено.

Жить с профессором означает также, что я буду жить в одном доме с Киарой. А это плохо по множеству причин. — И я ничего не могу сказать против?

— Нет.

— Vete a la mierda! [36]

— Ага, вот ты сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай, — говорит мне брат.

— Я говорил тебе, что это были не мои наркотики.

Он садится.

— Карлос, с тех пор, как ты приехал, все, о чем ты говорил, были наркотики. Они нашли траву в твоём шкафчике, вместе с сумасшедшим количеством таблеток. Даже если они не были твои, ты сделал себя козлом отпущения.

— Это какое-то дерьмо.

Полчаса спустя я выхожу из душа и вижу, что вернулась Бриттани. Она сидит за столом, одетая в розовый бархатный спортивный костюм, который отлично облегает ее тело. Я клянусь, эта chica должна здесь жить... учитывая, сколько времени она тут проводит.

Я подхожу к своей кровати, внезапно желая, чтобы эта квартира не была студией. Потому что сейчас я ужасно зол и желаю возмездия. Я не успокоюсь, пока не найду того придурка, который подсунул мне в шкафчик ту наркоту.

Кто бы это ни был, он заплатит.

— Я надеюсь, тебя не исключат, — говорит Бриттани грустным голосом. — Но я знаю, что Алекс и профессор Уэстфорд сделают все возможное, чтобы помочь.

— Не грусти, — говорю я ей. — Теперь, после того как я съеду, ты можешь быть здесь столько, сколько захочешь. Счастливица.

— Карлос, отвали от нее, — говорит резко Алекс.

С чего это я должен отваливать? Это правда.

— Веришь или нет, Карлос, я хочу, чтобы ты был здесь счастлив. — Бриттани подталкивает новенький телефон в мою сторону. — Я принесла тебе это.

— Зачем? Чтобы ты и Алекс могли следить за каждым моим шагом?

Она матает головой.

— Нет. Я просто подумала, что возможно когда-нибудь, если мы тебе понадобится, ты захочешь нам позвонить.

Я поднимаю телефон.

— Кто за это платит?

— Это важно? — спрашивает она.

Моя семья однозначно не может себе это позволить. Я поворачиваюсь спиной к Бриттани и телефону.

— Он мне не нужен, — говорю я ей. — Побереги свои деньги.

Несколько часов спустя мы садимся в бимер Бриттани. Мне следовало ожидать, что она присоединится к этому маленькому приключению — отвезти меня в дом профессора, наверное, чтобы самой удостовериться, что я больше не буду путаться у нее и моего брата под ногами.

Алекс поворачивает на одну из дорог, ведущую к горной местности. Когда я смотрю на дома у обочины дороги, я понимаю, что мы въехали в богатый квартал. Бедные люди не клеят таблички типа "ПРОЕЗД ВОСПРЕЩЕН", "ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ", "ВЕДЕТСЯ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ". Я знаю, потому что я был беден всю мою жизнь, и единственный чувак, которого я знаю, кто повесил такую надпись, это мой друг Педро, и он просто украл эту табличку со двора каких-то богачей.

Мы заезжаем на подъездную дорожку у двухэтажного дома, построенного прямо у гор. Я сажусь прямо и оглядываюсь вокруг. Я никогда не жил в таком месте, где ты не можешь с легкостью кинуть камень в окно своих соседей.

Вы могли бы подумать, что я был бы вне себя от радости от возможности пожить в вычурном доме, но это только еще больше напоминает мне о том, что я тут чужой. Я не идиот, я знаю, что как только я уеду отсюда, я снова буду таким же бедным, как и раньше — или буду в тюрьме. Это место просто дразнит, и я не могу дождаться, когда смогу убраться подальше отсюда.

Как только мы паркуемся Уэстфорд выходит из дома. Он высокий мужчина с сединой в волосах и морщинками вокруг глаз, как будто он слишком много улыбался за все эти годы и его кожа протестует.

Перед тем, как я успеваю сделать шаг из машины, еще трое выходят из дома. Это как чертов парад белых, один белее другого.

Когда выходит Киара, ее знакомое лицо помогает мне одновременно чувствовать облегчение и раздражение. За одно утро я прошел от прикола с ее шкафчиком к аресту и тюрьме. Моя жизнь за несколько часов превратилась из увлекательной в полное дерьмо.

Волосы Киары собраны сзади, и она одета в джинсовые шорты и мешковатую футболку болотного цвета. Она точно не принаряжалась перед моим приездом. На ее щеке и руках даже какие-то коричневые пятна, похожие на землю или грязь.

Рядом с Киарой ее брат. Он, должно быть, был неожиданным, или поздно запланированным, потому что он выглядит, как будто еще ходит в детский сад. Мальчонка грязный, как чертик. По его подбородку размазаны остатки шоколада.

— Это моя жена, Коллин, — говорит Уэстфорд, указывая на худую женщину рядом с ним. — И мой сын, Брендон. Конечно, ты уже знаком с моей дочерью, Киарой.

Профессор и его жена одеты в одинаковые белые рубашки для гольфа. Я так и вижу, как они играют в гольф по выходным в каком-нибудь вычурном загородном клубе. Брендон мог бы сниматься в рекламах — он настолько полон энергии, мне даже хочется дать ему успокоительного.

Пока Бриттани и Алекс жмут руки с профессором и его детьми, Киара подходит ко мне.

— Ты в порядке? — спрашивает она так тихо, я с трудом ее слышу.

— Нормально, — бормочу я. Я не хочу говорить о том, как меня арестовали и привезли в колонию на заднем сидении патрульной машины.

Черт, это неудобно. Мелкий, Брендон, тянет меня за штанину. На его пальцах остатки растаявшего шоколада. — Ты играешь в футбол?

— Нет. — Я смотрю на Алекса, который или не замечает, или ему просто все равно, что этот крысеныш пачкает мои джинсы.

Миссис Уэстфорд улыбается, уводя Брендона подальше от меня.

— Карлос, почему бы тебе не взять несколько минут и не освоиться, приходи потом на задний двор на обед. Дик, отведи Карлоса наверх и покажи что и как.

Дик? [37] Я качаю головой. Профессор не возражает, что его называют Дик? Если бы меня звали Ричард, я бы отзывался на Ричард или Рич ... но не Дик. Блин, я бы даже согласился на Чард.

Я хватаю свою сумку.

— Карлос, следуй за мной, — говорит Уэстфорд. — Я покажу тебе все. Киара, почему бы тебе не показать Алексу и Бриттани свою машину.

Я иду вслед за Профессором Диком, а остальные следуют за Киарой.

— Это наш дом, — говорит Уэстфорд. Как я и предполагал, внутри все такое же массивное,

как и снаружи. Дом не такой большой, как у Медисон, но все же больше всех тех, где я когда-либо жил. В коридоре висят большие картины. Над камином в гостиной висит приличного размера телевизор. — Чувствуй себя, как дома.

Ага, конечно. Это такой же мой дом, как и Белый Дом.

— Здесь находится кухня, — говорит он, проводя меня в огромную комнату с огромным, металлического цвета, холодильником, и сочетающейся с ним техникой. Столешницы у них черного цвета, с, что выглядит как, кусочки бриллиантов внутри. — Если ты что-то хочешь из холодильника или кладовки, не стесняйся. Тебе не нужно спрашивать разрешения.

Далее, я следую за ним вверх по, покрытой ковром, лестнице. — Какие-нибудь вопросы? — спрашивает он.

— У вас есть карта этого места? — говорю я.

Он смеется.

— Через пару дней ты запомнишь расположение.

Поспорим?

Я чувствую приближение ужасной головной боли и жажду оказаться где-нибудь, где мне не нужно притворяться быть перевоспитанным парнем, живущим в мини-особняке с девчонкой, которая обклеила магнитами с печеньем мой шкафчик и коротышкой, который думает, что все Мексиканцы играют в футбол.

Наверху, в конце коридора — спальня родителей. Мы поворачиваем за угол, и Уэстфорд указывает на одну из спален.

— Это комната Киары. Дверь напротив, рядом со спальней Брендона, это ванная, которую ты будешь делить с детьми. — Я заглядываю в ванную, в которой рядышком расположены две раковины.

Он открывает дверь рядом с комнатой Киары и жестом приглашает внутрь.

— Это твоя комната.

Я оглядываю то, что будет моей спальней. Стены выкрашены в желтый цвет, а на окнах висят шторы в горошек. Это выглядит, как чертова девчачья спальня. Я думаю о том, что по окончании моего здесь проживания меня, наверное, заставят отказаться быть мужчиной. У одной из стен стоят стол с шкафом, у другой — комод, у окна располагается кровать с желтым покрывалом.

— Я знаю, что это не самая идеальная комната для мужчины. Моя жена декорировала ее некоторое время назад, — говорит Уэстфорд, кидая мне извиняющийся взгляд. — Это должна была быть комната для ее фарфоровых кукол.

Он что, издевается? Комната для Фарфоровых кукол? Что за нафиг, фарфоровые куклы и почему взрослый человек хочет целую комнату забитую ими? Может это фишка богатых белых людей, потому что я ни знаю, ни одной мексиканской семьи, у которой есть отдельная комната для чертовых кукол.

— Я подумал, что мы можем купить немного краски и сделать эту комнату немного более дружелюбнее для парня, — говорит он.

Мои глаза фокусируются на шторах в горошек.

— Тут понадобится немного больше, чем краска, — бормочу я.

— Но это не важно, я не собираюсь тусоваться здесь слишком много времени.

— Ну, я полагаю, что это время для того, чтобы рассказать тебе о правилах в нашем доме. — Мой временный опекун садится в кресло у стола.

— Правила? — Чувство страха проносится по моему телу.

— Не волнуйся, их немного. Но я ожидаю их полного соблюдения. Прежде всего, никакого алкоголя или наркотиков. Как ты уже знаешь, в этом городе не трудно достать марихуану, но по

указу суда, тебе нужно оставаться чистым. Во-вторых, не матерись в этом доме. Здесь живет очень впечатлительный шестилетний ребенок, и мне не нужно, чтобы он слышал матершинные слова. В-третьих, комендантский час по будням — полночь, на выходных, два часа ночи. В-четвертых, мы надеемся, что ты будешь за собой убирать и помогать по дому, если тебя попросят, так же, как и в случае наших детей. В-пятых, никакого телевизора, пока не сделано домашнее задание. В-шестых, если ты приводишь девушку к себе в комнату, ты должен оставить дверь открытой... по очевидным причинам. — Он потирает подбородок, по-видимому, думая о правилах, которые он еще не упомянул. — Я думаю, что это все. Вопросы?

— Да, один. — Я засовываю руки в карманы, размышляя над тем, сколько времени понадобится профессору Дику, чтобы понять, что я не следую правилам. Никаким. — Что случится, если я нарушу одно из ваших гребаных правил?

Глава 14

Киара

Я не знаю, если кто-то еще в моей семье заметил, что Карлос смотрел на нас, как будто мы группа пришельцев, посланных на землю, чтобы уничтожить его. Он совсем не рад тому, что будет жить с нами.

Интересно, что он скажет, когда его уведомят в том, что либо его исключат, либо ему придется ходить на дополнительные занятия после школы. Эта программа рассчитана на тинэйджеров с неприятностями. Они имеют право посещать школу, но с испытательным сроком. Мой отец сказал мне, что Карлос еще не знает, что эти дополнительные занятия его единственный шанс. Я не хочу находиться в доме, когда Алекс и мой папа скажут ему эту новость.

Алекс разглядывает зеркало заднего вида, которое я только что установила в свою машину. Не устояв, он поднимает капот и изучает двигатель.

— Это стандартный V8, — говорю я Бриттани, которая стоит рядом с ним.

Алекс смеется.

— Это ни о чем не скажет моей девушке. Бриттани не нравится даже заправлять машину.

Бриттани слегка шлепает его по руке.

— Ты шутить? Каждый раз, когда я пытаюсь что-то исправить в моей машине, Алекс просто мне не дает. Признайся, Алекс.

— Mamacita,[39] без обид, но ты бы не отличила прокладку от генератора.

— А ты не отличил бы акрил от геля, — говорит самодовольно Бриттани, кладя руки на бедра.

— Мы все еще о машинах говорим? — спрашивает он.

Бриттани качает головой.

— Я говорила о ногтях.

— Я так и думал. Вот и фокусируйся на ногтях, а я сфокусируюсь на машинах.

Уголок рта Алекса искривляется, когда он притягивает свою девушку ближе.

— Я думаю, что мы готовы обедать, — кричит отец с входной двери.

Мама машет моему брату.

— Брендон, солнышко, покажи Бриттани и Алексу где находится внутренний дворик.

Пока Брендон несется на задний двор, я помогаю маме на кухне.

— У тебя грязь на подбородке, — говорит мама. Я тру свой подбородок, понимая, что это не грязь, а эпоксидная смола.

— А теперь ты ее размазала, вот... — она кидает мне кухонное полотенце.

— Спасибо. — Вытирая подбородок, я мою руки и сооружаю свой фирменный салат с

грецкими орехами.

Во дворе мама раскладывает подставки для столовых приборов в цветочек и ее любимые керамические тарелки с рисунками цветных бабочек, которые сочетаются с чашками для чая. Несколько лет назад она открыла магазинчик органического чая, который называется ХоспиталиТи. Если вы живете в Боулдере, поспорю, что вам нравится активный отдых на природе. И вы пьете чай, вместо кофе.

Мамин магазин очень популярен среди местных. Я работаю там по выходным, рассыпаю в мешочки чай на развес, принимаю новый товар, и клею этикетки на чайные чайнички. Я даже помогаю с ее бухгалтерией, особенно когда ее расчеты не сходятся и ей нужно, чтобы я нашла ее ошибку. Я находчик ошибок в семье, особенно, что касается книг.

Я помогаю вынести во двор салат. На самом деле я придумала рецепт и держу заправку к нему в секрете, даже мои родители не знают, как его повторить. Салат содержит листья шпината, грецкие орехи, голубой сыр, и сухую клюкву... и «Специальный, секретный соус Киары», как зовет его моя мама. Выйдя наружу, я протягиваю салат Карлосу.

Он заглядывает в миску.

— Что это?

— Салат.

Он снова смотрит в миску.

— Это не летук.

— Это шшпинат. — Я прекращаю говорить, когда чувствую, как мой язык становится больше.

— Просто попробуй, — говорит ему Алекс.

— Мне не нужно, чтобы мне говорили, что делать, — огрызается на него Карлос.

— Карлос, в холодильнике есть салат летук, — встревает мама. — Я могу быстренько соорудить для тебя салат, если хочешь.

— Нет, спасибо, — бормочет Карлос.

— Я бы не отказалась от салата, — говорит Бриттани, указывая на миску, ожидая, что я передам ее ей. Я не уверена, на самом ли деле она хочет салат из шпината, но точно старается отвести внимание от Алекса и Карлоса.

Я смотрю на папу. Его глаза на Карлосе. Скорее всего, он думает о том, сколько понадобится времени перед тем, как Карлос расслабится и начнет нам доверять. Проблема в том, я не уверена в том, что Карлос теперь когда-либо расслабится, особенно после того, как он был арестован.

— Я знаю, что ты попал к нам, по причине непредсказуемых обстоятельств, — говорит моя мама Карлосу, передавая вокруг тарелку с котлетами для бургеров из лосося. — Но мы рады предложить тебе наш дом и нашу дружбу.

Мой отец подцепляет котлету вилок.

— На этих выходных Киара может показать тебе вокруг Боулдера. И познакомить тебя со своими друзьями. Так, родная?

— Конечно, — отвечаю я, хотя «мои друзья» состоят из Тука. Я не любитель тусоваться в компании. Тук парень, но он мой лучший друг и был с восьмого класса, когда Хеатер Харте и Медисон Стоун смеялись надо мной в классе по английскому, когда учитель заставил меня вслух у доски читать Историю Двух Городов. Я не только опозорила себя своим заиканием, но думаю, сам Дикенс перевернулся в гробу от того, как ужасно я коверкала его слова. Как только они начали смеяться, я остановилась, убежала домой и не выходила из своей комнаты, пока Тук не пришел и не заставил меня снова показаться миру. В Пятницу, на занятии мистера Фури, я вспомнила тот день.

— Я думаю, что моя котлета недожарена. Он какая-то слишком уж розовая, — говорит

Карлос, разглядывая творение моей мамы.

— Это рыба, — отвечаю я. — Лосось.

— В ней есть кости?

Я мотаю головой.

Из корзинки с хлебом он берет булочку, разглядывает ее, затем пожимает плечами. Я думаю, что он не привык к злакам, торчащим из его булочек для бургеров.

— Завтра я работаю, но Киара может отвезти тебя в магазин за продуктами, если хочешь, Карлос, — предлагает мама. — Таким образом, ты сможешь выбрать то, что тебе нравится.

— Тебе нравится спорт, Карлос? — спрашивает его Брендон.

— Это зависит.

— От чего?

— Кто играет. Я не смотрю теннис или гольф, если ты об этом.

— Я не говорю о том, чтобы смотреть, глупый, — говорит Брендон, смеясь над ним. — Я говорю о том, чтобы играть. Мой лучший друг, Макс, играет в Американский футбол, а он моего возраста.

— Рад за него, — говорит Карлос, кусая свой бургер с лососем.

— А ты играешь в Американский футбол?

— Нет.

— Бейсбол?

— Неа.

Брендон разошелся и не остановится до того, пока не получит тот ответ, который ищет.

— Теннис?

— Точно нет.

— Тогда в какую спортивную игру тебе нравится играть?

Карлос откладывает свою еду. О, нет. В его глазах горит мятежный огонек, и он говорит:

— В горизонтальное танго.

Моя мама и Бриттани давятся своей едой. Мой отец говорит:

— Карлос... — тем тоном, который он сохраняет для экстремальных ситуаций.

— Танцы не считаются спортом, — говорит Брендон, не замечая шока за столом.

— Считается, когда это делаю я, — отвечает Карлос.

Алекс встает и говорит сквозь зубы: — Карлос, пошли поговорим. Наедине. Ahora. [40]

Алекс заходит в дом. Я не уверена, что Карлос последует за ним. Он размышляет несколько секунд, затем его стул царапает плитку двора и он направляется внутрь. Ох, это точно не будет красиво.

Бриттани закрывает руками голову.

— Пожалуйста, скажите мне когда они закончат ссориться.

Брендон поворачивается к моему отцу с большими, невинными глазами.

— Папа, а ты знаешь, как танцевать горизонтальное танго?

Глава 15

Карлос

— Ты кайфуешь от того, что ведешь себя как *pendejo*[41] ? Спрашивает меня брат, когда мы на кухне, подальше от слышимости *gringos*. [42]

— Эм... да. У меня был лучший учитель. Не так ли, Алекс?

С тех пор, как застрелили моего отца, когда мне было четыре, Алекс стал старшим в семье, хоть и самому тогда было всего шесть. Может он и старше меня, но у меня больше не было никого, с кого я мог бы брать пример.

Мой брат облакачивается на кухонную стойку и складывает руки на груди.

— Значит так, тебя поймали с наркотой. Мне пофиг твои они были или нет, с ними поймали тебя. Так что проглатывай это и живи здесь, не создавая проблем, или они отправят тебя в колонию для несовершеннолетних, где охрана будет наблюдать за каждым твоим шагом. Так что это будет?

— Почему я не могу уехать в Чикаго? У нас там есть семья. Все мои старые друзья там.

— Не вариант. — Перед тем, как я успеваю ответить, Алекс продолжает: — Я не хочу, чтобы ты повяз там с Кровавыми Латино. Кроме того, Дестини тебя не ждет, если ты надеешься на это.

Дестини и я расстались в тот день, когда моя семья собрала вещи и переехала в Мексику. Она сказала, то нет смысла в том, чтобы продолжать отношения на расстоянии, мы возможно никогда больше не увидим друг друга.

По правде говоря, если бы не Алекс, мы бы никогда и не уехали бы из Чикаго. И если бы мы не уехали, Дестини и я остались бы вместе, и я не застрял бы здесь в комнате с чертовыми шторами в горошек.

Я жду, что в какой-то момент моей жизни все меня бросят. Со времен Дестини я не позволял себе быть от кого-то эмоционально зависимым. Если я позволю себе любить кого-то, они меня бросят, оттолкнут или умрут. Так было и будет всегда.

— Пока я останусь здесь, но в скором времени вернусь в Чикаго, с твоей помощью или без нее. Просто возвращайся в свою квартиру и держись подальше от моей жизни. — Я прохожу мимо моего брата и направляюсь в свою комнату, захлопывая за собой дверь. Но желтое покрывало на кровати напоминает мне о том, что это не моя комната. *Mierda!*[43]

Я рад, что Алекс не последовал за мной. Мне нужно побыть одному и подумать о том, что произошло в Пятницу.

Кто подсунул наркотики мне в шкафчик? Ник? Медисон, которая опоздала на био? Или может это был знак от Геррерос, о том, что неважно где я, они недалеко?

Кинув взгляд на свою сумку, я открываю ее и вешаю одежду. Ну, я просто засовываю ее в ящики, не парясь по поводу вешалок. Да у меня и нет такой одежды, которую необходимо было вешать. Я достаю свою зубную щетку и бритву и направляюсь в ванную напротив. Подразумевая, что раковина со стульчиком принадлежит Брендону, я решаю делить ее с ним. Последнее, что мне нужно, так это, открыв шкафчик, обнаружить тампоны, косметику или какую-нибудь другую женскую фигню.

Я засовываю свою щетку и бритву в свободный ящик, тот, на котором не наклеена муляшка в мыльных пузырях. Между раковинами, к большому зеркалу приклеена небольшая бумажка.

РАСПИСАНИЕ УТРЕНЕГО ДУША ПО БУДНЯМ

Понедельник, Среда, Пятница: Киара 6:25-6:35

Понедельник, Среда, Пятница: Карлос 6:40-6:50

Вторник, Четверг: Киара 6:40-6:50

Вторник, Четверг: Карлос 6:25-6:35

Когда я должен уведомить Киару о том, что никто не говорит мне, сколько длится мое время в душе? Иногда мой душ может длиться час, особенно когда мне жарко, я весь потный и сильно чем-то раздражен. Вот как сейчас.

Как будто это не достаточно плохо, что мне припаяли то, чего я не делал, так я теперь еще должен жить с этими незнакомцами, которые едят салаты из шпината.

Я направляюсь к себе в комнату, но когда я вижу, что дверь в комнату Киары приоткрыта, мне становится интересно.

Зная, что она все еще обедает, я захожу внутрь. Ее стол завален книжками и бумагами. Над столом висит доска для заметок с различными высказываниями, которые должны быть в инструкции, типа помощи себе сам:

"Не бойся быть индивидуальным"; "Люби себя, прежде, чем любить другого"... Что за фигня. Она что, читает это для наслаждения?

К доске прикреплены несколько фотографий ее и того парня с которым я вижу ее в столовой каждый день. На одной они в походе по горам или что-то вроде, а на другой они на сноубордах. Киара смеется на фотографиях.

Я поднимаю одну из ее тетрадей на столе и пролистываю страницы. Я останавливаюсь, когда вижу ПРАВИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ написано на верху листа. Мои глаза немедленно фокусируются на словах «дерзкий бюст», в списке достоинств Киары. Я смеюсь, когда сканирую колонку рядом... она ищет чувака, уверенного в себе, милого, умеющего чинить машины и которому нравится спорт.

Кто, черт подери, записывает эту фигню? Я удивлен, что она не написала: "Я ищу парня, который будет массировать мне ноги и целовать зад". На следующей странице карандашный рисунок ее машины. Я слышу, как скрипит дверь спальни. О, блин, я не один.

Киара стоит в шоке в дверном проеме. За ней тот парень с фотографий. Киара выглядит ошарашенной, обнаружив меня у себя в комнате, с лапами на ее тетради.

— Мне нужна была бумага, — говорю я, спокойным тоном и кидаю тетрадь ей на стол.

Парень шагает вперед.

— Эй, парнишка, как дела? — говорит он.

Интересно, что скажет профессор Дик, если я надеру задницу бойфренду Киары в мой первый тут день. Он ничего не сказал в своих правилах о драках.

Я сужаю глаза на парня и ступаю ближе.

Киара быстро роется на столе и достает другую тетрадь. Она всучивает ее мне в руки.

— Вот, — говорит она, с волнением в голосе.

Я смотрю на ненужную тетрадь, раздражаясь, что я чувствую себя, как jalapeño[44] в банке с орешками ассорти... где-то, где я не принадлежу и точно не являюсь подходящей добавкой.

Я бормочу:

— Увидимся позже... парнишка, — и направляюсь обратно в канареечно-желтую комнату и я окончательно в аду, черт.

Смотря в окно, я прикидываю, как высоко отсюда до земли, на случай, если я захочу сбежать отсюда за глотком свободы. Однажды я просто сбегу и никогда не оглянусь обратно.

— Карлос, можно войти? — я слышу голос Бриттани через дверь.

Когда я открываю дверь, я нахожу девушку моего брата там одну.

— Если ты собираешься читать мне лекцию, может побережь дыхание, — говорю я ей.

— Я не за тем здесь, чтобы читать тебе лекцию, — отвечает она, ее ярко-голубые глаза сияют состраданием. Она протискивается мимо меня и заходит в комнату. — И я уверена, что может твои друзья, наслаждаются деталями твоих сексуальных походов, хвастаться ими перед шестилетним ребенком и его родителями, скорее всего не самая лучшая идея.

Я поднимаю руку, останавливая ее.

— Прежде, чем ты продолжишь, мне следует быть честным с тобой, и сказать, что это звучит уж больно похоже на лекцию.

Она смеется.

— Ты прав. Прости. По правде говоря, я пришла, чтобы отдать тебе телефон. Я знаю, что вы с Алексом иногда как вода с маслом, так что если тебе когда-нибудь захочется поговорить с кем-то менее упертым, я буду рада. Я запрограммировала оба наших номера в контакты. — Она кладет телефон на стол.

О, нет. Я чувствую, что она пытается приблизиться ко мне, как сестра, которой у меня никогда не было, но этого не будет. Я не сближаюсь ни с кем, так что я решаю следовать дорожкой придурка. Это мне удастся очень легко; я даже усилий больше не прилагаю. — Ты заигрываешь со мной? Я думал, что ты встречаешься с моим братом. Честно, Бриттани, я не встречаюсь с белыми чувихами. Особенно с блондинками с кожей, цвета супер клея. Ты когда-нибудь слышала о солярии?

Окей, комментарий про клей был перебором. Кожа Бриттани имеет легкий золотой оттенок, но нагрубив ей, поможет мне оттолкнуть ее. Я делал это с mi'amá. И Луисом. И Алексом. Никогда меня не подводило.

Я открываю шкафчик стола и засовываю телефон внутрь.

— Придет день, и он тебе понадобится, — говорит она. — Я не сомневаюсь, что ты мне позвонишь.

— Хочешь поспорим?

Я делаю шаг к ней, вступая в ее личное пространство, чтобы заставить ее попятиться и понять, что я говорю на полном серьезе.

— Не зли меня, сучка. В Мексике я тусовался с бандитами.

Она не отступает. Вместо этого, говорит:

— Мой парень состоял в банде, Карлос. И ни один из вас меня не пугает.

— Тебе никто не говорил, что ты была бы идеальной *machista*, чтобы доказать теорию о тупоголовых блондинках.

Вместо того чтобы съежиться от страха или разозлиться, она приближается и целует меня в щеку.

— Я прощаю тебя, — говорит она, затем выходит из комнаты, оставляя меня одного.

— Я не просил твоего прощения. Или не хочу его, — отвечаю я, но она уже ушла.

Глава 16

Киара

— Я не думаю, что он за бумагой приходил, — говорит Тук, садясь верхом на мой стул. — Он шпионил. Поверь мне, я знаю, как выглядит тот, кто шпионит.

Я вздыхаю и сажусь на кровати.

— И тебе обязательно было подкалывать его всем этим «как дела, парнишка?»

Иногда Тук разговаривает просто для своего развлечения. Я не думаю, что Карлос оценит юмор Тука.

— Извини, не смог сдержаться. Он думает, что он такой крутой, мне хотелось его немного подколоть.

Лицо Тука озаряется.

— У меня идея. Как насчет того, чтобы шпионить в ответ.

Я качаю головой.

— Ну, уж нет. Кроме того, он, скорее всего в своей спальне.

— Может он внизу с остальной твоей семьей. Мы не узнаем, пока не проверим.

— Это плохая идея.

— Ох, ну, давай же, — ноет он, как мой брат, когда ему что-то не позволяют. — Давай повеселимся. Мне скучно и скоро будет пора уходить.

Перед тем, как я успеваю опомниться, Тук исчезает в коридоре. Я слышу его шаги, приближающиеся к комнате Карлоса. О, нет. Это точно не хорошо.

Совсем не хорошо. Я хватаю Тука за руку и пытаюсь тащить его обратно, но он не поддается. Когда Тук вбил себе что-то в голову, его ничто не остановит. В этом он такой же, как и мой отец.

Дверь Карлоса слегка приоткрыта. Тук заглядывает внутрь.

— Я не вижу его, — говорит он.

— Это потому, что я ходил отлить, — говорит Карлос позади меня.

Ох. Нет. Нас. Застукали.

Я втягиваю ртом воздух и щипаю Тука. Эта выходка точно не была наилучшей его идеей. Я думаю, может теперь Карлос сделает нам свое печенье в отместку.

— Нам просто было интересно, как тебе тетрадь Киары, подошла? — говорит Тук, выдавая то, что первое пришло ему в голову, ни капельки не смутившись тем, что его застукали на месте преступления. — Или может тебе бы больше подошла тетрадь со спиралью, мы и такую можем достать.

— Ага, — говорит Карлос.

Тук протягивает руку.

— Кстати, мы не были официально представлены. Я Тук. Ну, знаешь, рифмуется с "друг".

— И с "индюк", — добавляет Карлос.

— Это тоже, — отвечает Тук, не моргнув и глазом. С широкой, наглой улыбкой он показывает пальцем на Карлоса. — А ты за словом в карман не лезешь, amigo.[45]

Карлос отталкивает от себя палец Тука.

— Я тебе не amigo, придурок.

У Тука звонит сотовый телефон. Он вынимает его из штанов и говорит:

— Я скоро буду, — затем пожимает плечами и говорит мне:

— Ну, я пошел. Мой отчим, Рик, заставляет меня и маму идти на какое-то дурацкое занятие по вязанию узлов. Киара, увидимся завтра в школе.

Он поворачивается к Карлосу.

— До встречи, amigo.

Тук испаряется, оставляя меня стоять в коридоре с Карлосом. Он делает шаг ближе. Когда Карлос фокусирует свое внимание на мне, это немного пугает, не знаю, делает ли он это намеренно или нет. Он как пантера, готовая к прыжку, или вампир, готовый высосать кровь из любого, кто стоит на его пути.

— Кстати, мне не нужна была бумага. Твой парнишка был прав. Я шпионил. — Он заходит к себе в комнату, но перед тем как закрыть дверь, поворачивается ко мне. — Эти стены тонкие, как картон. Тебе стоит помнить об этом в следующий раз, когда ты будешь разговаривать обо мне со своим бойфрендом, — говорит он и захлопывает дверь.

Карлос

Вечером мне сказано было явиться в кабинет профессора. Я ожидал его гнева.

По правде говоря, я хотел его гнева. Если он или тот судья в зале суда для несовершеннолетних считали, что приведя меня сюда, они меня перевоспитают, ну, им следует еще раз хорошенько подумать. Каждый раз, когда кто-то пытается контролировать мою жизнь или навязывает мне какие-то правила, чистый инстинкт заставляет меня бунтовать.

Профессор Уэстфорд переплетает пальцы и наклоняется вперед в своем кресле, которое стоит лицом к небольшому дивану, на котором сижу я.

— Чего ты хочешь, Карлос? — спрашивает он.

А? Он застал меня врасплох. Я не ожидал от него этого вопроса. Я хочу вернуться обратно в Мексику и жить по собственным правилам. Или вернуться в Чикаго, где живут мои друзья и кузены, с которыми я вырос... Я уж точно не могу ему сказать, что хочу воскресить из мертвых своего отца.

Когда я не отвечаю, Уэстфорд вздыхает.

— Я знаю, что ты упрямый парень, — говорит он. — Алекс сказал мне, что в Мексике ты был связан с чем-то серьезным.

— И?

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что ты можешь построить здесь совершенно другую жизнь, Карлос. Ты плохо начал, но ты можешь вырвать эту страницу своей жизни и начать с чистого листа. Алекс и твоя мама хотят лучшего для тебя.

— Послушай, Дик. Алекс меня не знает.

— Твой брат знает тебя лучше, чем ты думаешь. И у вас намного больше общего, чем тебе бы хотелось.

— Ты только что со мной познакомился. Ты тоже не знаешь меня. И сказать по правде, я не очень-то тебя уважаю. Ты открыл свой дом пацану, который только что был арестован за наркоту. Почему это ты не боишься того, что я здесь?

— Ты не первый, кому я помог, и ты не будешь последним, — уверяет он меня. — И мне, наверное, сразу следует сказать, что до того, как я защитил докторскую по психологии, я был военным. Я видел столько смертей, пушек и плохих парней, сколько ты не увидишь за всю свою жизнь. У меня может и просесть в волосах, но я такой же упертый, как и ты, когда мне это необходимо. Я думаю, мы сработаемся. А теперь, давай вернемся к тому, зачем я позвал тебя сюда. Чего ты хочешь?

Мне надо сказать что-нибудь, чтобы он от меня отстал.

— Вернуться в Чикаго.

Уэстфорд откидывается в кресле.

— Окей.

— Что значит «окей»?

Он поднимает вверх руки. — Это значит окей. Следуй правилам в доме до зимних каникул, и я свожу тебя в Чикаго в гости. Я обещаю.

— Я не верю обещаниям.

— А я верю. И я не бросаю слова на ветер. Никогда. Ладно, достаточно серьезных разговоров на сегодня. Расслабься и устраивайся, как дома. Посмотри телевизор, если хочешь.

Вместо этого, я иду напрямик в ад со шторами в горошек. Когда я прохожу мимо комнаты Брендона я замечаю, что он сидит на полу, одетый в пижаму с рисунком маленьких бейсбольных бит, перчаток и мячей. Мелкий играет с пластиковыми солдатиками и выглядит невинным и счастливым. Для него это легко — он не был еще в реальном мире.

Реальный мир отстой.

Брендон широко улыбается, заметив меня.

— Эй, Карлос, хочешь поиграть в солдатиков?

— Не сегодня.

— Завтра? — спрашивает он с надеждой в голосе.

— Не знаю.

— Что это значит?

— Это значит, спроси меня завтра, возможно у меня будет другой ответ. — Хотя, подумав, я сказал. — Попроси свою сестру поиграть с тобой.

— Она только что играла. Теперь твоя очередь.

Моя очередь? У этого шпендики серьезные проблемы, если он считает, что я жду этого в очереди.

— Давай так, завтра после школы я сыграю с тобой в футбол, если ты забьешь хотя бы один гол, я поиграю в твои солдатки.

Парнишка выглядит потерянным.

— Я думал, ты не играешь в футбол.

— Я соврал.

— Ты не должен этого делать.

— Ага, ну, когда ты сам будешь тинейджером, ты будешь делать это постоянно.

Он качает головой.

— Я так не думаю.

Я смеюсь.

— Позвони мне, когда тебе будет шестнадцать. Я гарантирую, ты изменишь свое мнение, — говорю я и направляюсь к себе в комнату. Киара стоит в коридоре. Ее хвост на затылке обвис и почти все волосы выпали из него. Я никогда не встречал девушку, которая настолько мало заботилась о том, как она выглядит.

— Куда это ты направляешься, такая наряженная? — шучу я.

Она прочищает горло, как будто запнувшись.

— На пробежку.

— Зачем?

— Упражнения. Можешь... присоединиться.

— Неее, — я всегда придерживался теории, что люди, которые делают упражнения — белокожие снобы, потому что все их дни состоят из того, чтобы сидеть на заднице и ничего не делать. Она начинает двигаться дальше, но я зову ее обратно. — Киара, подожди. — Она оборачивается. — Скажи Туку, чтобы держался от меня подальше. И о твоём расписании для душа ...

Я собираюсь дать ей понять, что и как тут, и кто здесь главный. Ее отец может диктовать какие угодно правила, которым я не собираюсь следовать, но никто, особенно не gringa, не будет указывать мне, когда я буду принимать свой душ. Я скрещиваю руки на груди и говорю ей прямо:

— Я не следую расписаниям.

— Ну, а я с-следую, так что п-привыкай, — говорит она, затем отворачивается и направляется к лестнице.

Я остаюсь в своей комнате до утра, пока голос профессора не раздается через дверь.

— Карлос, если ты еще не встал, тебе лучше поторопиться, мы уезжаем через полчаса.

Когда я слышу удаляющиеся шаги, я слажу с кровати и направляюсь в ванную. Я открываю дверь и обнаруживаю Брендона за чисткой зубов. Он размазывает пасту по нашей с ним раковине и вокруг его рта, он выглядит так, как будто у него бешенство.

— Поторопись, cachorro.[46] Мне нужно отлить.

— Я не знаю, что значит чачачороро.

Мелкий точно не ас в испанском.

— Хорошо, — говорю я, — ты и не должен знать.

Пока Брендон заканчивает, я облакачиваюсь на дверной косяк. Я слышу, как открывается дверь Киары. Она выходит из комнаты полностью одетой. Хотя, я бы и не назвал это хорошо одетой. Ее волосы собраны в обычный хвост, на ней желтая футболка с надписью ADVENTURELAND, мешковатые коричневые шорты и походные ботинки.

Один взгляд на меня и ее глаза расширяются и лицо краснеет. Она отводит взгляд.

— Ха, ха, ха! — смеется Брендон, указывая на мои боксеры-брифы. Я смотрю вниз, чтобы удостовериться, что все мои дерзкие места спрятаны. — Киара видела твои трусы! Киара видела твои трусы! — напевает он.

За несколько секунд она спускается вниз и исчезает из виду.

Я сужаю на Брендона глаза.

— Тебе никто никогда не говорил, что ты бываешь надоедливый мелким придурком?

Брендон закрывает рукой рот и делает глубокий вдох.

— Ты сказал плохое слово.

Мне точно пора начать говорить по-испански в присутствии этого парнишки, чтобы он не понимал моих слов. Или бить его в его же игре.

— Неправда. Я сказал, что ты бываешь надоедливый мелким окурком.

— А вот и нет. Ты сказал придурком.

Я закрываю рукой рот и издаю удивленный звук. Показывая на него пальцем, как двухлетний ребенок, я говорю:

— Ты только что сказал плохое слово.

— Карлос, ты первым его сказал, — спорит он. — Я просто повторил то, что ты сказал.

— Я сказал окурком. Ты сказал что-то, что рифмуется с ним. Я на тебя настучу. — Я открываю рот, чтобы закричать. На самом деле, я не собираюсь этого делать, но маленький diablo[47] не знает этого.

— Пожалуйста, не говори ничего.

— Ладно. На этот раз не скажу. Видишь ли, теперь мы сообщники.

Он хмурит свои маленькие брови.

— Я не знаю, что это значит.

— Это значит, что мы не доносим друг на друга.

— Но, что если ты сделаешь что-то плохое.

— Ты будешь держать свой рот на замке.

— И если я сделаю что-то плохое?

— Тогда и я ничего не скажу.

Он выглядит, как будто серьезно над этим раздумывает.

— Если ты увидишь меня за поеданием печенья из кладовки?

— Я не скажу ни слова.

— И если мне не очень хочется чистить зубы?

Я пожимаю плечами.

— Можешь идти в школу с плохим запахом изо рта и кариесом, мне все равно.

Брендон улыбается и протягивает руку.

— Договорились, чувак.

Чувак? Пока я наблюдаю за тем, как Брендон возвращается к себе в комнату, я думаю, кто кого только что обхитрил.

Глава 18

Киара

Теперь для меня не секрет в чем спит Карлос. В своих боксерах. И все. Наверху в коридоре мне пришлось отвести взгляд, потому что я пялилась. Кроме как на бицепсе и руке, на его теле есть и другие татуировки. Небольшая тату в форме змеи на его груди, и, когда мой взгляд упал вниз, я заметила красные буквы, выглядывающие из-под его брифоф. И хоть я чертовски хочу знать, что все они значат и почему он их сделал, спрашивать я уж точно не собираюсь.

Моя мама уехала час назад, чтобы открыть свой магазин. Это моя очередь готовить для всех завтраков. Мой отец уплетает яичницу с тостом, которые я только что поставила перед ним. Я знаю, что он ждет Алекса, и скорее всего, прогоняет в голове речь, которую они с Алексом собираются прочитать Карлосу сегодня утром.

Я точно не хочу быть здесь во время этого разговора, и я чувствую себя немного виноватой за то, что нагрубила вчера Карлосу. Последнее, что ему сейчас нужно, так это еще один человек, который, как он считает, настроен против него.

— Пап, — говорю я и сажусь рядом с ним за стол. — Что вы собираетесь ему сказать?

— Правду. Что после того, как судья подтвердит временную опеку, я надеюсь, они позволят ему записаться на эту дополнительную программу, вместо того, чтобы отсиживать срок.

— Ему это не понравится.

— У него нет выбора. — Мой отец гладит меня по голове. — Не волнуйся, все обойдется.

— Откуда ты знаешь?

— Потому-то глубоко внутри, я подозреваю, он хочет очистить свою жизнь, и судья тоже хочет сохранить детей в школе. По правде говоря, я не уверен, что Карлос сам даже не подозревает, насколько сильно он хочет преуспеть.

— Он ведет себя, как кретин.

— Это просто, чтобы защитить то, что внутри. Я знаю точно, он будет крепким орешком. — Он наклоняет голову и бросает мне задумчивый взгляд. — Ты уверена, что не возражаешь против того, чтобы он жил здесь?

Я думаю о себе в его ситуации и размышляю, был бы кто-нибудь готов помочь мне. Разве не поэтому мы живем на этой земле, чтобы сделать это место лучше? Это не религиозное мнение, это просто человечность. Если Карлос не может остаться здесь, кто знает, где в итоге он окажется.

— Я абсолютно не против, — отвечаю я. — Правда.

Мой отец со своими знаниями по психологии и ангельским терпением будет в состоянии ему помочь. А моя мама... ну, если вы способны не обращать внимание на ее странности, она замечательная.

— Брендон, где Карлос? — спрашивает папа моего брата, когда тот, громко топая, спускается по лестнице.

— Я не знаю. Я думаю, он был в душе.

— Хорошо. Ну, иди съешь что-нибудь. Твой автобус будет здесь через десять минут.

Мы слышим, как вода наверху перестала бежать, означая, что Карлос вышел из душа. Это знак для моего отца. — Брен, хватай свой рюкзак. Автобус будет здесь в любую секунду.

Пока мой папа подгоняет Брендона, чтобы тот успел на автобус, я жарю пару яиц для Карлоса.

Я слышу, как он спускается, еще до того, как вижу его. Он одет в темно-синие джинсы с дырками на коленях, и черную футболку, которая выглядит заношенной и застиранной... но я

представляю, какая она мягкая и удобная.

— Вот, — бормочу я, ставя на стол яичницу с тостом и стакан свежавыжатого сока.

— Gracias[48] . — Он медленно садится, очевидно удивленный тем, что я приготовила ему завтрак.

Пока он ест я загружаю посудомоечную машину и занимаю себя тем, что достаю наши обеды, которые заранее приготовила мама. Через несколько минут возвращается отец в сопровождении Алекса.

— Доброе утро, брат, — говорит Алекс, садясь рядом с Карлосом. — Готов к суду?

— Нет.

Я хватаю ключи и рюкзак, оставляя их наедине. По дороге в школу я думаю о том, что может мне, следовало остаться и разрядить обстановку. Потому что трое мужчин вместе, особенно, если двое из них такие упрямые, как братья Фуэнтес, может быть опасным миксом. И еще притом, что одного из них должны силой принудить посещать спец. программу для правонарушителей. Я гарантирую, что когда они ему это скажут, Карлос сорвется с катушек.

У моего бедного папы нет ни единого шанса.

Глава 19

Карлос

— Так что тут делаешь? — снова спрашиваю своего брата.

Я смотрю на Уэстфорда, с чашкой кофе в руке. Что-то тут не чисто.

— Алекс хотел быть здесь, когда мы будем обсуждать то, что случится сегодня. Мы собираемся просить судью отпустить тебя под мою опеку в обмен на твое послушание и участие в специальной программе после школы.

Я смотрю на свою еду, там еще половина, и кладу вилку на стол.

— Я думал, что мы просто идем в суд, и меня отпустят под твою опеку. А теперь я чувствую, как будто стою на расстреле, готовый к тому, чтобы мне завязали глаза и предложили последнюю сигарету.

— Это не такое уж большое дело, — говорит Алекс. — Это называется "Кругозор".

Уэстфорд садится рядом со мной.

— Специальная программа для проблемных подростков.

Я смотрю на Алекса, чтобы он объяснил мне это нормальным языком.

Алекс прочищает горло.

— Это для детей, у кого были проблемы с законом, Карлос. Ты будешь ходить туда после школы. Каждый день, — добавляет он.

Они что, шутят?

— Я говорил тебе, что наркотики были не мои.

Уэстфорд ставит чашку на стол. — Тогда скажи мне, кому они принадлежат.

— Я не знаю имени.

— Этого недостаточно, — говорит Уэстфорд.

— Это код молчания, — говорит Алекс.

Уэстфорд не понимает.

— Код молчания?

Алекс поднимает глаза.

— Я знаю участника банды Геррерос дель баррио. Код молчания защищает всех ее членов. Он не заговорит, даже если знает, кто ответственен за это.

Уэстфорд вздыхает.

— Код молчания ни капельки не поможет твоему брату, но я понимаю. Я не хочу, но я

понимаю. И нам ничего другого не остается, как только просить судью позволить Карлосу записаться в Кругозор. Это хорошая программа, Карлос, и уж точно лучше исключения из школы или отбывания срока в колонии для несовершеннолетних. Ты получишь школьный аттестат и сможешь подать документы в колледжи.

— Я не собираюсь в колледж.

— Тогда чем ты собираешься заняться после школы? — спрашивает Уэстфорд. — И не говори мне, что торговать наркотиками, потому что это отмазка.

— Да что ты знаешь, Дик? Тебе легко говорить, когда ты сидишь тут в своем крутом домине и ешь свою органическую дерьмовую еду. Погуляешь в моих башмаках денек, тогда и будешь мне лекции читать. А до тех пор, я не хочу даже слушать.

— Mi'amá хочет для нас лучшей жизни, — говорит Алекс. — Сделай это для нее.

— Мне плевать, — говорю я и ставлю тарелку в раковину. Я точно потерял аппетит. — Поехали, покончим с этим бредом.

Уэстфорд поднимает свой чемоданчик и вздыхает с облегчением.

— Вы готовы, ребята?

Я закрываю глаза и тру их ладонями. Я мечтаю, что может, когда я их открою, я окажусь в Чикаго.

— Ты не хочешь, чтобы я на это отвечал, не так ли?

Его лицо озаряет полуулыбка.

— Не очень. И ты прав, я не ходил в твоих ботинках. Но ты также не ходил в моих.

— Да ладно, профессор. Я поспорю на свое левое яичко, что твоя наибольшая проблема, с которой ты сталкивался, была выбрать загородный клуб.

— Я бы на твоем месте на это не спорил, — отвечает он, когда мы выходим из дома. — Мы даже не ходим ни в какой загородный клуб.

Когда мы подходим к его машине, или к тому, что я думаю, его машина, я делаю шаг назад.

— Что это?

— Это Смарт.

Она выглядит так, как будто Внедорожник сходил по большому, и вышел этот Смарт. Я бы не удивился, если бы Уэстфорд сказал, что это одна из тех игрушечных машин, которые водят дети.

— У нее маленький расход топлива. Моя жена водит Внедорожник, а поскольку я езжу только на работу и домой, это был идеальный выбор. Если хочешь, можешь быть за рулем.

— Или можешь поехать со мной, — говорит Алекс.

— Нет, спасибо, — отвечаю я, открывая дверь Смarta и забираясь на маленькое пассажирское сидение. Изнутри она не выглядит такой уж крохотной, но я все же чувствую себя, как будто я в миниатюрном космическом корабле.

Это заняло менее получаса у судьи, чтобы передать временную опеку надо мной профессору и одобрить мое участие в Кругозор, вместо того, чтобы посадить меня за решетку или наградить меня общественными работами. Алекс уезжает, потому что у него тест. Поэтому моему новому опекуну ничего не остается, как зарегистрировать меня в специальную программу и отвезти меня в школу самому.

Кругозор проходит в коричневом кирпичном здании в двух кварталах от школы. Посидев в приемной, нас приглашают в офис директора.

Нас приветствует огромный белый мужчина, вес которого, скорее всего, близок к ста пятидесяти килограммам.

— Я Тэд Моррисей, директор Кругозора. А ты, наверное, Карлос. — Он перелистывает файл и говорит:

— Скажи мне, почему ты здесь.

— Приказ судьи, — отвечаю я.

— Тут в файле говорится, что тебя арестовали в прошлую пятницу за хранение наркотиков в школе. — Он поднимает глаза. — Это серьезное нарушение.

Только потому, что меня поймали. Проблема в том, что я мексиканец со связями в банде. Ни за что на свете этот чувак не поверит, что меня подставили. Я уверен, что он слышал «Я этого не делал» ото всех подростков здесь. Я найду того, кто меня подставил... и, в конце концов, отомщу.

Следующие полчаса Моррисей читает лекцию. Другими словами о том, как мне нужно держать под контролем свою судьбу и свое будущее. Это мой последний шанс. Если я хочу преуспеть, эта спец. программа поможет мне достичь своего полного потенциала, бла, бла, бла.

По окончании этой программы, консультанты по трудоустройству стремятся помочь каждому выпускнику Кругозор найти постоянную работу или поступить в ВУЗ. Мне приходится останавливать себя пару раз от хмыканья, и я размышляю над тем, как Уэстфорд может сидеть тут и с каменным лицом слушать эту охиною Моррисея.

— И, чтобы ты знал, — говорит Моррисей, доставая и листая памятку для учащихся, — время от времени в течение года мы будем проводить тесты на наркотики. И если мы обнаружим незаконные вещества в твоей крови или при тебе, мы сообщим об этом твоему опекуну, и ты будешь исключен из школы и выкинут из Кругозора. На постоянной основе. Большинство подростков оказывались за решеткой за грубые нарушения.

Моррисей протягивает нам с Уэстфордом копии правил Кругозора. Затем, складывает руки на своем огромном животе и улыбается, но эта улыбка меня не одурачит. Он террорист, который не берет заложников.

— Какие-то вопросы? — спрашивает он, ровным тоном... но я не сомневаюсь, что этот его голос может отдавать приказы похлеще любого сержанта.

Профессор смотрит на меня, и затем говорит:

— Я думаю, мы все поняли.

— Замечательно. Тогда у нас есть еще одно дело, прежде чем ты сможешь вернуться обратно в школу. — Он подвигает в нашу сторону лист бумаги. — Это расписка об ответственности, в которой говорится, что тебе объяснили правила Кругозор, ты понял их, и согласен следовать им.

Наклоняясь вперед, я замечаю три поля для подписи. Одно для меня, одно для родителя или опекуна и одно для сотрудника Кругозора.

Там также сказано:

Я, _____, подтверждаю, что подписавшись, я соглашаюсь следовать правилам, изложенным в памятке для учащихся в Кругозоре. Я понимаю правила, которые были объяснены мне одним из сотрудников. Я также понимаю, что в случае, если по какой-либо причине я нарушу эти правила, я буду представлен к дисциплинарным мерам, которые могут включать наказание в классе, дополнительную консультацию, и/или исключение из программы Кругозора.

Что на самом деле там было сказано:

Я, _____, отписываю свою свободу работникам Кругозора. Подписав эту бумагу, я подтверждаю, что моя жизнь будет диктоваться другими людьми, и я буду волочить жалкое существование пока я в Колорадо.

Я стараюсь не думать об этом слишком много, пока я карябаю свое имя на бумажке и протягиваю ее Уэстфорду, чтобы он тоже мог ее подписать. Я хочу разделаться уже с этим и двигаться дальше. Нет смысла пытаться спорить. После того, как бумага подписана и спрятана в моем файле, нас выпроваживают и мне приказано явиться сюда не позднее, чем три часа дня. С

понедельника по пятницу, иначе у меня будут неприятности.

Я думаю, со столькими правилами вокруг, это только вопрос времени, прежде чем я нарушу одно из них.

Глава 20

Киара

Я не видела Карлоса с утра. Вся школа гудела о пятничном нарко-рейде и о том, что же на самом деле случилось с новичком Флатайрон Хай. Я слышала, как кто-то в коридоре говорил, что Карлос провел выходные в тюрьме и не смог внести залог; другие говорили, что его депортировали за нелегальное пребывание в стране. Я молчала о том, что Карлос теперь живет с нами, хоть мне и хотелось сказать остальным заткнуться и не распространять лживые сплетни.

В обед Тук и я сели за наш обычный стол.

— Я не смогу быть твоей мужской моделью в пятницу, — говорит он мне.

— Почему нет?

— Моя мама хочет, чтобы я помог ей с группой, которую она ведет на "приключение" в эти выходные. У них не хватает инструкторов.

— Дамы в доме для престарелых Хайландс будут сильно разочарованы, — говорю я.

Когда я сказала им, что у них будут две живые модели для рисования в классе, они очень обрадовались. Даже после того, как я добавила, что моделями будем я и мой друг Тук, и нет, мы не будем в обнаженном виде, мы будем одеты в костюмы.

— Попроси кого-нибудь еще пойти с тобой.

— Кого?

— О, придумал, — восклицает он. — Попроси Карлоса быть твоим партнером.

Я мотаю головой.

— Ни за что. Он сейчас сильно раздражен тем, что его арестовали в пятницу. Я не думаю, что он в настроении делать одолжения другим людям. Каждый раз, когда он меня подстрекает, я чувствую, как будто буду заикаться.

Тук хихикает.

— Если не можешь найти слов, ты всегда можешь показать ему палец. Парни, как Карлос, хорошо реагируют на жестикуляции.

Как только он это говорит, Карлос заходит в столовую. Все головы поворачиваются в его сторону.

Если бы я была Карлосом, я бы избегала столовой, как минимум месяц. Но я не Карлос. Можно подумать, что он просто не заметил, как все на него пялятся и шепчут друг другу последние сплетни. Он направляется напрямик к столу, за которым он обычно сидит, ни перед кем не извиняясь. Я восхищаюсь его самоуверенностью.

Ни один из парней не обращает на Карлоса никакого внимания, пока Рам не приглашает его сесть рядом с ним. После этого, шоу уродцев подходит к концу. Рам популярный парень, и если он поддерживает Карлоса, это означает, что его арест не делает Карлоса изгоем.

После обеда, заметив Карлоса у шкафчика, я хлопаю его по плечу.

— Спасибо, что сменил обратно мой код.

— Я не сделал это по доброте душевной, — говорит он. — Я сделал это, чтобы меня не выкинули из школы за нарушение.

Когда Карлос пришел сюда неделю назад, ему было не важно, посещал ли он занятия или был исключен. Теперь, когда исключение может стать реальным, он изо всех сил пытается остаться. Интересно, может именно угроза его исключения заставляет его хотеть остаться еще больше.

Глава 21

Карлос

Мистер Кинней, отведенный мне социальный работник, приветствует меня в приемной Кругозор, когда я отмечаюсь. В его офисе он кладет передо мной желтый лист бумаги. Наверху написано мое имя, а под ним начерчены четыре линии.

— Что это? — спрашиваю я. Я уже отписал им свою жизнь, что еще они от меня хотят?

— Это список целей.

— Что?

— Список целей. — Кинней протягивает мне карандаш. — Я хочу, чтобы ты написал четыре цели в твоей жизни. Тебе не обязательно делать это сейчас. Подумай об этом сегодня и принеси мне список завтра.

Я протягиваю бумажку обратно.

— У меня нет целей.

— У всех есть цели, — говорит он мне. — Но если у тебя нет, они должны быть. Цели помогают направлять жизнь, давать ей смысл.

— Ну, даже если они у меня есть, я не собираюсь делиться ими с вами.

— Такое поведение никуда тебя ни приведет, — говорит Кинней.

— Хорошо, потому что я и не собираюсь никуда.

— Почему нет?

— Я просто живу моментом.

— И то, что ты живешь моментом, включает в себя то, как ты попал за решетку за хранение наркотиков?

Я мотаю головой.

— Нет.

— Послушай, Карлос. Каждый ученик в программе Кругозора попадает сюда по причине, — говорит Кинней. Я следую за ним по приторно-белому коридору.

— Какой?

— Саморазрушающее поведение.

— Что заставляет вас думать, что вы сможете меня исправить?

Кинней одаряет меня серьезным взглядом.

— Нашей целью не является исправить тебя, Карлос. Мы предоставим тебе все, для того, чтобы ты смог достичь своего полного потенциала, а остальное за тобой. Девяносто процентов учащихся в нашей программе оканчивают школу без единого нарушения. Мы этим очень гордимся.

— Они оканчивают школу только потому, что вы заставляете их быть там.

— Нет. Веришь или нет, но это является человеческой природой — желание преуспеть. Некоторые из подростков здесь такие же, как и ты. Они связались с бандами, наркотиками и им просто необходима спокойная обстановка после школы. А иногда, только иногда, все это потому, что подростки не имеют достаточно навыков для борьбы со стрессом в этом возрасте. Мы даем им место, где они могут добиться успеха и продолжать работу по достижению новых вершин.

Неудивительно, что Алекс был так рад тому, чтобы я ходил сюда. Он хочет, чтобы я приспособился... закончил школу, пошел в колледж, устроился на уважаемую работу, затем женился и завел детей. Но я не он. Как бы мне хотелось, чтобы все перестали заставлять меня жить мою жизнь также как и Алекс.

Кинней приводит меня в комнату, в которой в удобном кругу сидят шестеро неудачников. С ними сидит женщина, напоминающая мне миссис Уэстфорд, в длинной юбке с тетрадью на коленях.

— Это что, какая-то групповая терапия? — спрашиваю я тихо у Киннея.

— Миссис Бергер, это Карлос, — говорит Кинней. — Он присоединился к программе сегодня утром.

Бергер улыбается той же улыбкой, которой одарил меня Моррисей сегодня утром.

— Садись, Карлос, — говорит она. — В течение групповой терапии ты сможешь говорить обо всем, что придет тебе на ум. Пожалуйста, занимай любое место.

Ой, как клево! Групповая терапия! Не могу дождаться!

Меня серьезно сейчас вырвет.

Когда Кинней уходит, Бергер просит остальных представиться мне, как будто мне не по барабану, как их зовут.

— Я - Джастин, — говорит парень справа от меня.

Волосы Джастина спереди выкрашены в зеленый цвет. И его челка настолько длинная, это выглядит, как будто у него штора перед глазами.

— Привет, чувак, — говорю я. — За что ты тут? Наркота? Стырил безделушки? Или что побольше? Убийство? — спрашиваю я, как будто преступления что-то, что ты можешь заказать в ресторане.

Бергер поднимает вверх руку.

— Карлос, в Кругозоре мы не спрашиваем об этом.

Упс, должно быть я проспал ту часть Лекции.

— Почему нет? — спрашиваю я. — По мне, так говорите, как есть.

— Угон, — выдает Джастин к нашему удивлению. Я думаю, что даже Джастин удивлен тем, что поделился своим маленьким секретом.

После того, как все представляются, я прихожу к выводу, что меня запихнули в Группу из Ада. Слева от меня сидит деваха, которую зовут Зана, и которая одета так, что проходи тут кастинг на телешоу Шлюшки Колорадо, ее бы взяли, не моргнув глазом. Затем идет Куин... я не могу понять, это он или она. Кроме меня, тут еще двое латинов — парень по имени Кено и горяченькая мексиканская *chica*[49] Кармела с шоколадного цвета глазами и медового цвета кожей.

Она напоминает мне мою бывшую, Дестини, за исключением того, что в глазах Кармелы так и светится огонек непослушания, чего у Дестини я никогда не видел.

Бергер опускает ручку и говорит мне:

— Да того, как ты присоединился к нам, Джастин поделился тем, что иногда он бьет кулаками в стену, когда раздражен, ради того, чтобы почувствовать боль. И мы говорили о других способах выплескивания раздражения, которые менее разрушительны.

Не лишено иронии то, что Джастин бьет стену, потому что отчаянно хочет что-то почувствовать, даже если это боль... в моем случае все наоборот. Я делаю все возможное, чтобы ничего не чувствовать. В большинстве случаев моей целью является притупить все чувства.

Хммм, может мне следует записать это в мой список целей. Первая цель Карлоса Фуэнтеса: Онеметь и остаться таковым. Не думаю, что это прокатит, но это правда.

— Как прошел первый день?

Забрав меня в пять тридцать из Кругозора, Алекс привез меня туда, что я могу только назвать, центр Боулдера — место под названием Жемчужный Мол. К огромной радости миссис Уэстфорд мы заглянули в ее магазинчик/кафе ХоспиталиТи, чтобы что-нибудь выпить и посидеть за столиком на открытой террасе. Чай не был тем напитком, о котором думал я, но как обычно, особого выбора у меня не было.

Миссис Уэстфорд ставит перед нами два стаканчика с ее специальным чаем «за счет заведения и только для нас» и возвращается обратно внутрь, чтобы принять заказ от клиента.

Я смотрю на своего брата, сидящего напротив меня в абсолютно расслабленной позе.

— Они там просто группа гребаных неудачников, Алекс, — говорю я ему тихо, чтобы миссис У. не услышала. — Один хуже другого.

— Да ладно тебе, не может быть все настолько там плохо.

— Не говори ничего, пока ты их не увидишь. И они заставили меня подписать тупую бумажку, в которой говорится, что я буду следовать всем их правилам. Помнишь, как в Фейрфилд у нас не было никаких правил, Алекс? После школы были просто ты, я и Луис.

— У нас были правила, — говорит Алекс, поднимая свой напиток. — Мы просто не следовали им. Mi'amá постоянно работала и не успевала следить за нами.

Мы не жили, как короли в Иллинойсе, но у нас точно была семья и друзья... и жизнь.

— Я хочу вернуться обратно.

Он качает головой.

— Там ничего для нас не осталось.

— Элена и Хорхе все еще там с маленьким Джей Джейем. Ты даже не видел мелкого, Алекс. Мои друзья там. Здесь у меня ничего нет.

— Я не говорю, что не хочу вернуться, — говорит мой брат. — Мы просто не можем вернуться сейчас. Это не безопасно.

— С каких это пор ты стал бояться? Чувак, ты изменился. Я помню времена. Когда ты весь мир посылал к чертовой матери и, не раздумывая, делал что хотел.

— Я не боюсь. Мне не безразлично то, что я здесь с Бриттани. Приходит время, когда тебе нужно перестать сражаться с миром. Мое время пришло два года назад. Оглянись вокруг, Карлос. Существуют и другие девушки, помимо Дестини.

— Я не хочу Дестини. Больше не хочу. И если ты говоришь о Киаре, забудь об этом. Я не собираюсь встречаться с девушкой, которая будет контролировать мою жизнь и которой не все равно, если я торгую наркотой или являюсь членом банды. Посмотри на нас, Алекс. Мы сидим в гребаной чайной, рядом с богатенькими белыми людьми, которые не имеют понятия, каково это вне их придуманной реальности, которую они зовут жизнью. Ты стал слабым.

Алекс наклоняется вперед.

— Дай-ка я тебе кое-что скажу, братец. Мне нравится не оглядываться через плечо, каждый раз выходя на улицу. Мне нравится, что у меня есть novia[50], которая думает, что я супермен. И я точно не раскаиваюсь в том, что я кинул наркоту и Кровавых Латино ради шанса прожить жизнь стоящи.

— Ты собираешься обесцветить свою кожу, чтобы выглядеть, как gringo тоже? — спрашиваю я. — Чувак, я надеюсь, что твои дети будут такие же бледные, как Бриттани, и тебе не придется продать их на черном рынке.

Мой брат злится, я вижу по тому, как дергается мышца на его скуле.

— То, что я мексиканец, не означает, что я всю жизнь должен быть бедным, — отвечает он. — И то, что я поступил в колледж, не значит, что я отвернулся от своих людей. Может это ты отворачиваешься от своих, увековечивая стереотип о мексиканцах.

Я издаю стон и откидываю голову назад.

— Увековечивая? Увековечивая? Черт, Алекс, наши люди не знают значения этого слова.

— Да пошел ты, — рычит Алекс. Он со скрипом отодвигает стул и уходит.

— Вот это Алекс, которого я знал! Я понимаю этот язык четко и ясно, — кричу я ему вслед.

Он выкидывает свой стакан в урну и продолжает идти. Я признаю, его походка еще не изменилась и он все еще выглядит так, как будто может надрать зад кому угодно на его пути. Но дайте этому время. Он точно скоро будет выглядеть так, как будто у него палка в заднице.

В скором времени миссис Уэстфорд возвращается к столику, замечая мой не тронутый стакан.

— Тебе не понравился твой чай?

— Да нет, - говорю ей я.

Она замечает пустое место напротив меня.

— Что стало с Алексом?

— Он ушел.

— А, — говорит она, отодвигая стул и садясь рядом со мной. — Хочешь поговорить об этом?

— Неа.

— Хочешь мой совет?

— Неа.

Что ей сказать, что я собираюсь завтра залезть к Нику в шкафчик, чтобы найти подтверждение того, что это он меня подставил? И раз уж я собираюсь это сделать, как насчет того, чтобы заодно не проверить шкафчик Медисон. Раз она так хотела, чтобы мы с Ником познакомились, может она что-то и знает. Я не собираюсь с кем-то делиться своими подозрениями.

— Хорошо. Но если он тебе понадобится, дай мне знать. Подожди-ка здесь. — Она забирает мой стакан с нетронутым чаем и исчезает внутри. Я в шоке. Mi'amá абсолютная противоположность миссис Уэстфорд. Если моя мама хочет дать мне совет, ты можешь быть чертовски уверен в том, что она навяжет тебе его, хочешь ты слушать или нет.

Через минуту миссис Уэстфорд возвращается обратно и ставит передо мной другой стакан с чаем.

— Просто попробуй, — говорит она. — В нем успокаивающие травы, такие, как ромашка, шиповник, бузина, мелисса и сибирский женьшень.

— Я предпочитаю курить траву, — шучу я.

Она не смеется.

— Я знаю, что курение травки не большое дело для некоторых людей, но это незаконно. — Она подвигает стакан ближе ко мне. — Я гарантирую, что это тебя успокоит. — Она поворачивается, чтобы вернуться обратно в магазин, но перед этим добавляет, — И это не принесет тебе неприятности.

Я смотрю вниз на стакан, наполненный светло-зеленой жидкостью. Это не выглядит, как трава, это выглядит, как чай со старого дешевого пакетика. Я гляжу направо, затем налево, удостоверюсь, что никто за мной не наблюдает, когда я подношу стакан к лицу и вдыхаю аромат.

Окей, это не обычный чай с дешевого пакетика. Он пахнет, как фрукты и цветы и что-то еще, что я не могу определить в смеси ароматов. И хоть аромат мне не знаком, от него у меня начинают течь слюнки.

Я поднимаю голову и вижу Тука, идущего в мою сторону. Киара рядом с ним, но ее внимание сосредоточено на парне, в центре Мола, играющем на аккордеоне. Она достает доллар из своей сумки и наклоняется, чтобы положить его в коробку от аккордеона.

Пока она останавливается, чтобы послушать, как играет парень, Тук хватает стул у соседнего столика и садится напротив меня.

— Я бы никогда не принял тебя за любителя чая, — говорит он. — Ты выглядишь больше как ценитель текилы или рома.

— Тебе больше некому надоедать? — спрашиваю я.

— Нет. — Чувак, который по всей видимости не стригся последние девять месяцев, протягивает руку и тыкает в татуировку на моем предплечье. — Что это значит?

Я отталкиваю его руку.

— Это значит, что если ты дотронешься до меня еще раз, я надеру тебе задницу.

Киара стоит сейчас за стулом Тука. И она не выглядит счастливой.

— Кстати, о надирании задницы, как прошел твой первый день в Кругозоре? — спрашивает Тук с улыбкой, которая заставляет меня желать перевернуть его стул.

Киара хватается его за рукав и выдирает его из-за стола. Он падает со стула.

— Киара хочет тебя кое о чем спросить, Карлос.

— Нет. Нет, не хочу, — выдавливает Киара, затем снова его хватается и начинает тянуть его в магазин.

— Да, хочешь. Спроси его, — говорит он прежде, чем они оба скрываются в магазине.

Глава 22

Киара

Я заталкиваю Тука внутрь.

— Прекрати это, — шепчу я.

Мы в задней части магазина, где никто больше не может нас слышать.

— Почему? — спрашивает Тук. — Тебе нужен парень, который будет стоять с тобой перед старичками, а ему нужно чем-то заняться, вместо того, чтобы сидеть дома и считать свои татуировки весь день. Это замечательная идея.

— Вовсе нет.

Моя мама останавливается рядом с нами и обнимает Тука.

— Как дела?

— Я не смогу помочь Киаре с ее классом рисования в пятницу, поэтому она хочет попросить Карлоса занять мое место, — говорит Тук.

Мама расплывается в огромной улыбке.

— О, дорогая, так мило с твоей стороны включить его в круг своей деятельности. И ты такая молодчина. — Она сжимает меня в объятиях. — Разве моя дочь не самая лучшая?

— Точно, Миссис Уэстфорд. Самая лучшая.

Тук такой подлиза в отношении моих родителей.

— Киара, когда вы с Туком закончите тут, отвези Карлоса домой. Он был с Алексом, но я думаю, что они поругались или что-то вроде. Я уеду через час, но мне нужно будет забрать Брендона из дома его друга, а твой отец готовит ужин. О, и когда ты приедешь домой, проследи, чтобы там было для нас что-то съедобное.

Мама делает для нас чай, и мы выходим наружу, обнаруживая Карлоса пьющим то, что я подозреваю, является специальной травяной смесью моей мамы. Ему вроде нравится, но я не могу быть точно уверена, потому что его лицо не выражает никаких эмоций.

— Увидимся завтра, — говорит Тук, поднимая вверх стаканчик с чаем.

— Что ты хотела у меня спросить? — спрашивает Карлос. Его голос звучит раздраженно.

Оденешься в костюм ковбоя в пятницу, чтобы попозировать перед старичками?

— Ничего, — я просто не могу выжать из себя слова.

Моя мама выходит на улицу, чтобы поболтать с покупателями. Я наблюдаю за тем, как она разговаривает с каждым, как будто они ее лучшие друзья. Когда она подходит к нашему столику, она слегка наклоняется, чтобы удостовериться, что мы пьем наш чай.

— Я вижу, тебе понравилось, — говорит она Карлосу. Моя мама ужасно гордится своими чайными смесями, поэтому, когда она предлагает подходящую смесь придиричивому клиенту, это заставляет ее чувствовать, как будто она выиграла в лотерею. — Я так поняла, Киара хочет попросить тебя быть для нее моделью в пятницу в Хайландс. Должно быть весело.

Карлос одаривает меня «о чем, черт возьми, она говорит?» взглядом.

— Хочешь еще чаю? — спрашивает его мама.

— Нет, спасибо.

— Киара отвезет тебя домой. Да, солнышко?

— Ага. Пошли, — говорю я, прежде, чем мама выдаст что-то еще.

Когда мы подходим к машине, Карлос пытается открыть пассажирскую дверь.

— Тебе придется забираться через окно, — говорю я.

— Ты, должно быть, шутишь, так?

Я качаю головой.

— Я не шучу. Это мой следующий проект, после того, как я закончу с радио и часами.

Карлос с легкостью забирается внутрь, первыми проходят ноги, затем и туловище проскальзывает на виниловое сидение. Как бы мне хотелось, чтобы радио или старый кассетный плеер работали, потому что пять минут спустя, я думаю, Карлос начинает нервничать от полной тишины и меня за рулем.

Он ерзает на сидении.

— Что это за дело с моделью?

— Это просто быть моделью для класса рисования в доме престарелых в пятницу вечером. Тебе не обязательно это делать. Я даже не собиралась тебя спрашивать.

— Почему нет?

Мы останавливаемся на знаке стоп, я поворачиваюсь к нему и говорю правду.

— Потому, что ты должен будешь позировать со мной, и я знаю, что ты не согласишься на это.

Глава 23

Карлос

Я понял. Она не хочет позировать с парнем, которого арестовали за хранение наркотиков.

— Я могу привести Медисон, — говорю я ей надменным тоном, который, я знаю, нервирует ее. — Она попозирует со мной. Хотя, она пригласила меня к себе домой в пятницу вечером, так что я не смогу пойти на твою маленькую вечеринку по рисованию.

— Не понимаю, что ты в ней нашел.

— Побольше, чем я нахожу в тебе, — вру я, чтобы оттолкнуть ее. По правде говоря, я ничего не вижу в Медисон. С тех пор, как ее стошнило на вечеринке, я старался ее избегать, но поскольку она в моем списке тех, кто, возможно, меня подставил, мне придется подобраться к ней поближе. Киаре это знать ни к чему. Черт, Киаре не следует знать и о том, что я думал о ней и ее печенье гораздо больше, чем следовало бы.

Когда мы приезжаем к дому, Киара залетает внутрь.

Некоторое время спустя, я спускаюсь на кухню, чтобы что-нибудь перехватить и вижу Киару, режущую овощи. Ей, скорее всего, очень хотелось бы увидеть мою голову на той разделочной доске вместе с морковкой.

— Привет, Карлос, — говорит профессор, заходя. — Как Кругозор?

— Отстой.

— Можешь рассказать поподробнее?

— Полный отстой, — поправляюсь я, каждое мое слово полно сарказма.

— Твой словарный запас изумляет меня, — говорит он. — Сегодня, после ужина, мне понадобится помощь от вас обоих.

— С чем? — спрашиваю я.

— Борьбой с сорняками.

— Разве у вас, богатеньких людей, нет для этого садовников?

Ответ — нет, потому что после ужина Уэстфорд приводит нас на задний двор с большими

бумажными пакетами. Он кидает тряпичные перчатки мне и Киаре.

— Я займусь боковым двором. Киара, ты и Карлос ответственны за заднюю часть.

— Папа! — кричит Брендон с двери во двор. — Карлос обещал поиграть со мной в футбол сегодня.

— Извини, Брен. Карлос сегодня помогает бороться с сорняками, — говорит Уэстфорд мелкому.

— Ты можешь помочь, — говорит ему Киара. И Брендон безмерно рад ей помочь.

Я помню, когда я был младше, и Алекс звал меня на помощь во дворе. Он всегда заставлял меня чувствовать себя нужным.

— Эй, Брендон, я бы тоже не отказался от твоей помощи. А как закончим, я с тобой поиграю.

— Правда? — спрашивает он.

— Ага. Удостоверься, что мешок широко открыт, чтобы, когда я кидал в него траву, она попадала прямоиком внутрь.

Он подбегает мешку и держит его открытым.

— Вот так?

— Ага.

Киара стоит на коленях и рвет траву, кидая ее в собственный мешок. Я не могу представить Медисон на коленях в грязи и за этим занятием. Я также не могу ее представить за рулем винтажной машины, в которой не открывается пассажирская дверь.

— Ты слишком медленно работаешь, — подмечает Брендон. — Держу пари, у Киары в мешке больше травы, чем у тебя. — Мелкий бежит к ее мешку, чтобы проверить его содержимое. — Она побеждает.

— Ненадолго. — Я хватаю пучок травы и вырываю его из земли. Несколько сухих стебельков колют мои пальцы через перчатки, но я не обращаю внимания.

Я смотрю на Киару, которая работает быстрее, чем раньше. Она точно показывает свою конкурирующую сторону.

— Готово! — кричит она, стоя на левой стороне двора и с наглостью стягивая с себя перчатки. Она поднимает Брендона и кружит его в воздухе, пока они оба не валятся, смеясь, на траву.

— Поосторожнее, Киара, — кричу я. — Твоя индивидуальность пробивается наружу.

Пока Брендон не смотрит на нее, она показывает мне средний палец и уходит к своей машине.

Я точно теперь в ее черном списке.

— Теперь мы можем поиграть в футбол? Иди к воротам, — говорит Брендон, указывая на маленькую сетку во дворе. — Не забудь, что если я забью, ты будешь играть со мной в солдатиков.

Я стою на воротах, пока Брендон пытается забить хоть один мяч. Должен признать, что мелкий не слабак. Он весь мокрый от пота и тяжело дышит от напряжения, но он не сдается, хоть это и бесполезно.

— На этот раз я попаду, — говорит он в пятидесятый раз. Он указывает на что-то позади меня. — Смотри, вон там!

— Чувак, это самый старый трюк, — я понимаю его желание надуть меня, но он выбрал не того парня.

— Нет, правда, смотри! — кричит Брендон.

Он звучит правдиво, но я все же не свожу глаз с мяча. Я лучше буду блокировать мяч весь день, чем играть в куклы.

Он пинает мяч, но я снова его блокирую.

— Извини, мужик.

— Брендон, пора в ванную, — кричит миссис Уэстфорд.

— Еще несколько ударов, мам. Пожалуйста.

Она смотрит на часы.

— Еще два и затем в ванную. Я уверена, что Карлосу нужно делать домашнее задание.

После еще двух неудовлетворительных попыток, я говорю Брендону сдать. Он несется в дом. Он достаточно хорошо развит, но интересно, в каком возрасте парни понимают, что не должны везде носиться, как угорелые. По пути наверх, я прохожу столовую. Киара сидит за большим столом, с головой, погруженной в толстые учебники.

Несколько прядей выпали из хвоста, и обрамляют ее лицо. Это заставляет меня думать о том, как она будет выглядеть с распущенными волосами.

Она поднимает голову и сразу же опускает обратно.

— Тебе бы стоило распустить волосы, — говорю я ей. — Может ты бы выглядела больше, как Медисон.

Она снова отвечает мне средним пальцем.

Я смеюсь.

— Будь осторожна, я слышал, что в некоторых странах, каждый раз, когда ты делаешь это, они отрезают палец.

Я жду пару дней, прежде, чем взломать шкафчики Ника и Медисон, благодаря одному из магнитов (без печенья) и маленькой отвертке, которую я позаимствовал из машины Киары. В середине третьего урока, я отпрашиваюсь в туалет, но на самом деле роюсь в шкафчике Медисон. В ее сумке книжки, косметика, и куча записок от Лейси и других девчонок. К моей удаче, она оставила свой сотовый телефон в боковом кармане сумки. Я хватаю телефон и беру его с собой в туалет, где пролистываю ее сообщения, календарь и контакты. Ничего необычного тут, кроме того, что в пятницу она звонила Нику больше, чем я могу посчитать на обеих руках.

Я кладу телефон на место и возвращаюсь в класс.

Остается Ник. Я вижу его в коридорах школы и наблюдаю за его шкафчиком, но у меня нет с ним занятий. Во время перерыва на обед в коридорах слишком много людей, но вот сразу после обеда, я снова нахожу применение магниту и отвертке.

В шкафчике Ника полный кавардак. В его рюкзаке несколько имен, накарябанных на листках бумаги с какими-то кодами. Они, скорее всего, его клиенты или поставщики, но они все записаны этим тупым кодом.

Я и так тут уж слишком долго. Но я чувствую, что близок, как будто Пако или отец заставляют меня копать глубже. Я роюсь в его рюкзаке, надеясь найти его телефон или какое-нибудь другое подтверждение того, что он был связан с моим арестом. Но все, что я нахожу, это кипы бумаг.

Кто-то поднимается по лестнице. Я слышу приближающиеся шаги. Если это директор, у меня неприятности. Если это Ник, мне бы лучше подготовиться к драке. Я быстренько перебираю бумаги, пока... ага, нашел.

Это бумажка без кода. Это имя, которое мне хорошо знакомо... Вес Девлин, наркобарон с глубокими связями в Геррерос дель баррио, и телефонный номер.

Я засовываю ее в карман и захлопываю шкафчик прямо перед тем, как кто-то появляется на лестнице.

Нику стоит быть поосторожней, потому что очень скоро я нанесу ему визит... который он не скоро забудет.

Глава 24

Киара

В среду после школы я мою свою машину на подъездной дорожке, когда Алекс заводит Карлоса домой после Кругозора. Алекс подходит ко мне и поднимает вторую губку.

— Твой отец сказал, что у тебя все еще проблемы с радио даже после того, как я поставил на него пружину.

— Да, я люблю свою машину, но ... Она несовершенно совершенна.

— Можно и так сказать. Звучит, как некоторые люди, которых я знаю. — Алекс заглядывает внутрь. — Машина Бриттани, конечно, быстрая, но в этой штуке еще остался порох в пороховницах. Он садится на одно из сидений. — Я могу привыкнуть к этому. Один из наших клиентов продает Монте Карло 73 года. Я думаю ее купить. Карлос говорил тебе, что он работал в мастерской моего кузена в Чикаго?

— Нет.

— Я удивлен. Карлос постоянно ошивался в мастерской Энрике. Он любит работать над машинами даже больше, чем я.

— Тебе не надо быть где-то еще? — спрашивает Карлос. Он все это время стоял, опираясь на гараж. Я знаю это потому, что, ну, когда Карлос поблизости я могу его чувствовать.

Я специально избегала его с понедельника, что неплохо сложилось для нас обоих.

Когда Алекс уезжает, Карлос подходит ближе.

— Нужна помощь?

Я мотаю головой.

— Ты когда-нибудь собираешься опять начать разговаривать со мной? Черт подери, Киара, хватит молчания. Я предпочитаю слышать от тебя даже твои предложения из двух слов, вместо того, чтобы ты совсем не говорила. Блин, можешь даже палец мне показать.

Я закидываю рюкзак на заднее сидение и завожу двигатель.

— Куда ты едешь? — спрашивает Карлос, становясь на пути моей машины.

Я сигналю.

— Я не собираюсь уходить, — говорит он.

Мой ответ — очередной гудок. Он не такой уж и запугивающий, как гудок других машин, но что есть, то есть.

Он кладет обе руки на капот.

— Двигайся, — говорю я.

Он двигается. Со скоростью пантеры через пассажирское окно Карлос запрыгивает в машину ногами вперед.

— Тебе надо бы починить эту дверь, — говорит он.

Значит, он едет со мной. Я выезжаю на дорогу и направляюсь в сторону Боулдер Каньон. Через открытые окна свежий ветер бьет меня в лицо и заставляет мой хвост летать вокруг.

— Я могу починить дверь, — говорит мне Карлос. Он выставляет руку из окна, позволяя ветру проскальзывать сквозь его пальцы.

Я веду машину по дороге в Боулдер Каньон в полной тишине, впитывая пейзаж. Вы могли бы подумать, что живя столько времени здесь, я стала免疫 к этой красоте, но нет. Я всегда чувствовала странное обаяние и спокойствие гор.

Я паркуюсь у дома; мы с Туком время от времени лазаем в горы отсюда. Я достаю с заднего сидения рюкзак и выхожу из машины.

Карлос высовывает голову из окна.

— Мы на месте, я так понимаю.

Я признаю, я немного наслаждаюсь тем, что говорю:

— Попробуй угадать снова.

Закидывая рюкзак за плечи, я начинаю идти в сторону моста над ручьем Боулдер.

— Эй, chica, — завет он меня.

Я продолжаю идти, направляясь к моему убежищу в горах.

— Carajo![51] — я не поворачиваюсь, но по звукам, что он издает, и по испанским матерщинным словам, я полагаю, что он пытается открыть пассажирскую дверь, чтобы выбраться.

Ему, естественно, это не удастся. И когда он вылезает из окна и шлепается на гравель парковки, я слышу, как он матерится снова.

— Киара, черт подери, подожди!

Я уже у подножия горы, у начала моей обычной тропы.

— Где это мы?

Я указываю на знак и начинаю идти в сторону больших валунов.

Я слышу, как он скользит на гальке, пытаюсь не отставать от меня. Мы уже на тропе, но скоро я отойду от нее, и буду следовать своим личным маршрутом.

— У тебя серьезные проблемы, chica, — ворчит он.

Я продолжаю идти. На полпути я останавливаюсь и достаю бутылку с водой из рюкзака. Сегодня не так уж жарко и я привыкла к высоте, но я видела, как людям становилось плохо от жажды, и это не самое приятное зрелище.

— Вот, — говорю я, протягивая ему бутылку.

— Ты издеваешься? Да ты, скорее всего, яду туда подсыпала.

Я делаю большой глоток и снова предлагаю ему. Он усердно вытирает горлышко краем своей футболки, как будто я вшивая, и только потом пьет.

Когда он возвращает мне бутылку, я еще более усердно вытираю его микробы краем своей футболки. Я думаю, что слышу его смешок. Это, либо он пытается скрыть свое тяжелое дыхание от подъема.

Когда я снова начинаю идти, Карлос кряхтит и пыхтит.

— Это твоя идея о хорошем проведении времени? Потому что это точно не мое.

Я продолжаю уверенно шагать вперед. Каждый раз поскальзываясь, Карлос матерится. Он мог бы сосредоточиться на подъеме и перестал бы соскальзывать, но он продолжает болтать.

— Я не говорил тебе, что меня достает то, что ты больше почти со мной не разговариваешь? Ты как немая, которая не использует язык жестов. Правда, это просто с ума меня сводит. Ты не думаешь, что мне и так достаточно приходится терпеть, то, что меня подставили, и то, что приходится ходить в дурацкий Кругозор?

— Да. — Я подхожу к тому месту, где мне приходится держаться за небольшой камень, чтобы пройти по краю обрыва. Это достаточно безопасно, но даже если бы я сорвалась, падать пришлось бы всего несколько метров на плоскую поверхность.

— Это что, шутка? — спрашивает он, следуя моему примеру, потому что к этому моменту, он, наверное, думает, что у него нет выбора. — Мы куда-то идем или мы просто гуляем без всякой цели, пока я не сорвусь и не разобьюсь насмерть?

Залезая на большущий камень, который скрывает мое место от обычных скалолазов, я останавливаюсь на широкой местности с большим одиноким деревом. Я наткнулась на это место несколько лет назад, когда искала место просто прийти и... подумать. Теперь я часто тут бываю. Я делаю домашку, рисую, слушаю птиц и вдыхаю свежий воздух гор.

Я сажусь на плоский камень, открываю рюкзак и ставлю бутылку с водой рядом со мной. Я достаю учебник по алгебре и принимаюсь за домашнее задание.

— Ты что, занимаешься?

— Ага.

— И что мне прикажешь делать?

Я пожимаю плечами.

— Прогуляйся вокруг.

Он смотрит налево, затем направо.

— Я не вижу ничего, кроме валунов и деревьев.

— Кто бы сомневался.

— Дай мне ключи, — требует он. — Сейчас же.

Я игнорирую его.

Я слышу, как он пыхтит. Он с легкостью может силой отобрать их у меня, просто схватить мой рюкзак и откопать их. Но он этого не делает.

Я смотрю в книгу, решая уравнения и делая пометки в тетради.

Карлос делает глубокий вдох.

— Окей. Я извиняюсь. Perdón.[52] Медисон и я в прошлом, и я с большим удовольствием буду моделью с тобой, чем в компании с ней. Вау, находясь на природе, возродило мою веру в человечество и сделало меня лучше. Ты рада?

Глава 25

Карлос

Я наблюдаю, как Киара закрывает свой учебник, поднимает взгляд на меня и затем тянется к своему рюкзаку. Она кидает мне ключи от своей машины. Я ловлю их одной рукой.

— Ты собираешься остаться здесь?

— Ага, — отвечает она.

— Я сваливаю, — предупреждаю я.

— Ага, давай, — говорит она, отмахиваясь.

Я так и сделаю. Я уж точно не собираюсь ждать, пока она закончит заниматься. Мне жарко, я весь потный и чертовски злой. Я думаю о том, как отомстить, и прежде всего, верну ей машину без капли бензина.

Засовывая ключи в карман, я начинаю спускаться обратно. Несколько раз поскальзываюсь и приземляюсь на пятую точку. Благодаря Киаре у меня завтра утром будет больше, чем один синяк.

Я чувствую мимолетное чувство жалости к этому чуваку — Туку за то, что ему постоянно приходится с ней возиться, но затем решаю, что они заслуживают друг друга. Мои мысли переносятся к Дестини. Если бы она была одна на этой горе, я бы ни за что не выпустил ее из поля зрения. Я бы постарался быть ее рыцарем в блестящих доспехах. Черт, я бы на руках принес ее на эту гору, если бы она того пожелала.

И хоть Киара не моя девушка, и никогда ею не будет, я не могу просто оставить ее. Я знаю, что тут водятся медведи. Что если один из них нападет на нее? Она что, серьезно думала, что я оставлю ее или это просто тест, чтобы проверить насколько я хороший парень?

Ей не везет, потому что я совсем не хороший парень.

Я продолжаю скатываться вниз по горе. Как только я думаю, что нашел тропу, я оказываюсь в тупике или у чертового обрыва.

Я хватаю камень и запускаю его подальше. Затем еще один. И еще. Я слышу, как они отскакивают от камней внизу и это немного облегчает мое раздражение.

Я стягиваю футболку, вытираю пот со лба и засовываю ее в задний карман джинсов.

Я точно больше не в Мексике. Никто из тех, кого я знаю, не забираются в чертовы горы, чтобы заниматься. Вот если бы целью данного похода было накуриться или напиться, я бы это понял.

Я начинаю карабкаться обратно, проклиная свои не подходящие кроссовки, Алекса, mi'amá,

и Киару, и практически всех кого я когда-либо встречал.

— Ты loco, chica, [53] — кричу я, перелезая через камень, скрывающий ее любимое место.— Серьезно, ты считаешь, я следовал сюда за тобой только для того, чтобы ты могла кинуть мне ключи от своей машины, и я бы ушел?

— Я не просила тебя следовать за мной, — говорит она.

— Как будто у меня был выбор.

— Мы сссвободны решать за себя.

— Ага, у меня отобрали свободу в тот момент, как я ступил на тот самолет в Колорадо.

Я сажусь на землю лицом к ней. Киара продолжает делать записи. Мы пришли сюда вместе, и мы уйдем отсюда вместе. Мне это не нравится, но на данный момент я не вижу другого выхода. Несколько раз она поднимает глаза и ловит меня пялящимся на нее. Я собираюсь выбить ее из колеи. Может, если я ее достану, она захочет вернуться.

Но пять минут спустя я понимаю, что моя стратегия не работает.

Время сменить тактику.

— Хочешь замутить?

— С кем? — спрашивает она, не поднимая головы.

— Со мной.

Она поднимает взгляд от книги ровно настолько, чтобы оглядеть меня с ног до головы.

— Нет, спасибо, — говорит она и возвращается к своему занятию.

Она шутит.

Она, должно быть, шутит, так?

— Это из-за того pendejo[54], Тука?

— Нет. Потому что мне не нужны объедки Медисон.

Подождите-ка. Un. Momento.[55] Меня раньше по-всякому называли, но...

— Ты называешь меня объедками?

— Ага. К тому же Тук отлично целуется. Мне бы не хотелось, чтобы ты выработал комплекс после того, как не сможешь с ним сравниться.

У того чувака почти нет губ.

— Хочешь, поспорим?

Я что угодно, но не объедки. После того, как мы переехали в Мексику, и Дестини рассталась со мной, я только и делал, что менял девчонок. Черт, если захочу, я книжку могу написать о том, как целоваться.

Я наклоняюсь к Киаре и получаю небольшое удовлетворение, когда слышу, как сбивается ее дыхание и замечаю, что ее карандаш перестал двигаться. Она не двигается, пока мои губы приближаются к тому месту, чуть ниже правой мочки ее уха. Я протягиваю левую руку и дотрагиваюсь большим пальцем до нежной кожи пониже ее левого уха, пока мои губы практически дотрагиваются ее шеи. Она точно чувствует мое горячее дыхание на ее обнаженной коже.

Она едва заметно наклоняет голову, давая мне больше доступа. Я не уверен, что она даже понимает, что делает это. Я замираю. Она издает еле слышный стон, но я не поддаюсь. Она точно на взводе. Ей это нравится. И она хочет большего. Но я сдерживаюсь... объедки, ага, конечно.

Но проблема в том, что я не готов к тому, как она пахнет. Обычно девчонки пахнут уж слишком сильно цветами или ванилью, но не Киара, от нее исходит легкий сладковатый запах малины, который ужасно меня возбуждает. И пока мой мозг говорит мне, что я флиртую с ней просто, чтобы что-то доказать, мое тело хочет сыграть в «покажи мне свои дерзкие места и я покажу тебе свои».

— Ммможешь ппподвинуться? — говорит она. Она может и пытается скрыть за маской

свою реакцию на мою близость, но ее слова выдают ее. — Я пытаюсь заниматься, а ты закрываешь мне солнце, — шепчет она. Я предполагаю, что она не заикается, когда разговаривает шепотом.

— Мы в тени под деревом, — говорю я, но все же отстраняюсь, потому что мне самому нужно остыть и взять себя в руки.

Я опираюсь спиной на камень, острые края впиваются в мою голую спину. Я сгибаю одну ногу в колене и принимаю расслабленное положение, хоть я и далек от того, чтобы быть расслабленным. Пока я пытаюсь принять удобное положение, Киара все еще сидит под этим чертовым деревом и делает домашку. Она совершенно не потеет и выглядит абсолютно спокойной. И я не знаю, если мне жарко от того, что только что произошло, или не произошло между нами. Или это от дурацкой погоды. Вы могли бы подумать, что я привык к жаре в Мексике, но я родился в Чикаго и провел там большую часть своей жизни. Лето там жаркое и влажное, но оно длится всего несколько месяцев.

Мои внутренности бурлят. Мое сердце колотится, как бешеное и в воздух наполнен энергией, которой не было до того, как я наклонился ближе к ней.

Что происходит? Должно быть, высота ударила мне в голову. Мне нужно сменить тему и быстро, и отвести разговор от чего-либо сексуального.

— Так что за дела с твоим заиканием? — спрашиваю я.

Глава 26

Киара

Мой карандаш мгновенно перестает двигаться. Я пытаюсь сконцентрироваться на уравнениях, но не могу разобрать ни слова на странице. Никто раньше, кроме логопедов, вот так прямо в лоб не спрашивал меня о моем заикании. Я не готова отвечать, особенно, потому что я не знаю, почему я заикаюсь. Это просто кто я есть, какой я родилась, и все такое прочее.

До того, как Карлос спросил о моем заикании, все, о чем я могла думать, это наш почти-поцелуй. Его горячее дыхание обожгло мне кожу и заставило мой желудок делать сальто мортале. Но он просто играл со мной. Я знаю это, и он знает это. Так что неважно насколько сильно мне хотелось повернуть голову и узнать какое ощущение его губы произведут на моих, я не хотела себя опозорить.

Я засовываю все в рюкзак, затем закидываю его себе на спину и начинаю спускаться с горы.

Я иду быстро, надеясь, что он отстанет, пытаюсь концентрировать внимание на спуске, а не задавать больше вопросов. Я сделала огромную ошибку, привезя его сюда. Это было импульсивно и глупо. Хуже всего, я не ожидала, что захочу больше всего на свете его поцеловать прямо перед тем, как он спросит о моем заикании.

Я пересекаю мост через ручей Боулдер и направляюсь к моей машине. Я тянусь к рюкзаку за ключами, но вспоминаю, что они все еще у Карлоса. Я выставляю вперед руку.

Он не дает мне ключи. Вместо этого, он облокачивается на машину.

— Я предлагаю тебе сделку.

— Я не заключаю сделок.

— Все заключают сделки, Киара. Даже умные девочки, которые заикаются.

Не могу поверить, что он снова об этом. Я поворачиваюсь и начинаю идти домой пешком. Карлосу лучше привезти мою машину домой, потому что они заберут ее, если оставить ее на ночь на стоянке.

Я слышу как Карлос выругивается.

— Вернись, — говорит он.

Я продолжаю идти.

Я слышу шорох гравия под шинами моей машины позади меня. Карлос подъезжает ко мне. Он надел обратно свою футболку, это хорошо, потому что он отвлекает меня полуодетый.

— Садись в машину, Киара.

Я продолжаю идти, а он ехать рядом.

— Ты попадешь в аварию, — говорю я.

— Мне пофиг.

Я кидаю на него взгляд.

— А вот мне нет. Я люблю свою машину.

Кто-то сигналил ему позади нас. Он даже бровью не ведет и продолжает медленно ехать рядом со мной. У первого поворота он выезжает вперед и преграждает мне дорогу.

— Не играй со мной, — говорит он. — Если ты сейчас же не сядешь в машину, я сам приду за тобой.

Мы буравим, друг друга глазами, мышца на его скуле немного дергается от напряжения.

— Если сядешь, я вымою твою машину.

— Я только что ее помыла.

— Я всю неделю буду делать работу по дому за тебя.

— Я не... мне нравится работа по дому, — отвечаю я.

— Я позволю твоему брату забить гол и поиграю с ним в его солдатиков.

Каждый день Брендон пытается забить гол в ворота Карлоса, и безрезультатно. Мой маленький брат будет в восторге от победы над Карлосом.

— Хорошо, — говорю я. — Но поведу я.

Он прыгает на пассажирское сиденье, и я занимаю место водителя. Когда я смотрю на него, я не могу не заметить выражение триумфа на его лице.

— Знаешь, в чем твоя проблема?

Я не удивлена, что он не ждет моего ответа, прежде чем продолжает:

— Ты из мух делаешь слонов. Вот, например, поцелуй. Ты, скорее всего, думаешь, что если ты кого-то целуешь, это должно значить что-то грандиозное.

— Я не хожу вокруг, целуя людей ради развлечения, как ты.

— Почему нет? Киара, тебе никто не говорил, что жизнь должна быть веселой?

— Я веселюсь другими способами.

— Ох, я тебя умоляю, — говорит он полным недоверия голосом, — Ты когда-нибудь курила травку?

Я мотаю головой.

— Пробовала Экстази?

Моя верхняя губа искривляется от отвращения.

— Занималась диким сексом на вершине горы? - спрашивает он.

— У тебя перевернутое представление о веселье, Карлос.

Он качает головой.

— Окей, chica. Что ты считаешь весельем? Гуляние по горам? Домашку? Смотреть, как Медисон насмехается над тобой в классе? Я слышал об этом, чтоб ты знала.

Я останавливаю машину на обочине, мои бедные колеса скрипят от резкой остановки.

— То, что ты грубишь... не делает ттттебя... — я практически запинаюсь. Сглатывая, я делаю глубокий вдох. Я надеюсь, что он не видит мою панику и раздражение, пока я захлебываюсь в словах. Я знаю, когда это начинается, но не могу это остановить, — ...крутым.

— А я и не стремлюсь быть крутым, Киара. Видишь ли, ты совсем меня не поняла. Моей целью является быть придурком. — Он одаряет меня огромной, наглой улыбкой.

Я качаю головой от раздражения и вывожу машину обратно на дорогу. Дома я нахожу отца и

Брендона, играющими на заднем дворе.

— Где вы были? — спрашивает папа.

— Киара свозила меня в горы, — говорит Карлос, — так, К?

— Небольшая практика? — спрашивает папа, и объясняет Карлосу: — Мы собирается пойти в поход всей семьей.

— Дик, я не хожу в походы.

— Но он играет в футбол. — Я наклоняю голову и улыбаюсь. — Разве ты только что мне не говорил, что умираешь от желания сыграть с Бренденом?

— Почти забыл, — говорит Карлос уже без наглой улыбки.

— Ох, это замечательно, — говорит папа, хлопая его по спине. — Это много для него значит.

— Брен, ты готов сыграть с Карлосом в футбол?

Мы все смотрим на моего брата, торопящегося поставить ворота.

— Клево! Карлос, сегодня я забью в твои ворота.

— И не надейся, muchacho.[56] — Карлос пинает мяч и начинает подпинывать его коленом, сначала одним, потом вторым, как какой-то футболист профи. Не важно, что он раньше говорил, он точно много играл.

— Я практиковался с папой, — кричит Брендон, — я точно готов.

Практиковался или нет, у моего братишки нет ни единого шанса против Карлоса, пока он нарочно не позволит ему выиграть. Я не могу дождаться, чтобы увидеть триумф на лице Брендона, когда он забьет гол в ворота Карлоса. Я сажусь на веранде и наблюдаю, как они разминаются.

Тебе не надо делать домашку, или что-нибудь еще? — спрашивает Карлос.

Я мотаю головой.

Он пытается выиграть эту маленькую игру со мной.

— Я думаю, что вижу траву, что ты пропустила в прошлый раз, — говорит он.

— Киара, иди поиграй с нами! — кричит Брендон.

— Она занята, — говорит ему Карлос.

Брендон смотрит на меня, не понимая.

— Она просто сидит там и смотрит на нас. Чем она занята?

Карлос держит мяч подмышкой.

— Я просто посмотрю, — говорю я.

— Давай, — говорит Брендон, подбегая ко мне. Он берет меня за руку и тянет до тех пор, пока я не поднимаюсь. — Поиграй с нами.

— Может она не знает, как играть?

— Конечно, знает, дай ей мяч.

Карлос пинает мне мяч в воздухе. Я ловлю его на колено, веду и возвращаю ему ударом головы. Парень выглядит ошарашенным. И впечатленным. В такой редкий момент, я смахиваю невидимую пыль со своего плеча.

— Сюрприз, сюрприз, Киара знает как вести мяч, — говорит Карлос, становясь на воротах.

— Ты скрывала это от меня, давай-ка проверим, если ты сможешь провести его мимо меня.

Когда я получаю мяч обратно, я пасую его Брендону. Он пасует обратно, я пинаю его в сторону ворот.

Окей, я не удивлена, что Карлос перехватил мяч почти безо всякого труда. Но теперь он смахивает невидимую пыль со своего плеча, и я сожалею, что не забила гол.

— Хочешь второй шанс? — спрашивает он.

— Может как-нибудь в другой раз, — отвечаю я. Я не уверена, говорю ли я о почти-поцелуе или о футболе.

Карлос поднимает брови, и я думаю, что он понимает, что мои слова имеют двойное значение. — Буду ждать.

— Теперь моя очередь! — выкрикивает Брендон.

Карлос становится у ворот и наклоняется, сосредоточившись.

— У тебя три попытки, но посмотри правде в глаза, Брендон, ты недостаточно хорош.

В тот же миг, кончик языка моего брата появляется в уголке его рта. Он переполнен духом соревнования. Я уверена, что когда он подрастет, он заставит Карлоса попотеть.

Мой брат опускает мяч и делает пять шагов назад, считая каждый. Он приседает, как гольфер, выравнивающий свой удар. Позволит ли ему Карлос победить? Я не вижу ни одного сигнала от него о том, что наша договоренность все еще в силе, и он выглядит полным решимости остановить пас моего брата.

— Сдавайся, cachorro. Тебе не забить в мои ворота, и после этого, ты будешь называть меня Всемогуший Голкипер, единственный и неповторимый... Карлос Фуэнтес!

Его дразнилка прибавляет моему брату еще больше решимости; его губы — тонкая линия и руки сжаты в кулаки. Он пинает мяч со всей силы шестилетнего, даже хрюкает, когда его нога соприкасается с мячом. Он летит по воздуху.

Карлос подпрыгивает, чтобы его поймать ...

И не достает. Даже лучше, Карлос падает и перекатывается на спину, приземляясь на землю.

Я никогда не видела более триумфального выражения лица у моего брата.

— Я сделал это! — кричит он. — Я сделал это! Даже с первой попытки! — Он подбегает ко мне и дает мне пять, затем запрыгивает на спину Карлосу. — Я сделал это! Я сделал это!

Карлос кряхтит.

— Ты никогда не слышал о жестоком победителе?

— Нет, — Брендон наклоняется к уху Карлоса. — Это означает, что сегодня ты будешь играть со мной в солдатиков.

— Может рематч? — спрашивает Карлос. — Два из трех? Или три из пяти?

— Ну, нет, Хосе.

— Меня зовут Карлос, а не Хосе, — говорит Карлос, но Брендон не слушает. Он уже несетя к дому, чтобы рассказать моим родителям, что он побил Карлоса.

Карлос все еще на земле, когда я приседаю рядом.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он.

— Сказать спасибо.

— За что?

— За то, что выполнил свою часть сделки, позволив Брендону выиграть. По большей части ты неплохо справляешься со своей целью — быть придурком, но у тебя есть потенциал.

— К чему?

Я пожимаю плечами.

— Стать нормальным человеком.

Глава 27

Карлос

После ужина я откапываю сотовый и звоню Луису и mi'amá.

— Te estás ocupando de Mamá?[57] — спрашиваю я своего младшего брата.

— Sí. Я забочусь о ней.

Громкий стук в дверь напоминает мне, что я проиграл сегодня в футбол.

— Время солдатиков, Карлос! — раздается голос Брендона через дверь.

— Quién es ése?[58]

— Мальчишка, что живет здесь. Он мне тебя иногда напоминает.

— Так хорош, да? — говорит Лукас, смеясь. — Как Алекс?

— Алекс es buena gente.[59] У него все по-старому.

— Ма сказала, что ты попал в неприятности.

— Sí. Но все будет в порядке.

— Я надеюсь. Потому что она копит, чтобы приехать к вам зимой. Если я буду хорошо себя вести, она сказала я смогу приехать тоже. Podemos volver a ser familia,[60] Carlos. Разве это было бы не замечательно?

Да, было бы прекрасно, если бы мы снова стали семьей. Полная семья для Луиса это нас четверо — я, мама, Алекс и Луис. Наш отец умер, перед тем как Луис начал говорить. Я никогда не хочу иметь детей, потому что не хочу оставить жену, которая будет из кожи вон лезть, пытаюсь накормить их или заставить моих детей думать, что у них без меня полноценная семья.

Бам. Бам. Бам. Бам. Бам.

— Ты там? — снова кричит Брендон, на этот раз его голос звучит из под двери. Я даже вижу его губы через расщелину между ковром и дверью. Мне следует открыть дверь без предупреждения и посмотреть, как маленький дьяволенок выкрутится из этого.

— Будет замечательно, если ты и Mamá приедете сюда. Déjame hablar con Mamá.[61]

— Ее нет дома. Está trabajando — она на работе.

Мое сердце сжимается. Я не хочу, чтобы она работала, как рабыня за гроши. Когда я был в Мексике, я приносил деньги домой. Теперь я в школе, а она впахивает, как вол. Это плохо.

— Скажи ей, что я звонил. Que no se te olvide![62] — говорю я, зная, что мой брат заиграется со своими друзьями, и забудет, что я вообще звонил.

— Я не забуду, обещаю.

Я кладу трубку, как раз как Брендон снова стучит в дверь.

— Прекрати стучать, у меня от тебя голова болит, — говорю я, открывая дверь.

Брендон подпрыгивает с пола быстрее, чем я когда-либо видел. И если учитывать его пошатывание, у него потемнело в глазах. Хорошо.

— Брендон, — зовет Уэстфорд, проходя мимо. — Я говорил тебе не надоедать Карлосу. Почему ты не читаешь в своей комнате?

— Я не надоедал Карлосу, — говорит он невинно. — Он сказал, что поиграет со мной в солдатиков. Так ведь, Карлос?

Он смотрит на меня умоляющим взглядом своих зеленых глаз.

— Так, — говорю я Уэстфорду. — Пять минут солдатиков, и с меня хватит играть в большого брата.

— Десять минут, — выкрикивает Брендон.

— Три, — отвечаю я. Двое тоже могут играть в эту игру.

— Нет, нет, нет. Пять достаточно.

В его комнате он втискивает фигурку мне в руку.

— Вот!

— Парень, не хочу тебя огорчать, но я обычно не играю в куклы.

Он выглядит обиженным и громко пыхтит.

— Солдатик не кукла. Он морской пехотинец, как мой папа. — Брендон достает миниатюрных пластиковых солдатиков из коробки и расставляет их по комнате. Можно подумать, что он просто захламляет комнату, но у меня такое чувство, что в его сумасшествии есть какой-то метод. — У тебя были солдатики, когда ты был маленьким?

Я мотаю головой. Я не помню, чтобы у меня было много игрушек... мы, по большей части, играли с палочками, камешками и футбольным мячом. Иногда Алекс залазил в шкаф к моей

маме, и мы придумывали сумасшедшие игры с камнями в ее колготках. Несколько раз мы отрезали у колготок ноги и делали рогатки. В другое время, мы наполняли их шариками с водой и мутузили друг друга. За эти проделки Алекс и я не раз получали от мамы синяки на задницах, но это было не важно. Игра стоила наказания.

— Ну, — говорит мелкий, напуская на себя серьезный вид. — Кобры — плохие ребята, которые хотят захватить мир. Солдатам Джо необходимо поймать их. Понял?

— Ага, давай уже покончим с этим.

Брендон поднимает вверх руки.

— Подожди, подожди, подожди. Ты не можешь быть солдатом без кодового имени. Какое кодовое имя ты хочешь? Мое - Гонщик.

— Я буду Герреро.

Он наклоняет голову на бок. Что это значит?

— Воин.

Он кивает в знак поощрения.

— Окей, Герреро, наша миссия — поймать доктора Моргуна. — Брендон смотрит на меня большими круглыми глазами. — Доктор Моргун — самый плохой из всех крутых парней на земле. Хуже даже Командера Кобры.

— Можем мы сменить имя на что-нибудь пострашнее? Извини, но доктор Моргун совсем не звучит круто.

— О, нет. Ты не можешь сменить его имя. Ни за что.

— Почему нет?

— Мне нравится имя. Доктор Моргун постоянно моргает.

Я не могу не забавляться этим парнишкой.

— Ладно. Так что этот Доктор М сделал такого плохого?

— Доктор Моргун, а не Доктор М, — поправляет меня Брендон.

— Не важно, — я поднимаю солдатику Джо и говорю пластиковому чуваку: — Ну что, ты готов надрать зад доктору М? — Я поворачиваюсь к Брендону. — Джо говорит, что готов.

Брендон подбирается, как будто он на секретном задании.

— Следуй за мной, — говорит он и ползет через комнату. — Давай же! — шепчет он громко, когда замечает, что я не следую за ним.

Я ползу за ним, притворяясь, что мне шесть и у меня достаточно терпения, чтобы играть в эту игру.

Брендон подставляет ладошку к моему уху и шепчет:

— Я думаю, что доктор Моргун прячется в шкафу. Зови подкрепление.

Я смотрю на пластиковые фигурки солдат, разбросанные по комнате, и говорю:

— Войска, окружить шкаф.

— Ты не можешь быть солдатиком Джо и разговаривать своим голосом. Тебе надо звучать как морской пехотинец, — говорит Брендон, однозначно не впечатленный моими актерскими способностями в игре.

— Не приставай, а то уйду, — говорю я.

— Окей, окей. Не уходи. Можешь быть солдатиком Джо со своим голосом.

Брендон и я окружаем солдатами шкаф. И раз уж я застрял тут за этой игрой, можно и огонька сюда добавить, думаю я.

— Джо тут говорит мне, что у него есть информация о докторе Моргуне.

— Что за информация? — спрашивает Брендон, идеальный игрок.

Но теперь мне надо срочно что-то придумать.

— У доктора Моргуна новое оружие. Если он моргнет на тебя — ты труп. Так что не смотри

ему в глаза.

— Окей! — говорит оживленно Брендон, напоминая мне моего младшего брата, Луиса.

Мысли о Луисе заставляют меня думать о маме и о том, как редко она улыбалась за прошедшие несколько лет. Сколько бы я ни бунтовал, я сделал бы что угодно, чтобы заставить ее снова улыбаться.

Глава 28

Киара

Из дверного проема я наблюдаю за тем, как Карлос и мой брат играют в солдатиков. Карлос выстроил туннель из футболок Брендона, развешенных на веревке. Один ее край привязан к оконной ручке, откуда она тянется через всю комнату Брендона и заканчивается у шкафа, к которому привязан второй край.

Глядя на его расслабленное выражению лица, я бы поспорила, что Карлос получает от игры не меньше удовольствия, чем Брендон.

Моя мама дотрагивается до моего плеча.

— Ты в порядке? — говорит она еле слышно?

Я киваю.

— Я волнуюсь за тебя.

— Все нормально. — Мои мысли возвращаются к сегодняшнему вечеру, к игре во дворе с Брендонем и Карлосом. Признаюсь, мне тоже было весело. Я крепко ее обнимаю. — Даже лучше, чем нормально.

— Похоже, что они неплохо проводят время, — кивая в сторону поля боя в комнате моего брата. — Ты думаешь, Карлос привыкает к идее о том, чтобы жить здесь?

— Может быть.

— Пять минут закончились давным-давно, — слышу я голос Карлоса.

Моя мама заходит в комнату и поднимает Брендона, прерывая то, что точно styló бы попыткой брата применить свою тактику переговоров.

— Время отправляться в кровать, Брен. Завтра в школу.

Подоткнув его одеяло, мама спрашивает:

— Ты почистил зубы, не так ли?

— Ага, — говорит брат, кивая. Но я замечаю, что его рот крепко сжат во время кивка. Спорю, что он привирает.

— Спокойной ночи, Гонщик.

— Спокойной ночи, Герреро. Киара, раз Карлос не хочет рассказать мне сказку, может ты мне споешь? Или сыграешь со мной в буквы? Пожалуйста, — молит меня Брендон.

— Что ты предпочитаешь? — спрашиваю я.

— Игру в буквы.

Братик садится в кровати спиной ко мне и задирает вверх футболку.

Я играю с ним в эту игру с тех пор, как ему исполнилось три. Я пальцем рисую буквы на его спине, а он их угадывает.

— А, — говорит он гордо.

Я рисую еще одну.

— Х!

И еще одну.

— Б ... нет, В! Я прав?

— Да, — отвечаю я, затем добавляю: — Окей, еще одну и спать.

— З!

— Угадал. — Я целую его в макушку и поправляю одеяло в последний раз.

— Люблю тебя, — говорю я.

— Я тоже тебя люблю. Киара?

— Да?

— Скажи Карлосу, что я его тоже люблю. Я забыл ему сказать.

— Обязательно. А теперь спи.

В коридоре Карлос стоит, облокотившись на стену. Моя мама куда-то исчезла, скорее всего в комнате смотрит телевизор с моим отцом.

— Я слышал, что он сказал, так что нет необходимости ничего передавать, — говорит Карлос. Его обычно нахальное поведение испарилось. Он выглядит немного уязвимо, как будто то, что он услышал, как Брендон сказал, что любит его, сломало в нем какой-то эмоциональный барьер, возведенный ранее. Он показывает капельку настоящего Карлоса.

— Хорошо, — смотрю на свои ноги, потому что, честно, я не могу смотреть ему в глаза. Они завораживают и его взгляд сейчас слишком интенсивен. — Спасибо еще раз, ну, за то, что поиграл с моим братом. Ты ему очень нравишься.

— Это потому, что он на самом деле меня не знает.

Глава 29

Карлос

До начала занятий я забираюсь под скамейки для зрителей на футбольном поле, чтобы найти Ника. И, как я и ожидал, он курит косяк.

Сначала на его лице отражается паника, но секунду спустя он маскирует ее улыбкой.

— Эй, привет, чувак, как оно? Я слышал, тебя замели на прошлой неделе. Стремно. — Он протягивает мне косяк. — Хочешь затянуться?

Я хватаю его за шиворот и прижимаю к металлической балке.

— Почему ты меня подставил?

— Ты сумасшедший! Я не знаю, о чем ты говоришь, — отвечает он. — Зачем мне тебя подставлять?

Я бью его в челюсть, и он падает на землю.

— Теперь вспомнил?

— О, черт, — выкрикивает Ник, пока я стою над ним. Я буду выбивать из него пыль до тех пор, пока он не выдаст мне все, что знает. Если он как-то связан с Геррерос дель баррио и Весом Делвином, Киара и Уэстфорды могут быть в опасности из-за того, что я живу с ними. Я не могу этого допустить.

Я снова хватаю его за шиворот и поднимаю.

— Говори, зачем ты подкинул наркоту в мой шкафчик. И советую сделать это побыстрее, мое настроение было подпорчено с тех пор, как на меня надели наручники.

Он поднимает руки в знак того, что он не будет больше сопротивляться.

— Я пешка, Карлос, такая же, как ты. Мой поставщик, этот чувак, Делвин, сказал мне подкинуть наркотики. Я не знаю почему. У него была пушка. Он дал мне банку и сказал засунуть ее тебе в рюкзак, или я пожалею. Я не знаю почему. Я клянусь, это не было моей идеей.

Остается найти того, чья это была идея. Но проблема в том, теперь мне придется связаться с этим Делвином и держать ухо востро.

— Карлос, твоя очередь поделиться с нами.

Все глаза в Кругозоре направлены на меня. Бергер ждет, что я выверну тут мою душу перед всеми. Разве не достаточно того, что мне приходится слушать о дурацких проблемах остальных, как, например, отец Джастина постоянно говорит ему, что он идиот, и что Кено герой, потому что

все его друзья пили на выходных пиво, а он не поддался соблазну.

Что. За. Куча. Дерьма!

Миссис Бергер смотрит на меня поверх своих очков.

— Карлос?

— Да?

— Не хочешь поделиться тем, что произошло с тобой за прошедшую неделю, что оказало на тебя какое-то влияние?

— Не особо.

Зана фыркает, изгибая свои накрашенные губы.

— Карлос думает, что он слишком крут, чтобы поделиться с нами.

— Да, — встревает Кармела. — Почему ты думаешь, что лучше нас, а?

Кено одаряет меня пристальным взглядом, точно пытаюсь запугать меня. Интересно, знает ли он что-нибудь о Делвине.

Предельно ясно, что сейчас мне нечего ждать поддержки от Мексиканской Силы, поэтому я смотрю на Джастина.

— Делай что хочешь, — Джастин, парень с зелеными волосами говорит мне. — Только меня не впутывай.

И что это должно значить?

Квин смотрит в пол.

Бергер наклоняется вперед.

— Карлос, прошла неделя, а ты все еще ничего нам не сказал. Каждый в этой группе поделился частью себя с тобой. Почему бы тебе не открыть хотя бы маленькую часть тебя, чтобы остальные почувствовали с тобой хоть какую-то связь.

Она на самом деле считает, что я хочу быть связан с этими людьми. Она что сбрендила?

— Скажи уже что-нибудь, — торопит Зана.

— Ага, — соглашается Кено.

Бергер смотрит на меня этим жалостливым мы-здесь-для-тебя взглядом.

— Наша группа держится вместе, когда все делятся частью себя. Представь то, что ты скажешь клеем, который делает нас чем-то единым, где все помогают друг другу и никого не оставляют позади.

Она хочет клея, я дам ей клея. Я не собираюсь рассказывать им о Нике или Делвине, но есть кое-то еще, что я не могу выкинуть из головы. Я поднимаю руки в знак капитуляции.

— Ладно. Я почти поцеловал девчонку, Киару, в среду. Это случилось на вершине горы, на которую она заставила меня забраться. — Я качаю головой, разочарованный от одной мысли об этом. Проблема в том, что за прошедшие два дня я не переставал думать о том, каким бы мог быть этот поцелуй.

Кено наклоняется вперед на стуле.

— Она тебе нравится?

— Нет.

— Тогда зачем ты почти ее поцеловал? — спрашивает Зана.

Я пожимаю плечами.

— Чтобы что-то доказать. — Они все молчат и смотрят на меня.

— И что ты хотел доказать? — спрашивает Бергер.

— Что я целуюсь лучше, чем ее парень.

Джастин закрывает рукой свой, открытый от удивления, рот. Если это он считает чем-то скандальным, я могу посчитать, скольких девчонок он целовал меньше, чем на одной руке.

— Она ответила на поцелуй? — спрашивает Кармела.

Кено поднимает брови.

— Она мексиканка?

— Мы не поцеловались, мы почти поцеловались, и это не было таким уж большим делом.

— Она тебе нравится, — говорит Зана. И когда я хмыкаю, добавляет: — Ох, я тебя прошу. Люди говорят "это не было большим делом", когда это большое дело для них.

— Какая разница, Зана? — встревает Джастин. — Он в итоге не поцеловал ее, и у нее есть парень. Нравится она ему или нет, она занята.

— Карлос, тебе следует поработать над собой, прежде, чем ты сможешь быть с кем-то в нормальных отношениях, — говорит Зана, как какой-то эксперт.

Ага, ну и плевать. Мне не нравится Киара. И последнее, что я хочу, это нормальные отношения... и я вообще не уверен, что они существуют.

Я отклоняюсь назад и скрещиваю руки на груди.

— Чтоб вы знали, Миссис Б, я сказал все, что хотел.

Бергер кивает.

— Спасибо, что поделился с нами, Карлос. Мы ценим твоё желание показать нам часть своей персональной жизни. Веришь или нет, наша группа стала более сплоченной благодаря тебе.

Я бы показал одним пальцем, что я думаю о ее теории, но, скорее всего, это будет нарушением их дурацких правил.

Я мучаюсь все оставшееся время с группой этих неудачников, и, я могу поклясться, они ведут себя, как будто мы все тут друзья теперь. В конце дня, когда я выхожу из здания, Алекс ждет меня снаружи в машине Бриттани.

Когда мы останавливаемся на светофоре, я вижу пару, идущую впереди нас и держащуюся за руки. Я никогда не видел Тука и Киару держащихся за руки, может один из них боится микробов.

— Бойфренд Киары полный *pendejo*, — выдаю я. — Эта парочка смотрится просто смешно вместе.

Алекс качает головой.

— Что? — спрашиваю я.

— Не связывайся с ней.

— И не собираюсь.

Он смеется.

— Это именно то, что я сказал Пако, когда он предупреждал меня о Бриттани.

— Давай договоримся кое о чем раз и навсегда. Я не ты. И никогда тобой не буду. И если я говорю, что между мной и Киарой ничего нет, значит так и есть.

— Ладно.

— Кроме того, она по большей части просто меня раздражает.

Алекс отвечает очередным смешком.

Когда мы приезжаем к Уэстфордам, никого нет дома. Машина Киары стоит на подъездной дорожке с открытым пассажирским окном, как обычно.

— Ей надо ее починить, — говорю я Алексу, подходя ближе. Я думаю, мы оба не можем не думать о том, какой была бы эта машина, когда работа над ней будет закончена. — Пассажирская дверь не открывается.

Алекс тянет за ручку, проверяя ее.

— Тебе следует снять ее и посмотреть, если тебе удастся ее исправить.

Я пожимаю плечами.

— Может быть.

— Доделанная или нет, это отличная тачка.

— Я знаю. Я водил ее.

Я засовываю голову в окно и забираюсь внутрь.

— Что, если я скажу тебе, что купил такую же? — спрашивает Алекс.

— Правда? У тебя наконец-то появилась своя машина?

— Ага. Но над ней надо поработать, поэтому она будет стоять в мастерской до тех пор, пока я не смогу починить двигатель.

— Кстати, о двигателях, мне кажется, этот немного тянет, — говорю я ему, открывая бампер машины Киары.

— Ты уверен, что нам позволено это делать? — спрашивает он.

— Ей все равно, — отвечаю я, и затем надеюсь, что это правда.

Пока мы изучаем двигатель и разговариваем о машинах, я решаю поделиться с братом тем, что я откопал.

— Я думаю, что это Делвин, кто подставил меня с наркотой.

Алекс поднимает голову так быстро, что бьется затылком о крышку бампера.

— Делвин? Вес Делвин?

Я киваю.

— Почему Делвин?

Он потирает рукой глаза, как будто не может поверить, как я повяз в этом.

— Он вербует членов банд отовсюду, превращает их в гибридов вне зависимости от того, кому они принадлежат. Как, черт подери, ты позволил этому случиться?

— Я не позволял ничему случаться. Это просто случилось.

Мой брат смотрит мне прямо в глаза.

— Ты врал мне Карлос? Ты что, связывался с Геррерос в Мексике и планировал эту сделку с наркотой заранее? Потому что Делвин не играет в игрушки. Черт, у него даже были связи с Кровавыми Латино в Чикаго.

— Ты думаешь, я этого не знаю?

Я достаю номер, который я нашел в шкафчике Ника и протягиваю его Алексу.

— Я собираюсь ему позвонить.

Он бросает один взгляд на номер и качает головой.

— Не звони.

— Я должен. Мне нужно выяснить, что ему нужно.

Алекс издает короткий смешок.

— Он хочет владеть тобой, Карлос. Геррерос точно сказали ему о тебе.

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Я его не боюсь.

Мой брат ушел из Кровавых Латино, и его чуть не убили. Он знает, что это такое, иди против верхушки в банде.

— Не смей ничего делать без меня, Карлос. Мы братья. Я всегда, в любой драке буду стоять с тобой плечом к плечу, не задавая вопросов.

Вот именно этого я и боюсь.

Глава 30

Киара

После школы Тук и я решаем пробежаться до тренировки Тука по Ультимейт Фрисби.

Первые полмили мы разговаривали, но с тех пор бежали в полном молчании. Единственный звук вокруг нас это удары подошв наших кроссовок по асфальту. Жара еще не совсем спала, но сегодня было немного прохладней.

Мне нравится бегать с Туком. Это спорт для одиночек, поэтому то, что у меня есть компания, делает это намного веселей.

— Как тот мексиканец? — спрашивает Тук, его голос отдается эхом от горного склона.

— Не называй его так, — говорю я. — Это расизм.

— Киара, каким образом то, что я называю его мексиканцем, считается расизмом? Он и есть мексиканец.

— Это то, как ты это сказал, а не как ты его назвал.

— Теперь ты звучишь, как твой отец, вся такая чувствительная.

— Что плохого в том, чтобы быть чувствительной? Что, если Карлос назвал бы тебя Парень-Гей?

— Я бы точно не обвинил его в расизме, — отвечает Тук.

— Ответь на вопрос.

Тук хихикает.

— Так он что, называл меня Парень-Гей?

— Нет. Он думает, что мы вместе.

— Поспорю, что он не знает ни одного гомосексуалиста. У этого парня щит из тестостерона высотой в милю.

Я останавливаюсь, когда мы достигаем начала беговой дорожки в парке Каньон.

— Ты так и не ответил на вопрос, — говорю я, пытаюсь восстановить дыхание. Я привыкла бегать, но сегодня мое сердце бьется быстрее, и я с чего-то волнуюсь без причины.

Тук поднимает вверх руки.

— Мне все равно, если он назовет меня геем, потому что я гей. Он - мексиканец, так в чем проблема, если я буду звать его мексиканцем?

— Нет проблем, просто мне не по себе от того, как ты сказал Тот Мексиканец.

Тук сужает глаза, и смотрит на меня. Его лицо искривляется, как будто он пытается понять мои мотивы.

— О Боже мой.

— Что?

— Тебе нравится Тот Мексиканец. Мне следовало догадаться. Вот почему ты снова начала заикаться... это из-за него!

Я закатываю глаза и фыркаю.

— Он мне не нравится.

Я начинаю бежать вниз по дорожке, игнорируя теорию Тука.

— Не могу поверить, что он тебе нравится, — говорит Тук припеваючи, тыкая меня пальцем в ребра.

Я бегу быстрее.

— Помедленнее, — я слышу тяжелое дыхание Тука позади меня. — Окей, окей. Я не буду называть его Тот Мексиканец и говорить, что он тебе нравится.

Я сбавляю темп и жду, пока он меня догоняет.

— Он думает, что ты и я встречаемся, и меня это устраивает. Не давай ему знать ничего другого, окей?

— Если ты так хочешь.

— Да.

На верхушке горы мы останавливаемся и наслаждаемся видом Боулдера, затем бежим обратно домой.

Алекс и Карлос стоят на подъездной дорожке у моей машины.

Карлос бросает на нас один взгляд и откидывает голову назад.

— Вы даже одеваетесь одинаково. Меня сейчас стошнит. — Он указывает на нас. — Видишь, Алекс. Кроме всего прочего, мне еще приходится смотреть на это: белокожих в одинаковой одежде.

— Мы не одинаково одеты, — говорит Тук, защищаясь. Он пожимает плечами, когда смотрит на мою футболку и понимает правду. — Окей, он прав, так и есть.

Я не заметила. Тук тоже. Мы оба одеты в черные футболки с крупными белыми буквами, складывающимися в слова: "НЕ СДАВАЙСЯ, ЗАБИРАЙСЯ на 14!" Мы оба купили по одной, когда ходили в поход на вершину горы Принсетон в прошлом году. До Принсетона мы никогда не забирались на одну их «четырнадцатников», ходовое название для гор в Колорадо, которые превышают четырнадцать тысяч фит. [63]

Карлос смотрит на меня.

— Что вы делаете с моей машиной? — спрашиваю я, меняя тему.

Он смотрит на Алекса.

— Мы просто смотрели, — отвечает Алекс. — Так ведь, Карлос?

Карлос отходит от моей Монте Карло.

— Ага, да.

Он почти выглядит стыдливо, прочищая горло и засовывая руки в карманы джинсов.

— Мама просила отвезти тебя в магазин за продуктами. Дай-ка мне взять ключи и потом, если хочешь, мы съездим.

Пока я направляюсь в свою комнату, я думаю о том, что мне не следовало, наверное, оставлять Карлоса и Тука вместе. Эти двое особо не ладят. Я хватаю свою сумку с кровати и готовлюсь бежать обратно вниз, но Карлос стоит в дверном проеме.

Он проводит рукой по волосам и вздыхает.

— Все в порядке? — спрашиваю я и делаю шаг ближе.

— Да, но можем мы поехать одни? Ты и я, без Тука.

Он переносит вес с одной ноги на другую, как будто волнуется.

— Хорошо.

Он не двигается. Он выглядит так, как будто хочет сказать что-то еще, поэтому я остаюсь стоять на месте.

Чем дольше мы стоим и смотрим друг на друга, тем больше я начинаю нервничать. Не то, чтобы Карлос меня пугал; просто когда он рядом, воздух кажется наэлектризованным. Он выглядит уязвленным, что позволяет мне видеть еще чуточку настоящего Карлоса, без его защитной стены.

В среду на горе я сдерживалась изо всех сил, когда он грозился меня поцеловать, и теперь, даже при том, что Алекс и Тук снаружи, я чувствую непреодолимое влечение к Карлосу, какого я никогда раньше не испытывала.

— Ты собираешься переодеться? — спрашивает он, смотря на мою футболку с мокрыми пятнами от пота с пробежки. — Эта футболка должна испариться.

— Ты слишком заикливаешься на том, кто как выглядит.

— Это лучше, чем совсем не обращать на это внимание.

Я закидываю сумку себе на плечо и показываю ему, чтобы он шагнул вперед из дверного проема.

Он отодвигается.

— Кстати о внешности, ты когда-нибудь снимаешь эту резинку с головы?

— Нет.

— Потому что это выглядит как собачий хвост.

— Ну и хорошо.

Когда я прохожу мимо него, я мотаю головой, пытаюсь ударить его хвостом. Он ловит его прямо перед своим лицом. И вместо того, чтобы отпустить, он запускает в него пальцы. Я смотрю на него и вижу, что он улыбается.

— Что?

— Твои волосы мягкие, я этого не ожидал.

От того факта, что он вообще думал о том, какими мои волосы будут в его руках, перехватывает дыхание. Я с трудом сглатываю, когда он протягивает руку и снова пропускает мои волосы себе сквозь пальцы. Это кажется таким интимным.

Он качает головой.

— Когда-нибудь, Киара, мы попадем в неприятности. Ты знаешь об этом, не так ли?

Я хочу спросить его, что он подразумевает под неприятностями, но сдерживаюсь. Вместо этого, я говорю:

— Я не попадаю в неприятности. — И ухожу от него.

Снаружи Тук и Алекс ждут нас.

— Что вы там делали так долго? — спрашивает Тук.

— А тебе скажи, — отрезает Карлос, затем смотрит на меня. — Скажи ему, что он не едет с нами.

Тук обнимает меня за плечи.

— О чем это он говорит, пупсик? Я думал мы пойдем ко мне и ну, ты знаешь.

Он несколько раз поднимает и опускает брови, и затем хлопает меня по заднице.

Мой лучший друг настолько перебарщивает с этим притворством бойфренда, что я сильно сомневаюсь, что он кого-либо обманывает. Но судя по выражению отвращения на лице Карлоса, он покупается на это.

Я наклоняюсь ближе к уху Тука.

— Поменьше энтузиазма, пупсик.

Он наклоняется ко мне.

— Окей, зайчика.

Я отталкиваю его и смеюсь.

— Я ушел, — говорит Тук и убегает.

Алекс уезжает следом, так что мы с Карлосом одни на улице.

— Не могу поверить, что это заняло у меня столько времени, что бы понять это, — говорит Карлос. — Ты и Тук просто друзья. Я даже не думаю, что у вас когда-нибудь что-то было.

— Это просто смешно. — Я забираюсь в машину и пытаюсь не смотреть ему в глаза.

Карлос забирается через окно.

— Если он такой чемпион по целованию, как ты говоришь, почему это я никогда не видел вас за этим делом?

— Мы постоянно целуемся, — я прочищаю горло и добавляю: — Мы просто... делаем это наедине.

Нахальное выражение появляется на его лице.

— Не верю в это ни секунды, потому что, если бы ты была моей девушкой и такой, как я, жил бы с тобой в одном доме, я бы целовал тебя перед парнем при каждом удобном случае в качестве напоминания.

— Напоминания чччего?

— Того, что ты моя.

Глава 31

Карлос

Я толкаю вперед тележку в супермаркете и благодарю всевышнего за шанс закупиться едой,

которую я узнаю. Варьируя между другими покупателями в овощном отделе, я хватаю с полки авакадо и кидаю его Киаре.

— Спорю, что ты никогда не пробовала настоящей мексиканской еды.

— Конечно пробовала, — говорит она, ловя его и добавляя в нашу тележку. — Моя мама постоянно делает тако.

— И какое мясо там внутри?— спрашиваю я, проверяя ее. Поспорю, что миссис У ничегошеньки не знает о традиционных тако.

Киара мямлит что-то, что я не могу разобрать.

— Что? Не слышу.

— Тоуфу. Согласна, тако с тоуфу наверное не самая традиционная мексиканская еда, но...

— Тако с тоуфу вообще не мексиканская еда. Я думаю, что смешивать что угодно с тоуфу и называть это мексиканским, является оскорблением моего народа.

— Сомневаюсь, что это правда.

Она идет дальше, наблюдая за тем, как я выбираю помидоры, лук, кинзу, лаймы, красный перец и халапеньос. Свежий запах каждого из них напоминает мне кухню моей мамы. Я хватаю кое-что еще, что всегда было на нашей кухне. — Это tomatillo.[64]

— Что ты с ними делаешь?

— Отличный соус verde.[65]

— А мне нравится красный соус.

— Это потому, что ты не пробовала мой.

— Посмотрим, — отвечает она, неуверенно. Вот, возьму, и сделаю специально для нее экстра-острую порцию, чтобы запомнила, что со мной шутки плохи.

Киара следует за мной по магазину. Я покупаю все необходимое: бобы, рис, муку, различное мясо (которое, по настоянию Киары, должно было быть органическим, даже при том, что оно стоит в два раза больше неорганического). Затем мы возвращаемся домой.

В кухне Уэстфордов, я раскладываю продукты и вызываюсь приготовить ужин. Миссис У благодарна, потому что у Брендона был какой-то проект в школе. Он вроде как пытался нарисовать на себе карту постоянным фломастером, который теперь не смывается.

— Я помогу, — говорит Киара, пока я ставлю миски на стол и кастрюли на печку.

Впервые я рад, что Киара одета в футболку, поэтому мне не надо говорить ей закатывать рукава.

— Тут будет грязно, — говорю я ей, когда мы моем руки.

Она пожимает плечами.

— Ничего страшного.

Я засыпаю муку в миску и добавляю воды.

— Готова? — спрашиваю я.

Она кивает.

Я засовываю туда руки и смешиваю муку с водой.

— Давай, помоги мне.

Киара становится рядом со мной и запускает свои руки в миску, пропуская теперь уже мокрое и липкое тесто сквозь пальцы. Несколько раз наши руки соприкасаются, и я думаю, что один раз я даже принял ее палец за тесто.

Я добавляю еще воды и отхожу, наблюдая за ней.

— Какой оно должно быть консистенции? — спрашивает она, пока ее руки заняты в миске.

— Я скажу, когда надо будет остановиться. — Я не знаю, почему я стою тут, как идиот, облокотившись на стойку, и наблюдаю за ней. Может потому, что эта девчонка никогда ни на что не жалуется. Она не боится лазать по горам, чинить машины, идти против таких придурков, как

я, или пачкать руки на кухне. Есть ли что-то, что эта девчонка не сможет или не захочет делать?

Я смотрю в миску. Тесто точно уже выглядит готовым.

— Я думаю, что этого достаточно. Теперь скатай ее в шарики, а я буду раздавливать их этой кастрюлей. И поскольку у вас нет автоматической жаровни для тортильяс, мы что-нибудь придумаем. Будь осторожна, мы же не хотим замарать эту твою безобразную футболку.

Пока я роюсь в шкафчиках в поисках пленки, чтобы положить на шарик с тестом, прежде, чем придавить его кастрюлей, чтобы придать ему форму тортильи, я чувствую, как что-то ударяет меня в спину. Я смотрю на пол.

От меня откатывается один из шариков из теста.

Я смотрю на Киару. В ее руках уже другой шарик, нацеленный прямо на меня.

— Ты только что кинула в меня шариком? — спрашиваю я, полным удивления голосом.

Она берет еще один шарик в руку.

— Кинула. Это наказание за то, что назвал мою футболку безобразной. — Она победно улыбается и кидает в меня вторым шаром, но на этот раз, я с легкостью ловлю его.

Быстрым движением, я поднимаю тот, что на полу, и теперь у меня два шара в руках.

— Наказание, значит? — говорю я, подкидывая один из шаров воздух и снова ловя. — А вот на этом написано твоё имя. Моя месть будет сладкой, chica.

— Да?

— Ага.

— Тебе придется сначала меня поймать. — Как маленький ребенок, она показывает мне язык, и вылетает через дверь во двор. Я даю ей несколько секунд, пока хватаю миску с остальным тестом и выбегаю за ней. Мой арсенал только что значительно увеличился.

— Не мни мои шары! — Она смеется, как только слова вылетают из ее рта. Я с весельем наблюдаю, как она пытается поднять маленький столик и использовать его в качестве щита.

— Лучше твои, чем мои, chica. — Я кидаю в нее шариками, одним за другим, пока ни одного не остается.

Наша война из теста продолжается до тех пор, пока весь двор не усыпан маленькими шариками. Уэстфорд выходит из дома с выражением удивления на лице. — Я думал, что вы двое готовите ужин.

— Так и есть, — говорит Киара.

— Пока вы тут играете, мы сидим голодные. И где же ужин?

Киара и я смотрим на ее отца, потом друг на друга. И ни говоря, ни слова, мы начинаем кидаться шарами в него, пока он сам не вступает в войну сам. В итоге, миссис У и Брендон тоже присоединяются к нам.

Мне так и хочется позвонить Алексу и Бриттани, чтобы у меня был шанс запустить в них пару шаров. Может мне предложить Миссис Бергер устроить битву шариками из теста в Кругозоре. Это уж точно будет лучше всякой групповой терапии.

Глава 32

Киара

— Приходи сегодня вечером ко мне, — говорит Медисон Карлосу, стоя у его шкафчика в школе в Пятницу. — Мои родители все еще не вернулись, поэтому мы сможем поиграть в дом все выходные.

Я стою у своего шкафчика и отлично ее слышу. Карлос должен пойти со мной в дом престарелых Хайландс, чтобы помочь с классом рисования. Кинет ли он меня ради нее?

— Я не могу, — говорит ей Карлос.

— Почему нет?

— У меня другие планы.

Я отхожу, шокированная услышанным. Я не думаю, что кто-то когда-то раньше ей отказывал.

— С девушкой?

— Да.

— С кем? — спрашивает она, в ее голосе звенят острые, как лезвие ножа, нотки.

Прежде, чем я понимаю, что происходит, Карлос притягивает меня к себе.

— С Киарой.

Пока я все еще в шоке, Медисон фыркает на нас обоих.

— Это шутка, так?

— Вообще-то... — начинаю я, готовясь выгораживать его, но Карлос притягивает меня ближе и практически перекрывает поток крови в моей руке, так сильно ее сжимая.

— Мы тайно встречаемся с прошлой недели. — Улыбается он мне и смотрит так, как будто я его единственная-и-неповторимая. Может эта улыбка и обманывает Медисон, но я вижу, что он просто нагло ей врет. — Разве не так, К?

Он сжимает меня еще сильнее.

— Угу, — выжимаю из себя я.

Медисон быстро качает головой, как будто не может поверить в то, что слышит.

— Никто в здравом уме не выберет Киару Уэстфорд вместо меня.

Она права. Нас раскололи.

— Хочешь поспорим? — Мои глаза расширяются от удивления, когда Карлос наклоняет голову ко мне. — Поцелуй меня, *cariño*. [66]

Поцеловать? В коридоре перед всеми? Я даже говорить не могу перед Медисон, не то, чтобы поцеловать парня, в котором она заинтересована, прямо перед ней.

— Яяя ннне ...

Я пытаюсь что-нибудь придумать, но продолжаю заикаться. Карлос, как будто даже не заметив, что я захлебываюсь в словах, нежно проводит пальцами по моей щеке и вниз к губам. Это что-то, что делает парень своей девушке, когда сходит по ней с ума и... и... и Карлос ужасно блефует. Я знаю это. Он знает это. Но Медисон этого не знает.

Я чувствую его горячее дыхание у себя на лице, и слышу еле-различимое слово спасибо, перед тем, как он наклоняет голову и прикасается своими губами к моим. Я закрываю глаза и пытаюсь выкинуть из головы остальную школу и просто насладиться моментом. Даже если поцелуй не настоящий, он не чувствуется таковым. Он чувствуется сладким и воодушевленным. Я знаю, мне следует его оттолкнуть, но я не могу.

Я протягиваю и обвиваю его шею руками. В то же самое время, он притягивает меня ближе и без предупреждения раскрывает мой рот легким, эротическим движением своего языка. Я не знаю, где он научился так целоваться, но трудно не застонать прямо ему в рот и не чувствовать как что-то глубоко в моем теле просыпается, когда наши языки соприкасаются.

Когда Карлос отодвигается и снимает мои руки со своей шеи, он вздыхает.

— Она ушла.

— Ччто это бббыло? — спрашиваю я.

Он оглядывается вокруг, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает.

— Мне нужно, чтобы ты была моей девушкой. Вот. Я это сказал. — Когда я не отвечаю, он хватает меня за локоть и тащит по коридору к компьютерному классу. Там никого нет, за исключением тридцати компьютеров, расставленных в несколько рядов.

Этот парень пудрит мне мозги, и то, что мои губы все еще покалывает от его эротического поцелуя, совсем не помогает. Я беру себя в руки и думаю о словах прежде, чем произносить их. Я не буду заикаться.

— А что насчет Медисон? Ты занимался с ней сексом в кровати ее родителей.

— Я не занимался сексом с Медисон, Киара. Это сплетни, которые распускает она, а не я. Я знал ее пять дней, перед тем, как пойти на ее дурацкую вечеринку. Поверь мне.

— С чего я должна тебе верить? Ты постоянно ггговоришь всякую фигню. — Я поворачиваюсь к нему спиной и начинаю уходить. Я думаю, что злюсь потому, что это выглядело и чувствовалось, как настоящий поцелуй, тогда как на самом деле, Карлос поцеловал меня только, чтобы обмануть Медисон.

— Окей, я признаю, что я говорю фигню. Но я не спал с ней, и единственное, почему она

гоняется за мной, так это потому что хочет заставить Рама ревновать. Мне нужно отделаться от нее, так что ты притворишься, что мы вместе или нет? — Он засовывает руки себе в карманы. — Назови свою цену.

— Почему я?

— Потому что ты слишком умна, чтобы вестись на мои рассказы, и мне не нужна настоящая девушка. Однажды она у меня была и это закончилось полным провалом. Давай, назови свою цену.

Я особо не люблю наряжаться, но мне бы хотелось хотя бы раз сходить на танцы в школе с парнем. Это мой последний год в Флатайрон, и возможно, у меня не будет другого шанса.

— Пошли со мной на Осенний бал.

— Я не хожу на танцы. — Он качает головой. — Осенний бал отпадает. И не вздумай предлагать выпускной.

— Тогда забудь об этом.

Я направляюсь к двери, но он хватает меня за локоть и разворачивает лицом к себе.

— Я не знаю никого больше здесь, кто мог бы мне помочь.

— Осенний бал или ничего, — говорю я, настаивая на своем.

Карлос скрипит зубами.

— Ладно. Осенний бал. Но тебе придется надеть платье... и каблуки. И я не имею в виду те, что носят бабушки.

— У меня нет туфель с каблуками.

— Тогда пойди и купи, — он протягивает руку. — Договорились?

У меня занимает только секунду, чтобы подумать об этом, затем я кладу руку в его и крепко пожимаю.

— Договорились.

Я пытаюсь скрыть свою радость, но не могу. Открывая широко руки, я крепко его обнимаю. Я думаю, что он удивлен, но мне все равно. Я иду на Осенний бал! И не просто с кем-то... с Карлосом, парнем, который может быть идеальным поддельным бойфрендом.

Вот если бы я могла еще отрезать эту поддельную часть...

Я заезжаю за Карлосом в пять часов в Кругозор и мы едем в Хайландс. Вся группа ждет нас у своих мольбертов, с ярым желанием начать рисовать.

Я веду Карлоса к Бетти Фидман, одной из администраторов, которая составляет расписание занятий.

— Бетти, это Карлос, — говорю я, представляя их. — Он будет помогать мне сегодня.

Бетти поднимает на нас глаза.

— Спасибо, Карлос. Я рада, что ты здесь. Все были безмерно рады тому, что у них будут живые модели. Один из художников, которые постоянно живут здесь поможет и проконтролирует сегодняшнее занятие.

Мы следуем за ней ко входу в комнату отдыха, где какой-то мужчина в черной водолазке и узких брюках расставляет в стаканчиках разноцветные краски.

— Вот твои модели, — говорит ему Бетти. — Киара и Карлос, это Энтони Солей.

— Я принесла костюмы, — говорю я Энтони, доставая красную рубашку и ковбойский ремень для Карлоса и костюм ковбойши для себя. Я одолжила их в школьном театре.

Карлос бросает один взгляд на костюм и делает два шага назад.

— Ты ничего не говорила про костюмы.

— Разве нет?

— Нет.

— Извини, — говорю я. — Мы будем одеты в костюмы.

Бетти указывает на комнату сбоку.

— Вы можете переодеться в конференс-зале, если хотите. Или подождите пока освободится один из гостевых туалетов. Хотя я только что видела как туда зашла Миссис Хеллер, и теперь пройдет какое-то время перед тем, как она выйдет.

Карлос выхватывает у меня рубашку и ремень и заходит в конференс-зал. Я следую за ним с костюмом ковбойши.

— Напомни почему я это делаю?

— Потому что ты хотел сделать мне что-нибудь хорошее, — говорю я ему, закрывая дверь, чтобы никто нечаянно на нас не набрел.

— Ага, — он снимает через голову футболку, открывая идеальные мышцы живота, которым позавидует любой парень и по которым любая девушка будет пускать слюни. — В следующий раз стукни меня чем-нибудь тяжелым, когда я захочу сделать что-нибудь хорошее. — Он смотрит на меня и часть его рта приподнимается в улыбке. — Я пошутил.

— Я так и поняла. — Я натягиваю приталенное платье с рюшками через голову, радуясь, что стол хоть немного меня закрывает. Когда оно на месте, я стягиваю футболку и откидываю в сторону, задевая снимаю брюки. Вау. Это платье короткое. Очень и очень короткое.

Я смотрю на свои обнаженные ноги. Пытаюсь оттянуть платье вниз, но кружева у юбки идут в несколько рядов, поэтому она задираются, как лепестки у цветка.

— Пожалуйста, не говори мне, что мне необходимо надевать этот дурацкий ремень, — говорит Карлос с другого конца комнаты, застегивая через чур большую серебряную бляху на ремне.

— Притворись, что ты победитель родео, — говорю я.

— Больше похоже на чемпиона по реслингу, судя по размеру этой штуковины. Во что ты одета? Тебе бы лучше выглядеть так же глупо, как и я.

Я смотрю на свое короткое, кружевное платье с джинсовой вставкой спереди.

— Мой костюм еще хуже.

— Выходи из-за стола и покажи мне.

— Нет.

— Давай. Мы же пара теперь, не так ли?

— Мы поддельная пара, Карлос.

Он садится на край стола.

— Ну, я тут подумал... ты знаешь, пока мы оба осознаем, что ни к чему это не приведет, мы можем, ну, потусоваться вместе.

— Что это значит "потусоваться вместе"? — спрашиваю я.

— Ну, ты знаешь, провести больше времени вместе. Ты заставляешь меня смеяться, Киара, и сейчас мне необходимо немного радости в жизни. — Он двигается вокруг, ближе к моей стороне стола и смотрит на мой наряд и затем присвистывает в знак одобрения. — Отличные ноги. Тебе следует побольше их показывать.

Я пожимаю плечами.

— Я подумаю об этом.

— О чем, о том чтобы показывать ноги или о том, чтобы провести больше времени со мной?

— И о том и о другом.

Хоть идея о том, чтобы быть с Карлосом окрыляет, мне нужно защитить свое сердце. Постоянное присутствие Карлоса означает, что мне придется постоянно поддерживать стену, которая защитит мои эмоции и не позволит потерять голову. Но я не уверена, что моя стена настолько хороша.

В комнате отдыха я представляю Карлоса Сильвии, Милдред, Мистеру Уиттакеру и

остальным.

Сильвия хватает меня за рукав.

— А он ничего.

— Я знаю. Проблема в том, что он тоже это знает.

Милдред подзывает Карлоса.

— Дай-ка мне на тебя посмотреть. — Она оглядывает его с ног до головы. — Я видела тебя, когда ты зашел. Что это со всеми татуировками? Ты выглядишь как хулиган.

— Боюсь, что я и есть хулиган, — говорит он ей. — Что бы это ни значило для вас.

— Это значит, что ты любишь попадать в неприятности, — говорит Милдред, указывая на него кисточкой. — И постоянно. Мой муж был хулиганом. Неприятности следовали за ним, куда бы он ни поехал. Он повсюду ездил на своем мотоцикле, как будто был Джеймсом Дином.

— Что с ним стало? — спрашивает ее Карлос.

— Старый крот погиб десять лет назад в аварии. — Она хлопает Карлоса по щеке. — Ты выглядишь прямо как он. Подойди ближе. — И когда он подходит, она закрывает глаза и протягивает обе руки к его лицу, едва касаясь его пальцами. Карлос стоит не двигаясь, позволяя ей пофантазировать о былых счастливых временах и притвориться на мгновение, что она дотрагивается до лица ее мужа, а не Карлоса. Милдред вздыхает, затем открывает глаза. — Спасибо, — говорит она шепотом со слезами на глазах.

Карлос кивает в молчаливом понимании того подарка, которым он только что наградил ее. Я стою там в полном благоговении от него. Снаружи Карлос крутой придурок, который никого к себе не подпускает. Но когда я вижу время от времени то, что он прячет внутри, его тепло и сострадание, я чувствую, что та внутренняя моя стена начинает трескаться.

— Ну, ладно, давайте начнем занятие, — говорит Энтони. — Он установил небольшой помост у одной из стен. — Вы двое, — говорит он, показывая на нас. — Становитесь сюда и позируйте.

Карлос становится на платформу первым, затем протягивает руку и помогает мне.

— Теперь что? — спрашивает он.

— Нам нужно позировать, — шепчу я.

— Как?

Энтони кладет руки на помост, привлекая наше внимание.

— Я скажу вам как. Киара, положи руки ему на плечи. Карлос, приобними ее за талию.

Мы делаем, как он говорит.

— Вот так? — спрашиваю я, пытаюсь игнорировать ощущение рук Карлоса на мне.

— Вы выглядите так, как будто боитесь дотрагиваться друг до друга, — говорит Энтони. — Вы слишком напряжены. Киара, наклонись немного к Карлосу, Да, вот так. А теперь согни колено ... Карлос, придерживай ее, иначе она упадет ... Киара, смотри на него, как будто влюблена и ждешь обещанного поцелуя. ... и Карлос, ты смотри на нее так, как будто она ковбойша, которую ты ждал всю свою жизнь. Прекрасно! — говорит он. — А теперь, не двигайтесь следующие пол-часа.

Он поворачивается к остальным и что-то говорит о силуэтах и человеческих формах... но все, что я могу, это растворяться в глазах Карлоса.

— Ты отлично себя вел с местными резидентами, — говорю я ему. — Я благодарна за то, что ты пришел со мной сюда.

— А я благодарен за это платье на тебе.

В течение следующего полу часа мы стараемся не двигаться, я пялюсь в глубокие темные глаза Карлоса, а он смотрит в мои. Даже при том, что мое тело начинает затекать, я чувствую себя защищенной и счастливой. И я просто не могу не сказать:

— Я приняла решение.

— О чем?

— О нас. Я хочу, чтобы мы проводили больше времени вместе.

Он выгибает бровь.

— Правда?

— Ага.

— Скрепим это?

— Мои руки немного заняты в данный момент, — говорю я.

Он улыбается той наглой улыбкой, которая настолько является частью его, что без нее не был бы Карлосом.

— Может твои руки и заняты, но твои губы нет.

Глава 33

Карлос

Почти каждое утро я просыпаюсь от голоса Брендона, напевающего одну из его обычных песен, которые потом застревают у меня в голове...

— С добрым утром, с добрым утром. Мы на наших местах с улыбками на устах. И так мы начинаем новый день! — Это кого угодно сведет с ума.

Но не сегодня. Сегодня меня будит не брат Киары, а разносящийся по коридору голос Тука.

— La cucaracha, la cucaracha, ya no puede caminar, porque no tiene, porque le falta,[67] я не знаю дальше слов ля ля ля!

И поскольку я знаю, что Брендон не пытается действовать мне на нервы, жизненной целью Тука, скорее всего, является выводить меня из себя.

— Ты когда-нибудь затыкаешься? — ору я, в надежде, что он слышит меня там в коридоре.

— Эй, amigo[68], — говорит Тук, открывая дверь, — проснись и пой!

Я поднимаю голову с подушки.

— Разве я не запираю дверь, чтобы избежать таких людей как ты?

Он показывает мне искривленную скрепку у себя в руке.

— Ага. Но к счастью для меня, я знаю как использовать волшебный двери-открыватель.

— Убирайся отсюда.

— Мне нужна твоя помощь, amigo.

— Нет. Убирайся.

— Ты так сильно меня ненавидишь потому что я нравлюсь Киаре больше, чем ты?

— Это ненадолго. Вали отсюда к чертовой матери. Сейчас же, — говорю ему я. Парень не двигается.

— Окей. Seriously, я не знаю, правда это или нет, но я слышал, что люди которые ругаются матом, просто пытаются компенсировать нехватку... ну, размера.

Я сдергиваю с себя одеяло и спрыгиваю с кровати в погоне за ним, но он исчез.

Дверь в комнату Киары подозрительно открыта.

— Где он? — спрашиваю ее я.

— Эм... — говорит она.

Я сканирую ее комнату, затем открываю ее шкаф. Как я и думал, Тук стоит внутри.

— Я просто пошутил. Ты, что шуток не понимаешь, чувак?

— Не в семь утра.

Он смеется.

— Надень что-нибудь и не пугай бедную Киару своим утренним стояком.

Я смотрю вниз. И правда, прямо перед Киарой и Туком la tengo dura[69].

Черт. Я хватаю первую попавшуюся в руки вещь и закрываю нижнюю часть себя от их глаз. Это оказывается одна из плюшевых игрушек Киары, но сейчас у меня нет большого выбора.

— Это талисманчик Киары, — говорит Тук, смеясь, — Талисманчик, догоняешь?

Не говоря ни слова я тороплюсь в свою комнату и кидаю Талисманчика на пол. Киара, скорее всего, заставит меня купить ей новую игрушку.

Я сажусь на кровать и размышляю над тем, как я собираюсь стать ближе к Киаре с Туком, постоянно выющимся рядом, и вообще почему я хочу быть к ней ближе. Мне нравится ее целовать, вот и все. Стук в дверь прерывает мои мысли.

— Чего тебе надо? — говорю я, но слова звучат, как рычание.

— Это Киара.

— ...и Тук, — говорит другой голос.

Я открываю дверь.

— Он хочет извиниться, — говорит Киара.

— Мне очень жаль, что я открыл твою дверь без разрешения, — говорит Тук, как будто он ребенок, которого его мать отправила извиняться. — Я обещаю больше этого не делать. Пожалуйста, прости меня.

— Ладно. — Я начинаю закрывать дверь, но Киара придерживает ее рукой.

— Подожди. Туку на самом деле нужна твоя помощь, Карлос.

— С чем?

— Моей команде по Ультимейт нужен седьмой участник. У нас трое простыли, а еще двое получили травмы в четвертьфинале и не могут играть. Киара считает, что ты сойдешь?

Сойду?

— А ты почему сама не участвуешь? — спрашиваю я Киару. — Ты в хорошей спортивной форме.

— Это не смешанная команда, — отвечает она. — Это чисто мужская.

Тук складывает вместе ладони, как будто собирается молиться, и я чувствую, что сейчас полетит словесный понос.

— Пожалуйста, amígo. Ты нам нужен, Кимосабе, О, Великий и Сильнейший. Ты нужен нам больше, чем Земля, восходящая на западе.

— Солнце встает на востоке, идиот.

— Если ты на Земле. А вот если ты на Луне, Земля встает на западе.

Он делает глубокий вдох.

— Ну, ладно. Я прекращаю лебезить. Ты согласен или нет? Игра начинается меньше, чем через полчаса и мне нужно знать, выходим мы соревнования или нет. К сожалению, ты, наверное, наша последняя надежда.

Я смотрю на Киару.

— Туку правда нужна твоя помощь, — говорит она. — Я приду посмотреть.

— Хорошо, я согласен. Но я сделаю это только ради тебя, — говорю я ей.

— Подожди-ка, что... о чем это он? Он сделает это ради тебя? — Тук смотрит сначала на меня, потом на Киару, но ни один из нас ему не отвечает. — Кто-нибудь скажет мне, что тут происходит?

— Неа. Дай мне пять минут, — говорю ему я.

По дороге на игру Киара настаивает, чтобы я позвонил своему брату и попросил его прийти.

— Просто позвони ему, — говорит она. — Или это сделаю я.

— Может я не хочу, чтобы он приходил.

Она протягивает телефон.

— Может ты ужасно хочешь, чтобы он был там, но слишком упрям, чтобы это признать.

Тебе что, слабо?

Ну вот зачем ей надо было это делать?

Я хватаю телефон из ее руки и звоню брату. Я говорю ему об игре и ни секунды не колеблясь, он отвечает, что будет там.

Отключившись, я кидаю телефон Киаре, Тук напоминает мне правила игры. Я фокусируюсь на главном: как только я ловлю фрисби, мне нужно остановиться и перекинуть ее одному из игроков в моей команде в течение десяти секунд.

— Это не тот спорт, в котором необходим контакт, Карлос, — напоминает мне Тук уже в десятый раз. — Так что если ты чувствуешь желание ударить, толкнуть, или подраться с кем-нибудь, постарайся сделать это после игры.

На поле Тук представляет меня команде. Но я думаю только об одном: если я помогу Туку, будет ли Киара считать меня героем?

Я практикуюсь с остальными парнями за несколько минут до начала игры. Даже учитывая то, что я не кидал диск уже несколько лет, у меня не возникает проблем с тем, чтобы заставить его перелетать по воздуху прямо в руки ребятам из команды.

Один из парней в команде, пробегая мимо меня, подмигивает и заетем шлепает рукой по моей заднице.

Что, черт возьми, это было, какой-то местный ритуал? Я не признаю ритуалы, особенно с руками других парней на моей заднице.

Я подхожу к Туку, который делает растяжку у края поля.

— У меня глюки, или тот пацан только что заигрывал со мной?

— Его зовут Ларри. Не спрашивай меня почему, но он считает, что ты красавчик. Он не перестает пускать слюни с тех пор, как мы приехали. Просто не давай ему повода.

— Уж этого точно я не дам.

— Вот. — Тук роется в своей сумке и кидает мне футболку. — Это форма нашей команды.

Я поднимаю ее на уровень глаз.

— Она розовая.

— Ты что-то имеешь против розового?

— Это через чур по гейски.

Тук поджимает губы.

— Эм, Карлос, сейчас, наверное, самое время сказать тебе кое-что. И тебе, скорее всего, это не понравится.

Пока Тук говорит, я поближе присматриваюсь к игрокам в моей команде. Деннис, уж больно какой-то женственный. Парень, который дал мне по заднице, сейчас прикусывает губу, как будто хочет зажать меня в каком-нибудь углу. И розовая форма...

— Это команда геев, не так ли?

— Что выдало нас? Розовая форма или то, что половина команды пускают по тебе слюни?

Я втягиваю футболку обратно ему в руки.

— Я отказываюсь от этой чести.

— Успокойся, Карлос. То, что ты играешь в команде геев не делает геєм тебя. Не будь гомофобом. Это так политически некорректно.

— Спроси меня, если мне когда-либо было дело до того политически корректен я или нет.

— Подумай о всех тех фанатах, что ты огорчишь. О Киаре... и своем брате.

Я не уверен то ли мой брат смеется, то ли щурится: все, что я четко вижу с того места, где он сидит, так это как он показывает мне два больших пальца. Бриттани тоже явилась сюда. Киара и Бриттани склонили головы друг к другу, разговаривая о чем-то.

Я знаю, что мне не стоит спрашивать, но не могу удержаться.

— Как называется наша команда?

— Последние из геев, — говорит Тук и начинает смеяться.

Я, с другой стороны, не смеюсь.

— Что, тебе не нравится наше название? Ты один из нас, Карлос.

Я все еще не смеюсь.

Он ловит пас одного из игроков и возвращает обратно.

— О, и чтоб ты знал, перед выходом на поле, мы все обнимаемся и очень громко кричим "Геи вперед"!

Ну все.

— Я вне игры.

Я начинаю уходить с поля. Если кто-нибудь из дома увидел бы меня, меня пинали бы от Атенсинго до Акапулько и обратно.

— Я просто шучу, чувак, — кричит мне в след Тук.

Я останавливаюсь.

— И наше название не "Последние из геев", — он поднимает руки в знак капитуляции. — Окей. Окей. Мы не кричим "Геи вперед", хоть Джо, вон тот, что с ежиком на голове, предлагал делать это в начале сезона. Наша команда называется просто "Последние". Мы не могли придумать ничего оригинального, поэтому Ларри придумал "Последних", вот так мы и назывались с тех пор. Доволен?

Я качаю головой и снова хватаю футболку.

— Ты по гроб жизни будешь мне должен за это, — говорю я, стягивая свою футболку через голову и заменяя ее на розовую.

— Я знаю. Назови свою цену, amigo.

— Назову. Но позже. — Я бросаю взгляд на Киару. — У Киары когда-либо был парень?

Он стучит себя по подбородку указательным пальцем.

— Она не рассказывала тебе о Майкле?

— Что еще за Майкл? — спрашиваю я.

— Парень, с которым Киара встречалась летом.

Она никогда не упоминала его.

— Как серьезно это было?

Тук широко улыбается.

— Оп-ля, а нам интересно.

— Ответь на вопрос.

— Он сказал ей, что любит ее, а затем бросил по смс.

— Вот урод.

— Именно. — Тук указывает на другую сторону поля, где практикуется команда противников. — Этот высокий пацан, что поднимает бутылку с водой, на его спине написано Барра.

— Тот, что в зеленой бандане?

— Ага, это он, — говорит Тук. — Майкл Барра, смс-кидатель.

— Он что, лысый?

— Нет, Барра защищает свои бесценные волосы от спутывания во время игры. — Тук кладет руку мне на грудь, чтобы привлечь мое внимание. — Но помни о том, что я тебе сказал в машине по дороге сюда, когда объяснял правила. Это спорт без контакта, Карлос. Нас штрафуют за грубость без необходимости.

— Ага, — я наблюдаю, как на другой стороне бывший Киары, отпив, кидает свою бутылку в сторону, даже не придавая значения тому, что он почти попадает ею по собаке одного из

зрителей. Я ненавижу этого придурка, хотя даже ни разу до этого его не встречал.

Когда начинается игра, Деннис отводит руку и перекидывает диск нашим противникам. Игра идет нормально, пока один из парней из другой команды не бубнит мне комментарий про педиков за то, что я перехватил его пас. Кровь в моих жилах вскипает так же, как она делает обычно, когда меня называют грязным Мексиканцем.

Я люблю соперничать, я крепок и готов надрать им задницу в Ультимейт.

Интересно, стоит ли сейчас дать Туку знать о том, что ему следует ожидать совершенно необходимую грубость от чрезвычайно выведенного из себя Мексиканца.

Глава 34

Киара

Немного странно снова видеть Майкла. Я знала, что он будет здесь, но я не была уверена в том, что я буду чувствовать, когда его увижу. Я думала, что может почувствую какую-то искру или вспомню почему начала с ним встречаться, но я смотрю на него и вообще ничего не чувствую. Я точно пережила наш разрыв. Проблема в том, что тот, в кого я влюбляюсь каждый день все больше и больше, не хочет ничего, кроме интрижки. Я не хочу интрижку с Карлосом. Я хоть и согласилась притворяться, что то, что между нами происходит просто временная и случайная связь, но каждый раз, когда мы вместе, это ощущается как нечто гораздо большее, чем что-то временное или случайное.

Я ловлю себя на том, что фантазирую о нем по утрам, в школе, когда что-то мне о нем напоминает, и ночью, когда я ложусь спать. Даже когда я встречалась с Майклом, простая мысль о нам не освещала мой день, как это происходит с мыслями о Карлосе.

Хоть он и старается казаться придурком, каждый день я замечаю все больше настоящего Карлоса. Когда он играет с моим братом, я вижу его мягкость, которую он не показывает остальному миру.

Когда он шутит со мной, он показывает свою игривую часть. Когда он целует меня, я ощущаю его отчаянную необходимость в любви. Когда он готовит Мексиканские блюда или вставляет испанские слова в английский, его лояльность к своему наследию и культуре горит из него ярким пламенем.

Я знаю прекрасные вещи о Карлосе и причины того, почему к нему привязана так, как никогда не была ни к кому раньше. Но он не показывает мне ту темную сторону себя, которая заставляет его быть злым, ревнивым и униженным. И я знаю, что это именно эта его часть не позволяет ему эмоционально ни к кому привязываться.

Я наблюдаю, как команды выстраиваются каждая в своей зоне и команда Тука начинает игру. Майкл первый ловит фрисби, затем быстро перебрасывает его другому парню в своей команде. Проблема в том, что Карлос там перехватывает диск, практически в ту же секунду, как он слетает с руки Майкла.

В первые две минуты игры, Последние зарабатывают несколько очков. Тук дает Карлосу «пять». Должна признаться, что мне приятно видеть, как они празднуют, вместо того, чтобы ругаться.

— А Карлос хорош, — говорит Бриттани мне и Алексу.

— Он Фуэнтес, конечно, он хорош, — говорит Алекс с гордостью.

Я тоже знала об этом, потому что Карлос не согласился бы играть, если бы не думал, что он будет хорош в этом.

Следующий раз, когда диск оказывается у Карлоса, Майкл останавливается прямо перед ним и что-то ему говорит. Я не имею понятия о чем они разговаривают, но оба выглядят так, как будто готовы подраться. И в самом деле, как только Карлос пасует диск другому парню из их

команды, он толкает Майкла, который приземляется на задницу.

— Фол! — кричит кто-то в команде Майкла.

— Фол, моя задница, — ругается Карлос. — Он лез ко мне.

— Я слышал, как он насмеялся над нашим игроком, — кричит Тук, и показывает на Майкла. — Этот парень должен получить выговор.

Майкл встает и показывает на Карлоса.

— Ты лезешь ко мне с тех пор, как игра началась.

— Мы играем один на один, — говорит Тук. — Он защищает тебя.

— Он толкнул меня. Ты видел это. Все видели это. Его нужно исключить!

Если Карлоса выгонят, игра будет окончена, потому что "Последним" придется сдаться. Карлос смотрит на меня и мое сердце переворачивается. Он играет не потому, что Тук попросил его, он это делает для меня... и у меня возникает подозрение, что он такой агрессивный в адрес Майкла тоже из-за меня.

К счастью, конфликт останавливается до того, как может перерасти во что-то большее и игра возобновляется. Следующий час я наблюдаю за тем, как обе команды сражаются не на жизнь, а на смерть. В итоге, Последние побеждают 13-9.

Когда я спускаюсь с сидений для зрителей, ко мне подходит Майкл. Он выглядит также, как и обычно, только немного более потным. Теперь без банданы, его светло-каштановые волосы идеально зачесаны в сторону. Мне раньше нравилось, что у него никогда ни волоска не было выбившегося, но сейчас это просто меня раздражает.

Майкл вытирает полотенцем пот с лица.

— Я не знал, придешь ли ты на игру.

— Тук играет, — говорю я, как будто это все объясняет. — И Карлос.

Он хмурит брови.

— Кто такой Карлос? Тот гей, с которым я чуть не подрался?

— Да, только он не гей.

— Не говори мне, что ты сейчас с ним.

— Я бы не сказала, что я с ним. Мы...

Внезапно, Карлос перед нами. Он без майки и протискиваясь между Майклом и мной, он оставляет потный след на руке Майкла. Майкл смотрит на свою руку с отвращением и вытирает ее полотенцем. Как будто это было не достаточной сценой, Карлос останавливается рядом со мной и приобнимает меня за плечи.

— Мы... проводим вместе время, — говорю я Майклу.

Майкл игнорирует тот факт, что Карлос стоит рядом со мной и спрашивает:

— Что это значит?

— Это значит, что каждую ночь у нее полны руки горяченького Латино, чувак, — встречает Карлос, затем придвигает меня ближе к себе и наклоняет голову для поцелуя.

Вместо того, чтобы поцеловать Карлоса, я скидываю с себя его руку и отступаю на шаг. Это прозвучало от него как будто я та с кем он в стогу валяется, как будто мы друзья с преимуществами... может даже без «друзей»

— Прекрати, — говорю я ему.

— Прекратить что?

— Притворяться. Веди себя нормально, — говорю я, пытаюсь спасти лицо перед Майклом и скрыть свою обиду от Карлоса.

— Нормальным? Я не достаточно нормален для тебя? — говорит Карлос. — Ты хочешь его вместо меня? Ты не заметила, что его волосы даже не двигаются? Это не нормально. Хочешь снова с ним встречаться, вперед. Черт, если хочешь выйти за него замуж и быть Киара Барра до

конца своих дней, будь моим гостем.

— Это не то, что я...

— Я не хочу слушать. Hasta[70], — говорит Карлос, игнорируя меня, и уходит.

Я чувствую, как мое лицо загорается от стыда, когда я снова смотрю на Майкла.

— Прости. Карлос бывает иногда резковат.

— Не извиняйся. У парня какие-то тараканы в голове, и чтоб ты знала, мои волосы двигаются... когда я этого хочу. Послушай, — говорит он, меняя тему, — моя команда едет на обед в Старый Чикаго, что в Моле на Перл Стрит. Поехали со мной, Киара. Нам нужно поговорить.

— Я не могу, — я бросаю взгляд на Тука, Бриттани и Алекса. — Я приехала с другими...

Майкл машет своему другу.

— Мне пора. Если передумаешь об обеде, ты знаешь, где меня найти.

— Ты в порядке? — спрашивает Бриттани.

Я киваю.

— Ага.

— Извини за назойливость, — говорит Бриттани, — но я видела как Карлос обнимал тебя.

Он выглядел достаточно злым, когда уходил, и мы с тех пор его не видели. Вы с Карлосом...

— Нет.

— Они притворяются, что встречаются. Но Киара не притворяется, — говорит им Тук.

— Пойду, найду его, — говорит Алекс, разочарованно качая головой. — Я поставлю его на место.

— Нет, не надо, — говорю я, паникуя, — Пожалуйста, не надо.

— Почему нет? Он не может просто ходить и притворяться, что встречается с девушками и вести себя с ними, как с...

— Алекс, — прерывает его Бриттани, — позволь Киаре и Карлосу самим разобраться в этом.

— Но он ведет себя как п... — он останавливается, когда Бриттани сжимает его руку.

— Они разберутся, — уверяет его Бриттани, и улыбается. — Не встревай пока.

— Почему у тебя все так логично? — спрашивает он ее.

— Потому что мой парень упертый и всегда готов к драке, — отвечает она, затем поворачивается ко мне и Туку. — Это вырезано на семейном дереве Фуэнтесов. В конце все образуется, Киара, — уверяет она меня.

Я только не знаю, не окажется ли мое сердце разбитым на осколки, перед тем, как это случится.

Глава 35

Карлос

— Карлос, можешь помочь мне с машиной моей жены? — спрашивает Уэстфорд позже вечером.

Я пью один из специальных чаев Миссис У на террасе.

— Конечно, — отвечаю я. — В чем проблема?

— Можешь помочь мне сменить масло? Я также хотел убедиться, что глушитель прикручен как надо. Коллин сказала, что он дребезжит.

Я помогаю профессору завести машину и поставить ее на кирпичи, которые он держит в гараже. Мы оба протискиваемся под машину, пока масло стекает в небольшую пластиковую коробку.

— Ты хорошо провел время на игре утром? — спрашивает профессор.

— Ага, если не считать того, что я не знал, что буду играть за команду геев.

— Это имело значение?

Сначала да. Но в конце концов мы были просто группой парней в команде.

— Нет. Вы знали, что Тук гей?

— Он дал нам это четко и ясно понять, когда жил с нами несколько лет назад. Его родители были в самом центре тяжелого развода и ему нужно было где-то остановиться. — Он откладывает фонарик и смотрит на меня. — Примерно также, как и тебе.

— Кстати, об этом: вы можете пожалеть о своем решении когда я скажу вам, что мы с Киарой проводим много времени вместе.

— Это хорошо. Почему это должно заставить меня раскаиваться в своем решении позволить тебе остаться здесь?

Мне бы хотелось, чтобы мы не были под машиной, когда я ему это скажу.

— Что, если я скажу, что я ее поцеловал?

— О, — говорит он, — понятно.

Я думаю, может в этот момент он размышляет над тем, как связать меня и опустить машину, чтобы мои внутренности размазало по подъездной дорожке. Или заставить меня пить грязное машинное масло пока я не пообещаю не прикасаться к его дочери своими мексиканскими лапами.

— Вы, скорее всего, рано или поздно узнали бы об этом от кого-нибудь другого, — говорю я ему.

— Я ценю твою прямооту, Карлос. Это показатель честности, и я горжусь тобой. Я уверен, тебе не легко было сказать это мне.

— Так что, вы выкидываете меня из своего дома, или как? — Мне нужно знать, если я окажусь сегодня на улице.

Уэстфорд качает головой.

— Нет, я не собираюсь выкидывать тебя из дома. Вы оба достаточно взрослые, чтобы нести такую ответственность. Я тоже когда-то был тинэйджером, и я не такой наивный, чтобы думать, что нынешние подростки сильно отличаются от того, каким был я. Но только попробуй ее обидеть или заставить делать что-то против ее воли, и я не только выкину тебя из дома, я разорву тебя на кусочки. Понял?

— Понял.

— Хорошо. А теперь держи фонарик и проверь радиатор, нужно ли его промывать или нет.

Я беру фонарик, но перед тем, как вылезти из-под машины, говорю: — Спасибо.

— За что?

— За то, что не ведете себя со мной, как с каким-то бандюгой.

Он улыбается.

— Пожалуйста.

Закончив с машиной профессора, я звоню маме и Луису. Я рассказываю им об игре, о Киаре, о Уэстфордах и всем остальном. Я чувствую себя отлично, разговаривая со своей семьей. И когда я говорю им, что не пропускал школу, получаю в ответ радостные возгласы. Давненько я так хорошо себя не чувствовал. Естественно, я оставляю при себе часть про Делвина, потому что точно не собираюсь прибавлять маме стресса, раскрывая эту деталь.

После звонка, я захожу на кухню, но там никого нет.

— Мы в гостиной, — зовет меня миссис У. — Иди сюда.

Вся семья Уэстфордов сидит перед телевизором в маленькой комнате. Профессор и его жена занимают противоположные кресла, а Киара и Брендон делят диван. Куски лазаньи стоят на тарелках на кофейном столике перед ними.

— Бери тарелку, накладывай лазаньи и садись, — говорит Уэстфорд.

— Это Вечер Семейного Веселья! — кричит Брендон, прыгая на диване.

— Вечер семейного веселья? — спрашиваю я. — Что это?

Миссис У берет тарелку и протягивает мне.

— Раз в месяц мы всей семьей собираемся и делаем что-то вместе.

— Вы шутите, так? — я смотрю на них всех и понимаю, что они не шутят. У них и правда есть Вечер Семейного Веселья и они все собираются провести эту субботу вместе.

Когда я смотрю на Киару, я думаю что будет неплохо провести тихий вечер перед телевизором. Я накладываю себе полную тарелку еды и направляюсь к дивану.

— Двигайся, cachorro.

Брендон устраивается между мной и Киарой.

Закончив с ужином, я помогаю отнести тарелки на кухню, пока Киара делает попкорн.

— Если ты не хочешь, тебе необязательно проводить этот семейный вечер с нами, — говорит мне Киара.

Я пожимаю плечами.

— Я все равно не собирался никуда идти. — Подкидывая попкорн в воздух, я ловлю его ртом.

Возвращаясь обратно в гостиную, я думаю о Киаре больше, чем о чем-то другом. Даже когда Брендон переключает канал на мультфильм, который он выбрал, я кидаю на нее взгляд.

— Брен, время идти в кровать, — говорит миссис У когда мультфильм заканчивается.

— Но я хочу посидеть еще, — ноет он, хватая Киару за руку.

— Ну, нет. Ты и так ложишься поздно, — настаивает миссис У. — Давай, обними свою сестру и Карлоса и пойдем наверх.

Брендон поднимается на ноги и обвивает Киару руками. Она крепко его обнимает и целует в щеку. — Люблю тебя больше, чем ты меня, — говорит он ей.

— Невозможно, — отвечает она.

Он освобождается из ее объятий и прыгает на диван рядом со мной. Раскрывая широко руки, он обвивает меня за шею.

— Люблю тебя, amigo.

— Ты по-испански теперь говоришь, cachorro?

— Ага. Я выучил это на этой неделе в школе. Amigo значит друг.

Я хлопаю его по спине.

— Ты мой маленький Мексиканишка, не так ли?

— Так, ну ладно, пора в постель, Брен, — говорит еще раз миссис У. — Сейчас же, не откладывая.

— Выбирайте следующий фильм сами, — говорит Уэстфорд, кидая нам пульт. — Я пойду сделаю нам еще попкорна. Брен, я поднимусь пожелать тебе спокойной ночи когда ты переоденешься в пижаму и почишишь зубы.

Миссис У забирает Брендона наверх и профессор уходит с пустыми мисками от попкорна.

Я остаюсь с Киарой наедине. Наконец-то.

Я сижу с одной рукой, закинутой на спинку дивана, а второй - лежащей на моем колене. И я чувствую эту девчонку каждой клеткой своего тела. Она встает и подходит к стеллажу с несколькими полками фильмов — очевидно, их коллекцией. Я никогда не был в доме с целой коллекцией фильмов на полке.

— Я не могу нормально себя вести с тобой, — говорю я ей.

Она поворачивается, в замешательстве.

— О чем это ты?

— Сегодня утром перед Майклом ты попросила меня вести себя нормально. — Я делаю глубокий вдох и говорю ей то, что должен был сказать сразу после игры. Вместо того, чтобы

позволить ей меня игнорировать, когда я вернулся домой, мне следовало сказать ей правду. — Я не могу. Когда Тук сказал мне, что вы с Майклом встречались, я представил тебя с другим парнем и это свело меня с ума. Я не хочу, чтобы ты была с другим.

— Я и не хочу быть с другим парнем. Я хочу быть с тобой. А теперь выбирай фильм, пока я не сказала что-то, что ты не хочешь услышать. Давай же, выбирай.

— Мне все равно, ставь, что хочешь, — отвечаю я, игнорируя ее комментарий о том, что она не сказала мне то, что я не хотел услышать. Я услышал достаточно. Она хочет быть со мной. Я хочу быть с ней. Зачем все усложнять, говоря что-то еще?

Она достает Вестсайдскую историю, и я смеюсь.

— Тебе нравится этот фильм?

— Да. Мне нравятся танцы. И песни.

Я задумываюсь над тем, может ли она также хорошо двигаться, как она чинит машины. Или она считает, что межрасовые пары обречены с самого начала, потому что они слишком разные.

— Ты танцуешь?

— Немного. А ты? Ну, кроме горизонтального танго.

Киара иногда меня удивляет. Я всегда даже немного шокирован, когда она показывает мне проблески своего колкого поведения.

— Ага. В Мексике я с друзьями ходил в клубы каждые выходные. Мы танцевали, знакомились с девчонками, пили, накуривались ... было весело. А теперь я здесь, на Вечере семейного веселья с Уэстфордами. Времена точно изменились.

— Тебе не следует употреблять наркотики.

— Разве ты не делаешь то, что не следует? Давай, Киара, признайся. Не может быть, что ты такая невинная, как все думают. Ты такая же, как и все мы, грешники. Ну, ты не куришь, не пьешь и не употребляешь наркотики. Но у тебя есть другие пороки. Они есть у всех. — Когда она не отвечает, я продолжаю: — Расскажи мне что-нибудь шокирующее.

Она садится на диван.

— Шокирующее?

— Да. Шокируй меня.

Она садится на колени и придвигается ко мне.

— Я думаю о тебе, Карлос, — шепчет она мне в ухо. — Ночами, когда я лежу одна в своей постели. Я думаю о том, как целую тебя, как наши языки переплетаются друг с другом и как ты запускаешь свои руки мне в волосы. А когда я думаю о вибрациях твоего оголенного торса, я прикасаюсь...

— А вот еще попкорн! — говорит Уэстфорд, заходя в комнату с двумя огромными, заполненными до краем свежим попкорном мисками в руках. — Киара, что ты делаешь?

Сцена, должно быть, достаточно колоритна. Киара стоит на четвереньках и наклоняется ко мне. Ее лицо в нескольких сантиметрах от моего.

Я сглатываю. То, что она собиралась сказать, рисует в моем воображении еле выносимую и красочную картинку. Я смотрю ей прямо в глаза, пытаюсь понять, врет она или нет, но не могу. В ее глазах горит огонь, но я не уверен, то ли это от страсти, то ли от возбуждения, вызванного ее ложью.

Я молчу, позволяя Киаре ответить.

Она отодвигается от меня.

— Эм... я... эм... ничего такого.

Уэстфорд смотрит на меня, в ожидании объяснения.

— Поверь мне, ты не хочешь знать, — говорю я.

— Знать что? — говорит миссис У, заходя в комнату.

Профессор протягивает мне миску с попкорном, а миссис У усаживается в свое кресло. Я начинаю жевать попкорн, чтобы не пришлось разговаривать.

— Я не могу получить прямого ответа ни от одного из этих тинейджеров, — жалуется Уэстфорд.

Киара устраивается поудобнее на другой стороне дивана.

— Мам, пап, что бы вы сделали, если бы застали нас здесь целующимися?

Глава 36

Киара

На самом деле я задала этот вопрос с гипотетической точки зрения. Я не хотела, чтобы Карлос начал давиться попкорном, что он сейчас и делает.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, пока он кашляет без остановки.

Карлос смотрит на меня, как будто я самая сумасшедшая девчонка на планете.

— На кой черт ты спрашиваешь их об этом?

— Потому что я хочу знать их ответ.

Я вижу, как мои родители пытаются телепатически прийти к тому, как нам ответить.

— Ну... — начинает моя мама, — эм...

— Что твоя мама хочет сказать, — встречается мой отец, — это то, что мы тоже когда-то были в вашем возрасте и мы понимаем, что экспериментирование, это нормальная часть взросления...

— И вы знаете, что необходимо уважать себя и свои тела, — говорит моя мама. Я подозреваю, что она специально не отвечает на вопрос.

— Да, мама.

Мой отец поднимает пульт.

— Окей, раз все всё поняли, какой фильм вы выбрали?

Немного смутившись, я отвечаю:

— Вестсайдская история.

Мы смотрим фильм, но время от времени, Карлос фыркает, как будто та или иная часть фильма кажутся ему глупыми. К концу я плачу так сильно, что Карлосу приходится передать мне бумажную салфетку с угла кофейного столика ближе к нему.

— Передай мне одну тоже, — говорит мама, всхлипывая. — Я всегда плачу, когда смотрю этот фильм.

— Я ненавижу конец, — заявляю я всем в комнате, вытаскивая dvd из плеера и заменяя на другой.

Мой отец поворачивается к Карлосу.

— Что я могу сказать? Мои женщины хотят счастливый конец.

Моя мама, с волосами, закрепленными крабом наверху, как у тинейджера, смотрит на моего отца.

— Что плохого со счастливыми концами?

— Они не реальны, — вставляет Карлос.

— На этой ноте... я отправляюсь в кровать. Я устал, — говорит мой отец, затем вздыхает и потягивается в кресле. — Эти старые кости уже не функционируют после полуночи. Увидимся завтра утром.

Моя мама кричит ему вслед:

— Я скоро присоединюсь.

Мы соглашаемся поставить еще один фильм. На этот раз это экшн, который должен понравиться Карлосу. Через десять минут после начала, моя мама зевает.

— Я хоть и моложе твоего отца, Киара, но я тоже уже не могу оставаться долго после

полуночи. Я иду спать. — Она поднимается, но перед тем, как завернуть за угол, она останавливает фильм и грозит нам пальцем. — Доверие и уважение. — Говорит она осторожно подобранные слова и кидает пульт Карлосу, перед тем, как скрыться из виду.

— Твоя мама точно знает как убить настроение, — говорит Карлос, растягивая слова.

Мы продолжаем смотреть фильм, и несколько раз я бросаю взгляд на Карлоса. Я вижу, что он внимательно смотрит фильм, судя по его расслабленной позе, по сравнению с тем, каким напряженным он обычно выглядит.

Один раз он ловит мой взгляд.

— Хочешь воды? — спрашивает он.

— Да.

Он исчезает на кухне и через несколько минут возвращается с двумя стаканами воды со льдом.

В комнате темно, за исключением тусклого свечения, исходящего от телевизора. Наши пальцы соприкасаются, когда он передает мне стакан. Я не знаю, почувствовал ли он это, но я не могу игнорировать ответ моего тела на мягкое прикосновение его руки к моей. Это совсем не так, как это было утром после игры, где мы делали это только на показ.

Он колеблется, наши взгляды встречаются. Тут темно, и мы одни, и я ничего не хочу больше, чем сказать ему, что хочу его руки на мне, повсюду, хоть он уже и сказал, что моя мама убила настроение.

Доверие и уважение. Я доверяю Карлосу, он не сделает мне больно физически, но не морально. Я разрываю связь и подношу стакан к губам и пью ледяную воду, потому что меня так и подмывает попросить его снова меня поцеловать и заставить забыть обо всех последствиях.

Не говоря ни слова, он устраивает свое подтянутое тело на диване. Наши колени почти соприкасаются, и хоть фильм все еще идет, все, о чем я могу думать, это он.

Главный герой застревает на каком-то складе с красивой блондинкой. Он подозревает, что она может быть с плохими парнями, но не может устоять и они начинают целоваться.

Карлос ерзает на месте, прочищает горло и делает глоток воды. Затем еще один. И еще.

Может эта сцена напоминает ему о моей детальной фантазии о нас. Я делаю медленный, глубокий вдох и пытаюсь сконцентрировать внимание на фильме, а не на том, что теперь наши колени точно соприкасаются.

Через некоторое время я смотрю на него. Он выглядит спящим, но я не уверена.

— Карлос? — говорю я неуверенно.

Он открывает глаза, в их темной глубине отражается свет телевизора. В них четко видны страсть и желание.

— А?

— Ты спал?

Он ухмыляется.

— Нет. Ничего подобного. Я просто пытался убедить себя не распускать на тебя руки.

Забыв о фильме, я откидываю все свои страхи в сторону и решаю испытать то, что происходит между нами. Я встаю с дивана, закрываю дверь и запираю ее, позволяя нам уединиться.

— Ты заперла дверь, — говорит он.

— Я знаю.

Я не умею красиво управлять словами, и даже если бы попыталась сказать что-нибудь, я бы начала заикаться и все испортила. Если я не могу ему сказать что я чувствую, я точно могу ему это показать. Внезапно, я понимаю, что я доверяю этому парню, даже если он не доверяет сам самому.

Садясь на диване рядом с ним на колени, я медленно поднимаю трясущуюся руку к его лицу. Мои пальцы чертят произвольные линии на его слегка колючей щеке. В ответ у него перехватывает дух.

— Киара...

Я кладу пальцы на его красивые полные губы, прерывая его.

— Шшш.

— Мы... собираемся... попасть... в... неприятности? — спрашивает он.

Я наклоняюсь вперед. Чем ближе мои губы к его, тем тише звучат его слова. Я перемещаю ладони к нему на грудь и опираюсь на его сильное тело, двигаясь ближе. И ближе. Я чувствую теплоту его дыхания, смешивающегося с моим и не могу больше сдерживаться.

— В кучу неприятностей, — отвечаю я. Я знаю, что не могу надеяться на то, что стану его постоянной девушкой, но я хочу показать ему близость с настоящими чувствами.

Когда я, всего на долю секунды, прикасаюсь к его губам своими, он издает тихий стон. Его сердце колотится как бешеное у меня под ладонями. Сладкий звук наших отстраняющихся и снова соприкасающихся вместе губ, заставляет мои внутренности плавиться. Он позволяет мне взять контроль в свои руки, не прикасаясь ко мне, но каждый раз, как я опускаю свои губы на его, чтобы отстраниться через пару секунд, он начинает дышать все тяжелее.

— Позволь мне попробовать тебя на вкус, — шепчет он.

Следующий раз, когда я опускаю голову, я нежно целую его несколько раз, и затем набираюсь смелости открыть рот и углубить поцелуй. Наши языки встречаются и меня пронзает потоком энергии, я чувствую все, влажность и мягкость и, ох, я хочу большего.

Звук телевизора просто шум на фоне.

Он берет мою голову в руки и заставляет меня посмотреть в его темные, сексуальные глаза, наполненные желанием и страстью.

— Ты играешь в опасную игру, chica.

— Я знаю. Но я тебе доверяю.

Глава 37

Карлос

Ее слова раздаются эхом у меня в голове. "Я доверяю тебе". Она первая девчонка, которая сказала это мне.

Даже Дестини сказала, когда мы только познакомились, что мне придется заслужить ее доверие, потому что думала, что я был бабником. И тут Киара, девчонка, которая знает, что я никогда не буду ее рыцарем в блестящих доспехах, без колебания дарит мне свою веру. Она сидит на мне сверху, ее губы все еще мокрые от наших поцелуев. Она сусмасшедшая, если думает, что я сделаю правильное решение.

Я все еще держу в руках ее лицо. Я слишком уважаю эту девчонку, чтобы врать ей.

— Не доверяй мне.

Ее щеки розовеют, она тянется назад и снимает резинку с ее волос.

— Я ничего не могу с этим поделать.

Она встряхивает свои волосы. Тяжелой завесой, они спадают по ее плечам, останавливаясь чуть выше ее груди. Я в жизни не видел ничего более сексуального, а она еще даже не раздета.

Еще даже? О чем я думаю? Я не собираюсь ее раздевать. Я хочу. Черт, как бы мне хотелось содрать с нее одежду и изучить каждый изгиб ее тела глазами и руками. Мое тело кричит мне "Вперед! Ты хочешь этого. Она хочет этого. В чем проблема"?

Проблема в этом гребаном слове... доверие.

Она мне доверяет.

Я крепко сжимаю глаза. Что мне нужно ей сказать, чтобы доказать ей, что я плохой парень, и

она это знает?

Это глупо с ее стороны доверять мне. Я воспользуюсь ею каждый раз, как смогу, но как ей это доказать?

Знание того, насколько я готов перенести это на следующий уровень может ее испугать. Я протягиваюсь вперед и хватаю ее за задницу, прижимая ее к себе так, что не остается никакого сомнения в моих намерениях.

Проблема в том, что она начинает двигаться вместе со мной. Черт. Это не хорошо. Вся сила точно в ее руках. Я сражаюсь за остатки контроля, но сейчас я точно его потерял.

Я придвигаю ее еще ближе и прижимаю свое тело к ее, мои руки пробегают вверх и вниз по ее спине.

Наше тяжелое дыхание наполняет комнату. Я рад, что фильм еще идет, маскируя все звуки, исходящие от нас.

Я отстраняюсь и всматриваюсь в ее лицо.

— Тебе надо остановиться прежде, чем мы зайдем слишком далеко, потому что я не смогу.
— Я игнорирую тот факт, что мы и так уже зашли слишком далеко, и она ни капельки не выглядит готовой остановиться.

Она замирает и прижимается своей щекой к моей.

— Я девственница, — шепчет она мне в ухо, как будто это секрет, которым она делится только со мной.

О, черт.

Я откидываю голову на спинку дивана и говорю ей правду.

— Ты ведешь себя совсем не как девственница.

— Это потому, что я с тобой, Карлос. Только ты делаешь это со мной.

Смена главенства. Ей не следовало этого говорить. Теперь я знаю, что контроль в моих руках, может не в физическом плане, но в эмоциональном точно. Позволяя мне доминировать не самый умный шаг с ее стороны.

Я веду эту девчонку в опасную зону, но я привык проводить в ней большую часть своей жизни. Мои руки на ее талии так и чешутся.

— Сними свою футболку, chica.

Она опускает руки к краям футболки. Я задерживаю дыхание от предвкушения того, что я увижу под ней. Я поднимаю глаза к ее лицу, ее взгляд полон неуверенности и чего-то еще, что я отказываюсь принимать.

Одним поспешным движением она снимает свою безразмерную футболку через голову и открывает тело, за которое многие бы убили или умерли. Или и то и другое.

— У меня не такое тело, как у Медисон, — говорит она стесняясь, она скрещивает руки на груди, пытаюсь закрыться.

— Что?

— Я не худышка.

Худышка для меня равняется подделке или доске. Мне нужна девушка у которой было бы за что подержаться, и не бояться ее сломать.

Я нежно отвожу ее руки и придерживаю их мягко по бокам. Я отклоняюсь назад и пялюсь, абсолютно ошарашенный, на ее розовый лифчик, скромно прикрывающий ее груди. Ей нечему стесняться. У этой девчонки все при себе и она понятия не имеет, что ее тело гораздо лучше, чем у Медисон. У Киары изгибы там, где и должны быть, и у меня появляется огромное желание гладить и запомнить каждый ее сантиметр.

— Eres hermosa... ты красавица.

Она опускает глаза.

— Посмотри на меня, chica. — И когда она снова поднимает на меня взгляд, я повторяю: — Eres hermosa.

— Что это значит?

— Ты красавица.

Она наклоняется вперед и прикасается своими губами к моим легким, как перышко, поцелуями.

— Твоя очередь, — шепчет она, затем прикусывает губу в ожидании того, как я избавлюсь от своей футболки.

Я незамедлительно откидываю мою футболку в сторону.

— Могу я до тебя дотронуться? — спрашивает она, как будто в этот момент не владеет моим телом полностью.

Я беру ее руку в свою, и подношу к своей обнаженной коже. Когда я ее отпускаю, чтобы она сама исследовала меня, ее пальцы начинают медленно двигаться вверх и вниз по моей груди.

Каждое прикосновение обжигает меня изнутри, и когда ее пальцы останавливаются на моих джинсах и пробегают по татуировке, выглядывающей из-под них, я почти кончаю.

— Что здесь сказано? — спрашивает она, проводя по ней пальцем.

— Мятежник, — отвечаю я. Я снова запускаю пальцы ей в волосы и притягиваю к себе.

Мне нужно еще раз попробовать ее на вкус. Мне нужно ощутить ее мягкие губы на своих. Мы начинаем целоваться как будто это наш первый и последний раз, наши языки и дыхание переплетаются в почти отчаянном танце.

Пока она продолжает свое исследование, я фокусирую все свое внимание на ней. Я стягиваю лямки ее лифчика, пока они не спадают вниз по ее рукам. Она отклоняется назад, и я не могу представить себе более сексуальной картины или более сексуальной девушки, чем та, что сейчас сидит на мне. Мой пульс учащается в горячем предвкушении, когда я отодвигаю шелковый материал в сторону.

Когда мои руки дотрагиваются до ее талии, ее пальцы замирают, я поднимаю руки выше, ни на секунду не прерывая контакта с ее кожей, пока большими пальцами не прикасаюсь к изгибам ее груди. Ничто не могло подготовить меня к волне эмоций, пробегающей по мне сейчас, когда я смотрю в сияющие глаза Киары.

— Я думаю, что влюбляюсь в тебя, — говорит она так мягко, это может быть просто моим воображением, но затем я слышу выстрелы.

Паф! Паф! Паф!

В бешеной панике, я кидаю Киару на диван и ложусь сверху, закрывая ее своим телом от опасности.

Ничего не понимая, я поднимаю голову. Стоп, в комнате нет никого кроме нас. Что за черт?

Я смотрю на телевизор и вижу героя фильма, стоящего у тела мужчины с ранением в груди. Я слышал выстрелы из телевизора.

Я смотрю вниз на ошарашенную, испуганную, полуобнаженную Киару.

— Извини, — говорю я, слезая с нее и передвигаясь на другую сторону дивана. — Извини. Это был всего лишь телевизор. — Мое сердце бьется в груди быстрее, чем барабан на рок концерте. Если бы я услышал выстрелы, я бы сделал все, чтобы защитить ее жизнь. Даже если бы пришлось, пожертвовал своей.

Мысль о том, что я могу потерять Киару, так же как я потерял отца и почти потерял Алекса, просто невыносима. Я практически задыхаюсь от одной только мысли.

Черт.

Я нарушил свое первое правило: эмоционально ни к кому не привязываться.

Что случилось с тем, чтобы просто хорошо проводить время с девчонками, которым не

нужно ничего больше? Слова 'amor' или его эквивалента 'любовь' нет в моем словаре. Я не могу быть чьим-то парнем. Не стучите в мою дверь, если хотите любви и обязательств. Мне нужно убираться отсюда, пока я не повяз.

— Все okay. — Она садится и наклоняется ко мне, ее тело слишком близко. Я не могу думать, когда чувствую, как теплота ее тела проникает в меня. Я чувствую загнанным в ловушку. Нужно убираться отсюда.

Я мягко отстраняю ее от себя, образуя дистанцию между нами.

— Нет, все не okay. Это не okay. — Моя реакция на выстрелы возвращает всему перспективу. Я не могу сделать это с Киарой. Я закрываю ладонями глаза и раздраженно вздыхаю. — Прикройся, — говорю я, поднимая ее футболку.

Кидая ей ее безразмерную футболку, я убеждаю себя не встречаться с ней глазами. Я не хочу видеть боль в ее глазах и знать, что это моя вина.

— Я ххххотела эттого, — она заикается дрожащим голосом, — и ттты тттоже.

Черт. В ней столько эмоций, что она и слова из себя выдавить не может.

Будет лучше, если она будет меня ненавидеть, а не любить.

— Ага, ну, я хочу девчонку, которая в стогу со мной валялась бы, а не признавалась мне в любви.

— Я ннне...

Я поднимаю руку, останавливая ее. Я знаю, что она собирается сказать, что она никогда не думала, что это перерастет во что-то большее.

— Ты сказала, что влюбляешься в меня, и это последнее, что хочет услышать такой парень, как я. Признайся, Киара, такие девчонки, как ты, хотят отрезать яйца пацану и повесить их на зеркало заднего вида в своей машине.

Я мямлю, как последний *pendejo*[71], слова льются из моего рта рекой, и я даже не думаю о том, что говорю. Я знаю, что делаю ей больно каждым словом. Это практически убивает меня, но ей нужно знать, что я не буду тем, кто поймает ее, когда она упадет. Мне еще надо разделаться с Делвином, и я вполне могу не выйти из этого живым. Последнее, чего я хочу для Киары, это оплакивать того, кто не заслуживал ее любви с самого начала.

— Мы можем остаться друзьями... — говорю я ей.

— Друзья, которые валяются в стогу безо всяких эмоций?

— Да, что в этом плохого?

— Я хочу большего.

— Не получится. Хочешь большего, иди найди себе другого слизняка. — Я направляюсь к двери, мне нужно уйти отсюда побыстрее, прежде чем я упаду перед ней на колени и буду умолять вернуться в ее объятия и закончить то, что мы начали. Уходя, я пытаюсь выкинуть все картины с ее изображением из своей головы. Фигушки этому случиться даже в ближайшем будущем.

Я сажусь на кровать в своей комнате. Пытаться уснуть сейчас будет невозможно, этому сегодня не бывать. Я качаю головой, пытаюсь понять, как я вляпался в это.

Оставить ее в той комнате, было самым самоотверженным поступком, что я совершил с тех пор, как приехал в Колорадо.

И я чувствую себя за это, как последнее дерьмо.

Глава 38

Киара

Я сижу на веранде и перебираю в голове то, что сегодня случилось. Сколько бы я ни говорила себе, что наши с Карлосом отношения не перерастут ни во что большее, я все же

надеялась на обратное. Я точно знала, что делала, и тот факт, что все мои надежды разлетелись вдребезги, открыло мне, наконец, глаза на то, что Карлос прав. Он не тот парень, с кем можно построить серьезные отношения. Он хочет девчонку, которая бы обнажалась для него безо всяких обещаний и признаний.

Он хочет такую девушку, как Медисон.

Я выставила себя сегодня последней идиоткой. Было глупо рассчитывать на то, что если я поделюсь с ним своим телом, он изменит свое мнение. Я что думала, что великолепная физическая связь между нами может заставить его хотеть постоянные отношения со мной? По правде говоря, я так и думала.

Когда мы сегодня целовались, это было что-то нереальное. Это было было так, как я надеялась, ожидала и желала. Как только он взял мое лицо в руки, я была в раю. Я знала, что все то, что у меня было или могло бы быть с Майклом, никогда не сможет сравниться по интенсивности с тем, что происходило между мной и Карлосом.

Теперь все это разбито, потому что Карлос оттолкнул меня. После этого, мой язык разбух у меня во рту, и я не могла выжать из себя ни единого слова, не запнувшись.

О, и я просто сгораю от стыда. Как я собираюсь смотреть ему в глаза утром? Хуже того, как я буду смотреть в глаза себе?

Глава 39

Карлос

Я умудрился-таки заснуть на пару часов прошлой ночью. Когда солнце будит меня с утра, я издаю стон, перекачиваясь на другой бок и пытаюсь снова уснуть. Это тяжело, потому что вся комната выкрашена в цвет чертового солнца. Следующий раз, как я попаду в магазин стройматериалов, нужно будет прикупить черной краски и перекрасить это место под цвет моего настроения.

Я ложусь на бок и закрываю подушкой лицо. Когда я снова просыпаюсь, уже десять.

Я звоню маме, потому что мне просто хочется еще раз услышать ее голос. Она говорит, что пытается купить к нам билеты, и я слышу в ее голосе воодушевление, которого не слышал уже несколько лет. Это напоминает мне, что я обещал миссис У помочь с ее магазином сегодня. Я отправлю маме все деньги, что заработаю, чтобы она добавила их к ее бюджету на поездку сюда.

После душа, я стучу в дверь Киары, но ее там нет, поэтому я спускаюсь вниз.

— Где Киара? — спрашиваю я Брендона, который играет в какую-то компьютерную игру в офисе профессора.

Он либо не слышит, либо игнорирует меня.

— Эй, гонщик! — кричу я.

— Что? — говорит Брендон, не поворачиваясь.

Я останавливаюсь рядом с ним и разглядываю игру, которой он так сильно увлечен. На экране группа картонных человечков гуляют в парке. В углу на экране написано: Товар: Кокаин 3 грамма, Марихуана 7 грамм.

— Что это за игра? — спрашиваю я.

— Торговая игра.

Этот пацан чертов кибер-диллер.

— Выключай, — говорю я.

— Почему?

— Потому что она глупая.

— Откуда ты знаешь? — Брендон смотрит на меня невинным взглядом. — Ты никогда в нее не играл.

— Играл, — только в реальной жизни. И только потому, что мне нужно было как-то выжить. Но у Брендона есть выбор в жизни, и ему не надо зарабатывать на жизнь продажей наркотиков. Не фиг ему играть в игру, стимулирующее это желание, когда он еще в детсаду.

— Выключай, Брендон, или это сделаю я. Я не шучу.

Он упрямо задирает подбородок и продолжает играть.

— Нет.

— В чем проблема? — спрашивает Уэстфорд, заходя в комнату.

— Карлос заставляет меня выключить игру. Папа, ты разрешил мне играть в торговую игру на твоём компьютере. Все мои друзья в нее играют.

Я показываю на Брендона.

— Ваш сын и его друзья кибер наркодиллеры, — говорю я его отцу.

Глаза Уэстфорда расширяются, и он торопится к экрану.

— Наркодиллеры? Брендон, во что ты играешь?

Я выхожу из комнаты, пока Уэстфорд объясняет Брендону, что незаконные наркотики это не товар. Затем он бубнит что-то о том, что родительский контроль на компьютере не может заменить настоящих родителей и ему следовало следить за сыном внимательнее.

Я выхожу на улицу и нахожу Киару, работающую над своей машиной, ее ноги торчат из двери со стороны водителя. Я наблюдаю за тем, как она работает вверх тормашками, с головой, засунутой под панель, и отверткой в руке.

— Нужна помощь? — спрашиваю я.

— Неа, — отвечает она, не поднимая глаз.

— Я могу проверить дверь, может смогу починить ее.

— Дверь в порядке.

— Нет, она сломана. Ты не можешь постоянно вот так ездить.

— Кто тебе сказал, что я не могу.

Я прислоняюсь к машине. И жду. И жду. Если она не вылезет оттуда через несколько минут, я собираюсь силком ее оттуда вытащить.

Уэстфорд выходит из дома.

— Киара, во сколько вы с Карлосом собираетесь поехать в ХоспиталиТи?

— Как только я скреплю этот кабель, пап. Но он не слушается.

— Тебе, скорее всего, нужно припаять его, — говорю ей я, но к этому моменту и так понятно, что она не хочет слышать никаких советов от меня.

— Дай мне знать, когда вы поедете, а пока, Карлос, можно тебя на два слова? — Он манит меня пальцем.

— В моем офисе.

Он не выглядит и не звучит довольным мной. По правде говоря, он и не должен. Прошлой ночью мои руки были полны его дочери.

По дороге в офис, я прохожу мимо Брендона, смотрящего по телевизору какой-то мультфильм.

— Что происходит? — спрашиваю я, садясь в офисе в кресло.

— Уж точно не это. — Он кидает мне мою вчерашнюю футболку. — Я нашел ее на полу в гостиной. Я так понимаю, вы вчера повесились.

Окей, значит, он знает, что мы целовались. Ну, хорошо хоть, что он не нашел лифчик Киары поверх моей футболки.

— Ну... вчера после того как вы с миссис У ушли спать, все как-то вышло из-под контроля, — говорю я ему.

— Я этого и боялся. Коллин и я верим в открытое общение с нашими детьми. И поскольку

ты не один из моих, на данный момент я несу за тебя ответственность, — профессор проводит рукой по лицу и вздыхает. — Я думал, что уже был готов к этому разговору. Когда-то я тоже был тинэйджером и делал то же самое в доме своих родителей. — Он поднимает голову. — Конечно, я был немного лучше в плане скрытия улик.

— Этого больше не случится, сэр.

— Чего не случится, того, что вы оставите улики или того, что ты будешь делать это под моей крышей с моей дочерью? И прошу тебя, перестань с этим «сэр». Мы не в армии.

— Это была я, кто вешался на него вчера, пап, — говорит Киара, появляясь в двери. — Это не было его виной.

Профессор кривится, когда говорит. — Для танго нужны двое. Но я не виню тут никого. Я просто обсуждаю. Мне бы хотелось, чтобы твоя мама была здесь для этого разговора. Вы, по крайней мере, использовали, эм, защиту?

Киара издает стыдливый стон.

— Пап, мы не занимались сексом.

— Ох, — говорит он, — Нет?

Я мотаю головой.

Не могу поверить, что я посреди этого разговора. Мексиканские отцы не разговаривают на эти темы, особенно с парнями, которые делают это с их дочерьми. Они сначала этим парням задницу надирают, а потом задают вопросы. И в итоге, запрещают дочерям ходить куда-либо без присмотра. У них нет этой фигни про «открытое обсуждение».

Я чувствую как будто я на каком-то ТВ шоу для белых и не знаю, что мне тут надо говорить. Я также не привык к отцу, желающему разговаривать об этом. Это нормально, или это только случается с отцами психологами, которые пытаются залезть к нам в мозг?

— Я не так глуп, чтобы думать, что я могу предотвратить то, что вы двое... делаете, — продолжает Уэстфорд. — Но я вношу новое правило: никаких больше обезьяньих дел под моей крышей. Если это станет для вас немного сложнее, может вы сделаете более правильный выбор. И, как твой отец, Киара, и как твой опекун, Карлос, я советую вам оставаться девственниками до свадьбы. — Он отклоняется назад в кресле и улыбается нам, довольный своим последним предложением. Плохо только то, что, по крайней мере, для меня это поздновато.

— А вы были девственником, когда женились? — спрашиваю я, подкалывая его.

Его улыбка сразу исчезает.

— Да, эм, ну, эм... когда я был молод, были другие времена. Нынешние подростки более умны и образованы. Появились неизлечимые болезни... и опасности для обоих партнеров, если вы не в серьезных, моногамных отношениях. — Он грозит нам пальцем. — И не забудьте о Б-слове.

Я не могу удержаться от смеха. Perdón?[72] .

— Б-слово?

— Беременность! — Профессор сужает на меня глаза. — Я не готов стать дедушкой еще долгое, долгое время.

Я думаю о моей маме, которая забеременела Алексом, когда ей было семнадцать. Mi'amá заставила меня пообещать, что я всегда буду использовать презервативы, если когда-либо буду пересекать эту черту с девушкой - она никогда не хотела, чтобы один из ее сыновей оказался в том же положении, что и она с моим отцом. Черт, она даже подсовывала презервативы в мой шкафчик с нижним бельем в качестве напоминания.

Прошлая ночь испугала меня до чертиков. Потому что, если обычно я четко помню о защите себя и девчонки, с которой я нахожусь на данный момент, я не могу сказать, что прошлой ночью я бы смог остановиться, даже учитывая то, что у меня не было при себе презерватива.

И я даже не пил. Если бы меня не напугали вчера выстрелы из телевизора, мы с Киарой разговаривали бы с профессором сейчас на совершенно иную тему.

— Пап, мы знаем обо всем этом, — встревает Киара.

— Ну, напоминание не повредит, учитывая то, что я нашел на полу футболку Карлоса сегодня утром.

Когда я поднимаю футболку вверх, чтобы показать, что он имеет в виду, Киара выдавливает удивленное:

— Ох.

Уэстфорд смотрит на часы на его столе.

— Пора пойти с Бренденом погулять, пока он не выработал себе телевизионную зависимость. — Он протягивает вперед ладони, как будто собирается мне что-то предложить. — Карлос, мы поняли друг друга, так?

— Ага, — говорю я, — Вы не против того, чтобы мы кувыркались в стогу, пока это не происходит под вашей крышей, и вы не знаете об этом.

— Ты шутишь со мной. Ты шутишь, так?

— Может быть.

Киара заходит в комнату.

— Пап, он пошутил.

Профессор отсчитывает каждое слово на пальцах, пригвоздив меня взглядом.

— Не забудьте... 1) серьезные, 2) моногамные отношения, 3) не под моей крышей, и 4) доверие.

— И не забудьте 5) Б-слово, — напоминаю я.

Он кивает.

— Да. Б-слово. Один день в армии, Карлос, выбил бы из тебя весь этот сарказм.

— Плохо, что я не собираюсь туда записываться.

— Действительно плохо. Если бы ты записался и вложил бы в то, чтобы быть хорошим солдатом хотя бы половину той энергии, которую ты вкладываешь в свое наглое поведение, ты бы далеко пошел. Мне так и хочется засунуть в твою стирку что-нибудь красное, чтобы твои трусы стали розовыми. Это было бы неплохим напоминанием о нашем сегодняшнем разговоре.

Я пожимаю плечами.

— И ладно. Я не ношу трусов, — вру я.

— На выход, умник, — приказывает он, выгоняя нас за дверь. Я думаю, что вижу, как приподнимается уголок его рта, изумленный моим ответом, но он быстро это маскирует.

— Вы оба, вон из моего офиса. И пускай этот разговор останется между нами. А теперь отправляйтесь в ХоспиталиТи. Моя жена собирается загрузить вас сегодня работой. И не останавливайтесь по пути, — кричит он, когда мы уже в коридоре. — Я позвоню туда через пятнадцать минут, чтобы удостовериться, что вы приехали.

Глава 40

Киара

— Послушай, chіca... — говорит Карлос, пока мы едем к маме в магазин несколько минут спустя.

Мои руки сжимают руль.

— Не зови меня так больше, — отвечаю я.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя звал?

Я пожимаю плечами.

— Мне все равно. Только не chіca. Я протягиваюсь вперед, чтобы включить свое стерео, но

вспоминаю, что оно все еще не работает. Я сжимаю руль еще сильнее и концентрируюсь на дороге впереди, даже когда мы останавливаемся на светофоре.

Карлос поднимает руки.

— Что ты хочешь от меня? Ты хочешь, чтобы я врал тебе, ты этого хочешь? Окей, Киара, я буду тебе врать. Я ничто без тебя, Киара. Киара, только тебе принадлежит мое сердце и душа. Киара, когда тебя нет рядом, я чувствую, что жизнь не имеет смысла. Я люблю тебя, Киара. Это то, что ты хочешь услышать?

— Да.

— Никакой парень, кто это говорить, не делает это на полном серьезе.

— Уверена, что твой брат постоянно говорит это Бриттани на полном серьезе.

— Это потому, что он потерял рассудок. Я думал, что ты единственная девчонка, на которую не действует мое дерьмо.

— Оно и не действует. Считаю, что мое желание иметь тебя в качестве своего настоящего парня, было просто ошибкой в суждении, — говорю я. — Но это прошло. Я больше ничего от тебя не жду, и я поняла, что ты вообще не в моем вкусе. Кроме того, — продолжаю я, глянув на него, — я вполне возможно, позвоню Майклу. Он хотел встретиться снова.

Карлос запускает руку в мою сумку и вытаскивает мой телефон из кармашка. Я пытаюсь его перехватить, но он слишком быстр.

— Что ты делаешь?

— Концентрируйся на дороге, Киара. Ты же не хочешь, чтобы мы попали в аварию потому, что ты не обращала внимания, так?

— Положи его обратно, — приказываю я.

— Положу. Мне просто надо кое-что проверить.

На следующем светофоре я протягиваюсь и вырываю телефон из его рук. Я читаю сообщение, которое Карлос отправил Майклу. «Иди на х».

— О нет, ты это не отправил.

— Отправил. — Он отклоняется назад, выглядя абсолютно довольным собой. — Можешь позже меня поблагодарить.

Поблагодарить его? Поблагодарить его! Я останавливаюсь на обочине и замахиваюсь своей сумкой, целясь прямо ему в голову.

Он хватает сумку прежде, чем она его ударяет.

— Не говорит мне только, что ты на самом деле собиралась снова встречаться с этим неудачником.

— Я больше не знаю, чего хочу.

Я возвращаю машину на дорогу и еду к маме в магазин. Припарковавшись, я выхожу, не дожидаясь Карлоса.

— Киара, подожди. — Кряхтит Карлос, вылезая из окна. Я слышу, как от бежит, пытаюсь меня догнать. — Я почищу эту гребаную дверь, даже если это будет последнее, что я сделаю. — Он запускает руку себе в волосы. — Послушай, если бы все было по-другому...

— Что было по-другому?

— Это сложно объяснить.

Я отворачиваюсь. Если он не хочет мне говорит, нет смысла спорить.

— Привет, ребята! — приветствует нас мама у входа в магазин, поэтому наш разговор обрывается.

— Киара, я достала чеки с прошлого месяца и прошедшей недели. Перебери их. Карлос, пойдем со мной.

Пока я сижу в офисе, перебирая чеки и сверяясь с книгами, я слышу, как мама объясняет

Карлосу, как нужно разделять рассыпные чаи, которые только что доставили.

Около часа дня, мама заглядывает в офис и зовет меня в комнату для отдыха на обед. Моя мама совершенно не замечает напряжения, витающего в воздухе, пока мы все рассаживаемся. Она думает, что все должны быть счастливы и постоянно полны энергии, поэтому я размышляю над тем, когда же она заметит, что уровень счастья в комнате сильно понижен.

— Я купила это у Тедди, забегаюлки напротив, — говорит она, доставая еду из пакета.

— Что это? — спрашивает Карлос, когда она протягивает ему одну.

— Органический веган дог.

— Что за веган дог?

— Вегетарианский хот дог, — объясняет она. — В нем нет животных продуктов.

Карлос неуверенно разворачивает свой хот дог.

— Здоровая пища тебя не убьет, Карлос, — говорит мама. — Но если тебе это не нравится, я могу пойти купить тебе что-нибудь другое.

Я начинаю жевать свой веган дог. Я не против есть всю ту здоровую еду, что делает мама, но время от времени, меня тянет на обработанные пищевые продукты.

Карлос откусывает свой.

— А он ничего. К нему нет картошки фри?

Я почти смеюсь, когда мама достает из пакета картошку фри оранжевого цвета.

— Это зажаренная сладкая картошка. С кожурой, чтобы есть побольше волокон. Если я не ошибаюсь, я думаю, тут также есть жирные кислоты омега3.

— Мне нравится есть, не думая о том, что внутри, — говорит Карлос, наяривая.

Мама наливает нам стаканы чая со льдом из большого кувшина, который она приготовила для нас. — Тебе нужно обращать внимание на то, что попадает в твой организм, Карлос. Например, в этом чае смешаны асай, экстракт апельсиновой корки и мята.

— Мам, ешь, — говорю я ей. А то она начнет читать нам лекцию об антиоксидантах и корнях.

— Окей, окей. — Она достает свой хот дог и начинает есть. — Как вам вчерашний фильм?

— Нормально, — отвечаю я, надеясь, что она не спросит о деталях, потому что я понятия не имею, о чем был фильм.

Она берет картошку и откусывает кусочек.

— Мне показалось, что в нем было много насилия. Мне не очень нравятся такие фильмы.

— Мне тоже, — говорю я. Карлос молчит. Я чувствую на себе его взгляд, но не поднимаю голову, фокусируя мое внимание на чем угодно, кроме него.

Айрис, одна из работниц моей мамы по выходным, открывает дверь в комнату отдыха.

— Коллин, тут одна из клиенток спрашивает про тебя. И по ее виду, она торопится.

Моя мама доедает свой хот дог.

— Долг зовет.

Я поднимаюсь, чтобы тоже уйти, но Карлос останавливает меня, хватая за запястье. Боже, как бы мне хотелось, чтобы он притянул меня к себе и сказал, что вчера сделал ошибку. Что то, что происходит между нами не должно быть ничем сложным.

— Я хочу, чтобы ты знала, что это не ты. Я так сильно не хотел быть с девчонкой со времен... — Он замолкает и отпускает мою руку.

— Со времен?

— Это не важно.

— Мне важно.

Он колеблется, как будто не хочет произносить ее имя. Когда, наконец, он говорит

«Дестини», он не скрывает, что у него к ней все еще есть чувства. Ее имя слетает с его языка, как будто он наслаждается каждой его буквой.

Я однозначно ревную. Мне никогда не сравниться с Дестини. Карлос все еще ее любит.

— Я поняла.

— Нет, ты не поняла. Прошлая ночь испугала меня до чертиков, Киара. Потому что я чувствовал что-то, чего не чувствовал ни с кем, кроме...

— Кроме Дестини, — заканчиваю я.

— Я больше никогда не позволю себе так сильно влюбиться в девчонку.

— Я все еще должна притворяться в школе, что встречаюсь с тобой?

— Еще пару недель, пока Медисон не найдет себе кого-нибудь еще. — Он смотрит на меня.

— Потом мы придумаем какую-нибудь причину нашего разрыва. У нас же договор, так?

— Ага.

В офисе мамы я смотрю на щеки передо мной. Номера плывут. Откидывая карандаш в сторону, я закрываю руками лицо и вздыхаю.

Я была такой душой вчера, сказав Карлосу, что влюбляюсь в него. Я точно отпугнула его. Всю свою жизнь, до настоящего момента, я сдерживала себя. И тут я встречаю Карлоса, парня, который заставляет меня желать стремиться вперед и никогда ни в чем не раскаиваться.

Когда он играл с моим братом в футбол, и я видела проблески великодушия, которым он одаряет только тех, кто, по его мнению, его достоин. Я знала тогда, что в отношении Карлоса, все совсем не так просто, как кажется.

В конце дня я нахожу его в задней комнате, осторожно отмеряя различные ингредиенты для специальных смесей моей мамы.

— Я придумала причину нашего разрыва, — говорю я.

— Я весь внимание.

— Потому, что ты все еще влюблен в Дестини.

Его пальцы замирают.

— Выбери что-нибудь еще.

— Например?

— Не знаю. Что угодно. — Он возвращает ингредиенты обратно на полки. — Я пойду в мастерскую, чтобы поговорить с Алексом. Скажи своим родителям, что я буду дома позже.

— Я могу тебя отвезти, — говорю я. — Я тоже сейчас уйду.

Он мотает головой.

— Я хочу прогуляться. — Я наблюдаю, как несколько минут спустя, он выходит из магазина, оставляя меня размышлять над тем, если на самом деле, он просто хочет как можно скорее убраться подальше от меня.

Глава 41

Карлос

Когда я отхожу достаточно далеко от магазина, я достаю телефон, который мне дала Бриттани.

Я набираю номер Девлина и жду.

Как только я слышу, как он поднимает трубку, я говорю:

— Это Карлос Фуэнтес. Ты хотел моего внимания, ты его получил.

— А, Сеньор Фуэнтес. Я ждал того момента, когда вы со мной свяжетесь, — отвечает мне бархатный голос по другую сторону телефонной линии. Должно быть, Девлин.

— Что тебе от меня надо? — спрашиваю я, сразу давая ему понять, что я не шутки шучу.

— Я просто хочу поговорить.

Я продолжаю идти, пока говорю, потому что у меня возникает ощущение, что люди этого прикурка следят за мной.

— Ты не мог это сделать без принуждения Ника Гласса, подставить меня?

— Мне нужно было привлечь твоё внимание, Фуэнтес. Но раз теперь я его получил, пришло время встретиться.

Мое тело напрягается. Хочу я встретиться с Девлином или нет, это всё равно случится.

— Когда?

— Как насчёт сейчас?

— У меня кто-то на хвосте из твоих людей? — спрашиваю я, зная ответ ещё до того, как задал вопрос.

— Конечно, Фуэнтес. Я бизнесмен, а ты мой новый ученик. Мне нужно держать тебя в поле зрения.

— Я не соглашался ни черта для тебя делать, — говорю я.

— Нет, но ты согласишься. Мне говорили, что ты обладаешь всеми нужными мне качествами.

— От кого?

— Маленький Герреро мне нашептал, скажем так. Хватит базара. Увидишь одного из моих парней на машине, садись внутрь.

— Откуда я знаю, что это будет один из твоих?

Девлин смеётся.

— Ты узнаешь.

Связь обрывается. Несколько минут спустя, чёрный джип с тонированными стеклами останавливается прямо передо мной. Когда открывается дверь, я делаю глубокий вдох. Я готов встретиться с тем, что внутри. Неважно, что всё в моей семье об этом думает, это моя судьба.

Я проскальзываю на заднее сиденье и узнаю Диего Родригеза, сидящего рядом со мной,

Герреро, который всегда крутился в настолько высоких кругах, что о нём обычно много говорили и редко видели. Я киваю и задумываюсь о том, что он делает с Весом Девлином. Я знаю, что некоторые парни считают себя гибридами и прыгают от одной банды к другой, но я никогда раньше не видел никого, кто бы был настолько важен в организации, чтобы иметь возможность такое проворачивать безо всяких последствий для себя.

— Давно не виделись, — говорит Родригез. В машине также присутствуют двое белых парней, выглядящих как бодибилдеры или, по крайней мере, так будто натренированы надирать задницы.

Они тут точно в качестве охраны кого-то, и этот кто-то точно не я.

— Где Девлин? — спрашиваю я.

— Вы скоро встретитесь.

Я смотрю в окно, пытаюсь понять, куда мы направляемся, но безуспешно. Я не имею понятия, где мы и оказываюсь полностью в руках этих трёх. Интересно, что Киара подумала бы, узнав, что я был в машине в компании нескольких головорезов. Она, скорее всего, сказала бы мне, что не стоило садиться в машину с самого начала. Одно я знаю точно, я ни на секунду не собираюсь терять бдительность.

Мысли о потере бдительности, возвращает меня к Киаре. Прошлой ночью, когда я держал её в своих руках и чувствовал пальцами теплоту её кожи, я полностью потерял контроль. Черт, я был готов принять всё, что она бы предложила, не задумываясь о последствиях.

— Приехали, — говорит Диего, отвлекая меня от мыслей о Киаре и том, что могло бы случиться.

Мы подъезжаем к большому дому с цементными стенами, окружающими территорию. Нас

пропускают внутрь.

Диего проводит меня сквозь массивную входную дверь и ведет в огромный офис, которому позавидовал бы директор любой компании.

За столом из темного дерева сидит блондин, одетый в темный костюм со светло-синим галстуком под цвет его глаз, и я знаю, что это Девлин. Он жестом указывает на стул напротив его стола, предлагая мне сесть. Когда я не подчиняюсь, два огромных парня, с которыми я приехал сюда, становятся по обе стороны от меня.

Я нахожусь на опасной территории, но не поддаюсь страху.

— Убери своих натренированных собак от меня, — говорю я ему. Взмахом руки, Девлин приказывает им отойти, что немедленно они исполняют, становясь у двери. Интересно, сколько он им за это платит.

Диего все еще в комнате, молчаливая правая рука. Девлин отклоняется в кресле, рассматривая меня.

— Значит, ты Карлос Фуэнтес, тот о ком я так много слышал от Диего. Он говорит, что ты сбежал от Геррерос дель баррио. Смелый шаг, Карлос, даже притом, что если ты ступишь хоть шаг обратно в Мексику, ты будешь мертв.

— Так вот о чем все это? — спрашиваю я. — Если ты связан с Геррерос и они сказали тебе убрать меня, зачем заставляя Ника меня подставить?

— Потому что мы не собираемся тебя убирать, Фуэнтес, — встревает Диего. — Мы собираемся использовать тебя.

Эти слова заставляют меня желать ответить чем-то вроде того, что никто не будет меня контролировать или использовать, но я сдерживаю себя. Чем больше они говорят, тем больше у меня будет информации.

— Правда в том, Фуэнтес, — говорит Диего, — мы собираемся сделать тебе одолжение и не отправим тебя по кускам обратно Герреро, за это ты сделаешь одолжение нам и будешь нашим раскладчиком.

Раскладчик. Он имеет в виду, что я буду их новым уличным дилером, и если меня поймают, я безоговорочно приму за них удар. Наркота в моем шкафчике была просто тестом, чтобы проверить, выдам ли я Ника. Если бы я его сдал, меня бы считали треплом, и я был бы уже в морге. Я доказал им, что я не стукач, поэтому теперь я ценный груз. Это напоминает мне об игре Брендона, только вот эта игра может оказаться с летальным исходом.

Девлин наклоняется вперед.

— Скажем так, Фуэнтес. Ты работаешь с нами, и тебе не о чем будет волноваться. Кроме того, ты будешь при деньгах. — Он достает конверт из ящика стола и подвигает его ко мне. — Взгляни-ка.

Я поднимаю конверт. Внутри лежит пачка стодолларовых купюр — тут больше денег, чем я когда-либо держал в своих руках. Я кладу конверт обратно на стол.

— Бери, это твое, — говорит Девлин. — Считай это дегустацией того, что ты можешь заработать со мной в течение недели.

— Значит семья Девлин вступила в союз с Геррерос? И когда это случилось?

— Я заключаю сделки с теми, кто в итоге поможет мне с моей конечной целью.

— И что это за цель, захват мира? — шучу я.

Девлин не смеется.

— Сейчас это получение груза из Мексики и удостоверение того, что его не потеряют, если ты понимаешь, о чем я. Родригез говорит, что ты тот, кто нам нужен. Послушай, я не глава уличной группировки, которая сражается за территорию, за цвет кожи или за свою гребаную национальность. Я бизнесмен, управляющий бизнесом. Мне плевать, если ты черный, белый,

азиат или мексиканец. Да на меня русских работает больше, чем на Кремль. До тех пор пока это будет благоприятно сказываться на мой бизнес, я хочу, чтобы ты работал на меня.

— А если я этого не хочу? — спрашиваю я.

Девлин смотрит на Родригеза.

— Твоя мамá живет в Антесинго, разве не так? — спрашивает Родригез, двигаясь ближе. — И твой младший брат тоже. По-моему его зовут Луис. Милый парнишка. Один из моих людей наблюдает за ними уже несколько недель. Одно слово от меня и полетят пули. Они умрут до того, как поймут, что это было.

Я кидаюсь на Родригеза, не думая о том, что он, скорее всего, блефует. Никому не прощается угрожать моей семье. Он блокирует лицо руками, но я быстр и успеваю врезать ему до того, как две пары сильных рук оттаскивают меня от него.

— Если ты хоть пальцем тронешь мою семью, я вырву чертово твое сердце голыми руками, — угрожаю я, пытаюсь высвободиться.

Родригез держится за щеку, на которую пришелся мой удар.

— Не отпускайте его, — приказывает он, затем ругается на смеси языков. — Ты loco[73], ты знаешь это?

— Sí. Muy loco[74], — отвечаю я, когда один из парней по ошибке, ослабляет на мне хватку. Я толкаю его в сторону, и он ударяется об картину на стене. Когда она падает на пол и разбивается, я поворачиваюсь, думая о том, что еще я могу сделать, чтобы показать им, что я не тот, кто будет дрожать от страха, когда кто-то угрожает моей семье.

В комнату влетают еще двое. Черт. Я силен и могу постоять за себя, но пятеро против одного точно не в мою пользу. Не считая Девлина, который сидит в своем кресле, наблюдая за перепалкой, как будто мы делаем это только, чтобы его повеселить.

Я умудряюсь освободиться, и несколько минут даже защищаться, перед тем, как двое парней нападают и откидывают меня на стену. Я оглушен ударом, и не успеваю ничего сделать прежде, чем один из них начинает избивать меня. Это может быть Родригез, или кто-то из четверых. У меня перед глазами все расплывается.

Я пытаюсь сопротивляться у стены, но каждый удар в живот чертовски силен и ослабевает меня.

Когда чей-то кулак ударяет меня в челюсть один, два, затем три раза, я чувствую привкус крови. Я становлюсь их гребаной грушей.

Я собираю всю свою энергию, игнорируя интенсивную боль, и освобождаюсь. Я вырываюсь вперед, сталкиваясь со всего размаха с одним из них. Я не сдамся без боя, даже если у меня нет ни единого шанса победить.

Но моя маленькая удача быстро меняется. Меня оттягивают от того с кем я столкнулся и отбрасывают на покрытый ковром пол. Если я поднимусь, я смогу еще что-то сделать, но меня начинают пинать со всех сторон, и я чувствую, как быстро иссякает моя энергия. Чрезмерно болезненный удар в спину говорит мне, что у одного из них ботинки с железными носами. Из последних сил, я хватаю за ногу того, кто меня пинает. Он падает вперед, но это не важно. У меня больше не осталось ничего. Ни боевого духа, ни энергии... только пронзающая боль с каждым моим движением. Единственное, что я могу, это молиться о том, чтобы как можно быстрее потерять сознание... или умереть. К этому моменту, любой вариант будет спасение.

Когда я прекращаю сопротивляться, Девлин кричит, чтобы они остановились.

— Поднимите его, — приказывает он.

Меня сажают на стул напротив Девлина, который все еще выглядит как властный ген. директор, в своем безупречном костюме. Моя футболка разорвана в нескольких местах и вся измазана в крови.

Девлин откидывает мою голову назад.

— Считай это прыжком от Геррерос дель баррио в семью Девлин. Я знаю, ты меня не разочаруешь.

Я не отвечаю. Я даже не знаю, могу ли что-то сказать, если захочу. Одно я знаю точно, я не Девлин, и никогда не буду одним из Девлинов.

— Я уважаю твой дух, но не вздумай снова драться с моими парнями или наводить хаос в моем доме, иначе ты труп. — Он выходит из комнаты, но сначала приказывает своим парням навести порядок в офисе до того, как он вернется.

Меня поднимают со стула. И следующее, что я знаю, меня запихивают на заднее сидение джипа.

— Не бунтуй против меня или Девлина, — говорит Родригез, пока мы едем обратно. — У нас большие планы, и ты мне нужен. У Девлина нет тех связей в Мексике, какие есть у нас. Это делает нас чрезвычайно ценными.

В данный момент я не ощущаю себя слишком ценным. Я чувствую так, будто моя голова сейчас взорвется.

— Останови машину, — приказывает Родригез, когда мы находимся в нескольких домах от Уэстфордов. Он открывает дверь и вытаскивает меня из машины наружу. — Позаботься о девочке, с которой ты живешь. Мне бы не хотелось, чтобы с ней что-нибудь случилось. — Он забирается обратно в машину и кидает конверт с деньгами мне под ноги. — Через неделю ты будешь как новый. Я с тобой свяжусь, — говорит он и уезжает.

Я еле стою, но заставляю себя дойти до входной двери Уэстфордов. Поспорою, что я выгляжу так же, как чувствую: как полное дерьмо. Внутри, я пытаюсь проскользнуть в наверх, чтобы никто не заметил какое я кровавое месиво, осторожно закрывая футболкой нос, чтобы кровь не капала на ковер.

Я направляюсь прямиком в ванную, но проблема в том, что как раз как я пытаюсь зайти внутрь, из нее выходит Киара.

Она кидает на меня один взгляд, ахает, и закрывает рукой рот.

— Карлос! О Боже мой, что случилось?

— Ты все еще узнаешь меня с набитой мордой. Это хороший знак, так?

Глава 42

Киара

Мое сердце колотится в груди от страха и шока. Карлос протискивается мимо меня и наклоняется над раковиной.

— Закрой дверь, — говорит он, издавая стон от боли, сплевывая кровь. — Я не хочу, чтобы твои родители меня видели.

Я запираю дверь и подхожу к нему.

— Что произошло?

— Мне надрали задницу.

— Это я вижу. — Я хватаю полотенце с крючка и мочу его под краном. — Кто это сделал?

— Ты не хочешь это знать.

Он поласкает рот, затем смотрит на себя в зеркало.

Его разбитая губа все еще кровоточит, а левый глаз заплыл. Судя по тому, как он опирается на раковину, я только представить могу, как выглядит все его тело.

— Я думаю, что тебе надо пойти в больницу, — говорю ему я. — И позвонить в полицию.

Он поворачивается ко мне и кривится от боли, ему очевидно больно двигаться.

— Никакой больницы. Никакой полиции, — говорит он. — Утром мне станет лучше.

— Ты не веришь в это, — когда он снова кривится, я чувствую его боль, как будто она моя собственная. — Садись, — говорю я, показывая на край ванной. — Я помогу тебе.

Карлос, должно быть настолько же эмоционально вымотан, насколько же, как и физически, потому что он садится на край ванны и не двигается, пока я снова мочу полотенце и нежно вытираю кровь с его губ, которые только вчера улыбались, когда я его целовала. Сейчас они не улыбаются.

Я осторожно промокаю его открытые порезы, до боли чувствуя, насколько близко мы сейчас друг к другу. Он останавливает мою руку, когда я провожу полотенцем по его опухшему лицу.

— Спасибо, — говорит он, когда я смотрю в его грустные глаза.

Мне нужно прервать этот интенсивный взгляд, поэтому я снова мочу и выжимаю полотенце.

—

Я только надеюсь, что второй парень выглядит хуже.

Он издает тихий смешок.

— Их было пятеро. И все они выглядят лучше меня, хоть я и пытался это изменить в начале. Ты бы мной гордилась.

— Я сомневаюсь. Это ты начал это?

— Я не помню.

Пятеро? Я боюсь даже спрашивать про подробности, потому что меня мутит от одного взгляда на его раны. Но я хочу знать, что с ним случилось. На раковине лежит конверт. Я поднимаю его и замечаю, выглядывающие из него деньги. Стодолларовые купюры. И их много. Я показываю это Карлосу.

— Это твое? — спрашиваю я осторожно.

— Типа того.

Миллион различных сценариев того, как Карлос достал деньги, прокручивается у меня в голове. Среди них нет ни одного хорошего, но сейчас не время пилить его о том, почему и зачем он носит с собой кучу наличных. Его избили, и вполне возможно мне стоит настоять на походе в больницу.

Я поднимаю вверх палец.

— Следи глазами за моим пальцем. Я хочу удостовериться, что у тебя нет сотрясения мозга.

Я внимательно слежу за его зрачками, когда он следует за моим пальцем. Все выглядит нормально, но то, что он беспрекословно следует каждому моему слову, пугает меня. Я чувствовала бы себя лучше, если бы его осмотрел профессионал.

— Сними футболку, — говорю ему я, пока роюсь в ящичке с таблетками в поисках Тайленола.

— Зачем, ты хочешь закончить то, что мы начали вчера?

— Не смешно, Карлос.

— Ты права. Но предупреждаю, если я подниму руку выше головы, я, возможно, потеряю сознание. Мой бок меня просто убивает.

Зная, что его футболка и так уже разорвана и испорчена, я достаю ножницы из одного из ящичков и разрезаю футболку спереди.

— Как закончишь, можно я сделаю то же самое с твоей? — шутит он.

Я пытаюсь вести себя, как будто мы просто друзья, но он продолжает делать все эти намеки, что приводит меня в замешательство.

— Я думала, ты не хочешь отношений.

— Я и не хочу. Я хочу забыть о боли, и возможность, увидеть тебя голой, может помочь.

— Вот, — говорю я, втискивая ему в руки Тайленол и стаканчик с водой.

— Есть что посильнее?

— Нет, но я уверена, если бы ты позволил отвезти себя в больницу, там бы могли дать тебе что-нибудь посильнее.

Не отвечая, он откидывает голову назад и проглатывает таблетки. Я стаскиваю с него обрывки футболки и пытаюсь не ахать, когда осматриваю его раны. Я замечала раньше несколько старых шрамов на его теле, но то, что сделали на его груди и спине сегодня просто ужасно.

— Я и раньше бывал в драках, — говорит он мне, как будто это могло заставить меня чувствовать себя лучше.

— Может тебе стоит совсем их избегать, — предлагаю я, нежно протирая его спину и грудь. — У тебя порезы и синяки на спине, — говорю я. От вида каждой отметины мне хочется плакать.

— Я знаю, я чувствую каждый из них.

Закончив вытирать кровь, я делаю шаг назад. Он пытается улыбнуться, но его губа настолько опухла, что улыбка получается кривоватой.

— Я выгляжу лучше?

Я мотаю головой.

— Знаешь, ты не сможешь это скрыть от моих родителей. Один взгляд на тебя и они станут задавать вопросы.

— Я не хочу об этом думать. По крайней мере, не сейчас. — Он поднимается, хватается за живот и рычит от боли. — Я иду в кровать. Зайди ко мне утром, чтобы проверить, жив ли я еще.

Карлос поднимает свою футболку и конверт, заходит к себе в комнату и падает на кровать. Когда он поднимает взгляд, он замечает, что я последовала за ним.

— Я сказал тебе спасибо?

— Несколько раз.

— Хорошо. Потому что я признателен, хоть и редко это говорю.

Я накрываю его избитое тело одеялом.

— Я знаю.

Я начинаю уходить из комнаты, но слышу, как он начинает паниковать и его дыхание сбиваться. Он тянется ко мне.

— Не уходи. Пожалуйста.

Я сажусь рядом с ним на кровати, думая о том, боится ли он оставаться один или это что-то другое. Он просовывает руку мне под ногу и кладет голову на колено.

— Мне нужно тебя защитить, — говорит он мягко.

— От кого?

— El Diablo[75] .

— El Diablo. Кто это?

— Все очень запутано.

Что это значит?

— Постарайся отдохнуть, — говорю я.

— Я не могу. Все мое тело болит.

— Я знаю. — Я нежно провожу по его руке, которая меня обвивает, пока его дыхание не становится более размеренным. — Как бы мне хотелось тебе помочь, — шепчу я.

— Ты мне помогаешь, — мямлит он мне в колено. — Только не оставляй меня, ладно? Все меня оставляют.

Как только я смогу улизнуть из его комнаты, я собираюсь позвонить Алексу и рассказать ему и моему отцу, что произошло. Я знаю, что Карлос меня не поблагодарит за это. Он будет очень сильно разозлен.

Карлос

Я цепляюсь за Киару, чувствуя острую необходимость защитить ее. Если бы я только мог двигаться и не ощущать эту чертову боль, я бы не засыпал сейчас от ощущения ее пальцев на коже моей руки.

Хоть мне и хочется заснуть, я не хочу выпускать Киару из поля зрения. Родригез может ей навредить, и я не могу этого допустить. Пока Киара в безопасности, все хорошо. Мне нужно предупредить маму и Луиса тоже. Мне просто надо перетерпеть эту боль. Пальцы Киары проводят линии вверх и вниз по моей руке, и это утешает острую боль. Я закрываю глаза. Ничего страшного, если я засну на несколько минут.

Звук открывающейся двери, заставляет меня открыть глаза. Внезапно, я понимаю, что Киара больше не сидит рядом со мной. Не то, чтобы я ожидал, что она будет приглядывать за мной, пока я сплю. Я пытаюсь сесть, но каждый мускул, каждая кость и сустав в моем теле протестуют. Расслабляясь, я остаюсь лежать на боку под одеялом, в надежде на то, что в комнате Киара, а не нее родители... или Брендон. Если мелкий прыгнет на меня, результат будет плачевный.

Я закрываю глаза.

— Киара?

— Да.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты одна.

— Не могу.

Черт. Я зарываю голову глубже в подушку, в жалкой попытке спрятать улики на моем лице.

— Карлос, скажи мне что происходит. Сейчас же, — приказывает Уэстфорд резким и очень армейским голосом. Обычно он такой беспечный и спокойный... но не сейчас.

— Меня избили, — говорю я ему. — Я поправлюсь через пару дней.

— Ты можешь идти?

— Ага, но пожалуйста, не заставляй меня доказать это сейчас. Может попозже. Может завтра.

Уэстфорд откидывает мое одеяло и выругивается. Я не знал, что он это умеет.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты этого не делал, — говорю я ему. На мне нет футболки, и он видит все мои синяки. Я смотрю на Киару, стоящую у кровати. — Ты предала меня. Я же сказал не говорить им.

— Тебе нужна помощь, ты справишься с этим одиночку.

Уэстфорд наклоняется ко мне, чтобы мы были лицом к лицу.

— Мы едем в больницу.

— Ни за что, — отвечаю я.

Я слышу еще шаги в комнате.

— Как он? — спрашивает мой брат.

— Ты позвала всю кавалерию, или только половину? — спрашиваю я Киару.

Мой брат кидает на меня один взгляд и качает головой, проводя рукой по лицу, полному раздражения, злости и ответственности. Это не его вина, это моя. Хотел я этого или нет, но я в это вляпался, и сам из этого выберусь. А сейчас я просто хочу, чтобы все оставили меня в покое, потому что я не хочу говорить о том, кто был в драке и почему это вообще случилось.

— Я в порядке, или, по крайней мере, скоро буду, — говорю я ему.

Профессор смотрит на меня таким волнующимся взглядом, что я мог бы подумать, будто он расстроен по поводу своего собственного сына.

— Он не хочет ехать в больницу, — говорит он Алексу.

— Он не может, — отвечает Алекс.

— Это сумасшествие, Алекс. Что за люди не идут в больницу, когда им нужна медицинская

помощь?

— Мы, — говорю ему я.

— Мне это не нравится. Совсем не нравится. Мы не можем просто сидеть здесь сложа руки. Посмотри на него, Алекс. Он практически скрючен пополам. Нам надо что-то сделать. — Я слышу, как Уэстфорд ходит туда-сюда по ковру. — Окей. У меня есть друг, Чарльз, он врач. Я могу позвонить ему и спросить, если он сможет заехать сюда и посмотреть на раны Карлоса. — Уэстфорд становится передо мной на колени. — Но если он скажет, что нужно ехать в больницу, — говорит он, грозя мне пальцем, — мы едем в больницу, даже если мне придется заставить тебя пинками.

Кстати о пинках...

— А где Брендон? — спрашиваю я. Я не хочу, чтобы он меня видел, пока не спадет опухоль.

— После того, как Киара сказала нам, что произошло, Коллин забрала его в дом своей матери. Он останется там на пару дней.

Вся их жизнь превращается в хаос по моей вине. Мало того, что я ем их еду и занимаю место в доме. Теперь из дома увезли мальчишку.

— Мне жаль, — говорю я ему.

— Не переживай. Киара, я пойду, позвоню Чарльзу, давай-ка оставим пока Карлоса и его брата наедине.

О, черт. Я хочу этого меньше всего.

Когда дверь закрывается, Алекс подходит к кровати.

— Ты выглядишь дерьмово, братец.

— Спасибо.

Я смотрю в его, налитые кровью, глаза и думаю, он, что плакал, когда узнал, что меня избили. Я никогда даже не видел Алекса плачущим, хоть мы и многое пережили вместе.

— Ты тоже.

— Это были парни Девлина, да? Киара сказала мне, что ты упоминал El Diablo.

— Это они подставили меня в школе. Прошлой ночью они завербовали меня против воли. Сказали, что теперь я Девлин.

— Это полная фигня.

Даже притом, что мне больно двигаться, я не могу не засмеяться.

— Скажи это Девлину.

Хотя, если подумать...

— Я шучу. Держись подальше от Девлина. Ты вышел из этой игры. Пусть так и будет. Я серьезно.

Я начинаю подниматься, чтобы удостовериться, что Алекс меня слушает. Он мой брат, моя кровь.

Хоть он постоянно и действует мне на нервы, я все же хочу увидеть, как он закончит колледж и заведет себе в будущем, бегających повсюду, мини-Алексов и мини-Бриттани. Это дело с Девлином... я не могу гарантировать, что выберусь из этого живым. Я кривляюсь от боли и задерживаю дыхание, пытаюсь принять сидячее положение, страстно желая быть сильнее и притвориться, что мне не больно. Ненавижу чувствовать себя слабым и показывать всем, что я мучаюсь.

Алекс кашляет несколько раз, затем отворачивается, чтобы не приходилось видеть моих мучений.

— Не могу поверить, что это снова происходит. — Он прочищает горло и поворачивается ко мне. — Что сказал Девлин? Он должен хотеть тебя по какой-то особой причине.

Чем больше он знает, тем глубже он будет в этом повязан. Я не могу этого допустить.

— Я с этим разберусь.

— Черта с два, ты с этим разберешься. Я не уйду отсюда, пока ты не расскажешь мне все, что знаешь.

— Тогда ты будешь долго тут сидеть. Устраивайся поудобнее.

Уэстфорд стучит в дверь и заходит обратно.

— Я позвонил Чарльзу, он едет сюда.

Следом за ним заходит миссис У с подносом в руках.

— Бедненький, — говорит она, ставя поднос на стол и торопясь ко мне. Она осматривает мою разбитую губу и синяки. — Как это случилось?

— Вам не хочется знать подробности, миссис У.

— Я ненавижу драки. Это ничего не решает. — Она ставит поднос мне на колени. — Это куриный суп, — объясняет она, — моя бабушка говорила, что он лечит все.

Я не голоден, но миссис У так горда своим супом, что мне ничего не остается, как зачерпнуть полную ложку, только ради того, чтобы она перестала на меня смотреть с таким беспокойством.

— Как тебе? — спрашивает она.

К моему удивлению, теплый, солененький бульон с лапшой идет хорошо.

— Замечательно, — говорю я ей.

Они все смотрят на меня, как курицы-наседки. Я нормально себя чувствовал с Киарой, а теперь я чувствую себя уязвимо, и не хочу никого видеть. Ну, кроме Киары. Кстати, где она?

Когда приехал доктор, он с полчаса осматривал мои раны.

— Ты попал в ту еще драку, Карлос. — Он поворачивается к Уэстфорду. — Дик, с ним все будет в порядке. Сотрясения мозга нет, глубоких ран тоже. Несколько синяков на ребрах. Я не уверен, есть ли у него внутреннее кровоотечение, но выглядит он нормально. Подержите его дома пару дней, и он должен начать чувствовать себя лучше. Я вернусь в среду, чтобы осмотреть его.

Когда все спускаются вниз на ужин, Киара проскальзывает обратно в мою комнату и останавливается у кровати, наблюдая за мной.

— Я не жалею, что рассказала им о том, что случилось. Ты не такой уж неуязвимый, как думаешь. И еще кое-что... — Она наклоняется ко мне, и теперь мы оказываемся нос к носу. — Теперь, когда я знаю, что с тобой все будет в порядке, я решила больше тебе не симпатизировать. Если ты торгуешь наркотиками, тебе лучше сразу в этом признаться. Я знаю, что те деньги в конверте, который ты засунул в наволочку своей подушки, ты получил не от продажи моих магнитиков с печеньем.

— Ты мне больше нравилась, когда симпатизировала мне, — говорю я ей. — И ты слишком много о себе думаешь, я бы не смог даже задаром отдать кому-нибудь твоё печенье, не говоря уже о продаже. И я не торгую наркотиками.

— Скажи тогда откуда у тебя деньги?

— Это сложно.

Она закатывает глаза.

— Все, что связано с тобой — сложно, Карлос. Я просто хочу тебе помочь.

— Ты только что сказала, что не симпатизируешь мне. Зачем тогда помогать?

— Это из-за моих эгоистичных соображений. Не могу видеть моего притворного парня, корчащегося от боли.

— Так, значит, это все о тебе, не обо мне? — спрашиваю я, наслаждаясь этим.

— Ага. И чтоб ты знал, ты испортил для меня Осенний бал.

— Как?

— Если ты не заметил постеры по школе, он будет на следующих выходных. Если ты не

сможешь ходить, ты уж точно не сможешь танцевать к субботнему вечеру.

Глава 44

Киара

В среду, Карлос настаивает на том, чтобы пойти в школу. Он говорит, что чувствует себя гораздо лучше, хотя я вижу, что он двигается намного медленнее, чем обычно и ему все еще больно. У него огромный синяк под глазом и все еще опухшая губа, но теперь он выглядит более внушительно и устрашающе. Большинство студентов Флатайрон пялятся и в открытую показывают на него пальцем, когда мы проходим мимо. Каждый раз, как Карлос замечает на нас чей-то взгляд, он обвивает меня рукой. Притворяться его девушкой совсем не интересно, когда на нас только и делают, что пялятся. Но мы вместе, и я впитываю его силу, чтобы иметь возможность пережить все сплетни.

Во время обеда я сижу с Туком, когда к нам подходит Карлос.

— Фуу, — говорит Тук. — У меня глаза слезятся от одного взгляда на твой синяк. Сделай одолжение, надень маску или что-нибудь в этом роде. Или может глазную повязку.

Прежде, чем я успеваю пнуть Тука под столом, Карлос хватается за стул и отклоняется назад.

— Заткнись, Факер.

— Вообще-то, меня зовут Такер, — отвечает он, слезая со стула, но пытаясь при этом не свалиться с него.

— Мне все равно. Мне нужно поговорить с Киарой, наедине.

— Прекратите, вы двое, — говорю им я. — Карлос, ты не можешь просто приказывать Туку уйти.

— Даже если я собираюсь пригласить тебя на Осенний бал?

Я прикусываю губу. Он шутит, наверное. Это неправда. Он не может пойти со мной на Осенний бал, он три дня назад даже двигаться не мог. Я вижу, как он старается, не кривится каждый раз, когда наклоняется к шкафчику, чтобы достать книги, или перед тем, как сесть на стул. Он сказал мне, что по совету доктора, ему необходимо больше двигаться, но он не суперчеловек, даже если он хочет им быть.

Тук указывает на пол.

— Ты собираешься стать на одно колено? Потому, что все и так уже на вас смотрят. Я могу сделать фото на свой телефон и отправить его в комитет по созданию ежегодного студенческого альбома.

— Тук, — говорю я, смотря в глаза своему лучшему другу. — Хватит.

— Окей. Окей. Пошел, сяду с Джейком Сомерсом. Кто знает, может я тоже последую примеру Карлоса и наберусь-таки смелости пригласить его на бал.

Карлос качает головой.

— Не могу поверить, что я когда-то думал, что вы встречаетесь.

Когда Тук уходит, Карлос садится на стул рядом со мной. Я замечаю, что он задерживает дыхание, перед тем, как наклониться и сесть. Он отлично справляется с сокрытием своей боли, мне кажется, что больше никто не замечает этого. Кроме меня. Он достает из кармана билет на Осенний бал.

— Пойдешь со мной на бал?

Все его внимание сосредоточено на мне, и его не волнуют те, кто за нами наблюдает. Я, с другой стороны, чувствую все глаза, словно они дыры во мне сверлят.

— Зачем спрашивать меня сейчас, посреди обеда?

— Я только что купил билеты, пять минут назад. Скажем так, я хочу удостовериться, что ты все же пойдешь со мной.

С тех пор, как его избили, он был каким-то неуверенным в себе. Это заставляет меня

нервничать, потому что я не знаю, когда в следующий раз он собирается меня оттолкнуть. Я могу привыкнуть к этому Карлосу, который не боится сказать, как сильно он хочет быть со мной. Но это также делает меня эмоциональной, и чем больше во мне эмоций, тем труднее контролировать мое заикание. — Ты еле дддвигаяешься, Карлос. Тебе не обязательно это ддделать.

— Но я хочу это сделать. — Пожимает он плечами. — Кроме того, не могу дождаться того момента, когда увижу тебя в платье и на каблуках.

— Чччто ты собираешься надеть? — спрашиваю его я. — Костюм и галстук?

Он засовывает билет обратно себе в Карман.

— Я думал о джинсах и футболке.

Джинсы? Футболка? Это будет не особо подходяще к осеннему балу, кроме того...

— Мы не будем сочетаться. Я не смогу приколоть бутоньерку на футболку.

— Бутоньерку? Что это такое и зачем тебе надо будет прикалывать ее ко мне?

— Посмотри в словаре, — отвечаю я.

— И раз уж ты будешь листать словарь, amigo, — говорит Тук, появляясь позади Карлоса, — тебе заодно не помешает посмотреть слово "корсаж".

Глава 45

Карлос

«Корсаж», суц., — небольшой букетик цветов, надеваемый на руку или прикалываемый к предплечью.

Вот что написано в словаре. В Кругозоре есть небольшая комната, которую они называют библиотекой, наполненная различными книгами по самосовершенствованию. Мне повезло, я нашел среди них словарь, и первое, что я сделал, придя сюда, это открыл его. Уверен, Киара удивилась бы, узнав, что я все же последовал ее совету и заглянул в словарь. Поэтому теперь, я думаю о том, как я найду что-нибудь приличное, чтобы надеть на бал.

Что также меня расстраивает, так это как найти один из этих дурацких букетиков.

Перед началом терапевтического сеанса, или как там Бергер называет эти посиделки нашей группы неудачников, ко мне подходят Зана и Джастин.

— Что с тобой случилось? — спрашивает Джастин. — Тебя грузовик переехал несколько раз?

Зана, одетая в очередную мини юбку, за которую ее точно должны были отправить домой из школы, откусывает один из брауни, выложенных на столе специально для нас. — Ходят слухи, что на тебя напали какие-то бандюги, дерущиеся за территорию, — говорит она тихо, чтобы Бергер не услышала.

— Вы оба ошибаетесь.

Я занимаю свое место и надеюсь, что Бергер не будет пилить меня по поводу драки. Я только отделался от Алекса и его вопросов. Я сказал ему отвалить, и пообещал сказать, если Девлин и его головорезы снова со мной свяжутся.

И дело в том, что я не верю в обещания. Интересно, почему все такие простаки?

Когда немного опоздав, в комнату заходит Кено, я замечаю, что он меня игнорирует. Обычно, я бы даже не заметил, но все остальные смотрят на меня широко открытыми глазами, как будто мое лицо было преображено в форму пришельца. Я рад, что их не было со мной в воскресенье. Сейчас я выгляжу намного лучше.

Бергер заходит в комнату, бросает на меня один взгляд и выходит обратно.

Как и ожидалось, через несколько минут появляются Кинней и Моррисей.

Моррисей указывает на меня.

— Карлос, пойдем с нами.

Они приводят меня в небольшую комнату. Она похожа, на кабинет доктора, со всеми этими коробочками для использованных иглол на стенах. За одним исключением. В углу стоит туалет, отгороженный небольшой пластиковой шторкой, свисающей с потолка.

Моррисей указывает на мое лицо.

— Твой опекун позвонил нам и сказал, что тебя не будет в понедельник и вторник. Он сказал, что ты был в драке. Не хочешь рассказать об этом?

— Не очень.

Кинней делает шаг вперед.

— Окей, Карлос, вот, что мы сделаем. Судя по твоему виду, мы думаем, ты был под зависимостью всю эту неделю. Драки обычно сопутствуют алкоголю и наркотикам. Ты сдашь мочу на тест. Иди, помой руки вон в той раковине.

Я хочу закатить глаза и сказать им, что то, что мне надрали задницу, совсем не означает, что я наркоман, но вместо этого, я просто пожимаю плечами.

— Как хотите, — говорю я, помыв руки. — Давайте стаканчик и покончим с этим.

— Если твой тест будет положительным, тебя исключат, — говорит Моррисей, открывая один из шкафчиков и доставая стаканчик для теста мочи. — Ты знаешь правила.

Я протягиваю руку за стаканчиком, но Кинней останавливает меня.

— Дай-ка я объясню, что тебе надо делать. Тебе надо раздеться до нижнего белья в нашем присутствии, затем пойти за ширму и наполнить стаканчик.

Я кидаю свою футболку на один из стульев, затем освобождаюсь от джинсов. Поднимая руки вверх, я делаю разворот.

— Довольны? — спрашиваю я их. — Нет на мне контрабанды.

Моррисей протягивает мне стаканчик.

— У тебя четыре минуты. И не смывай туалет, или нам придется все делать сначала.

Я захожу за занавеску со стаканом в руках и наполняю его. Должен признаться, это унижительно, что Моррисей и Кинней слушают, как я отливаю, но для них, это просто рутина.

Когда со всем покончено, и я одет, мне говорят вернуться к группе.

Результат теста будет только завтра, поэтому до этого момента у них не к чему прицепиться.

Когда я возвращаюсь в комнату, все смотрят на меня, за исключением Кено. Они точно знают что тут и как, и скорее всего, догадались, что меня протестировали.

— Добро пожаловать обратно, — говорит Бергер. — У тебя была тяжеловатая неделя. Мы скучали по тебе.

— Я был немного прикован к постели.

— Хочешь рассказать об этом? Все, чем мы делимся в этой комнате, остается в этой комнате. Так, ребята?

Все кивают, но я замечаю, что Кено мямлит что-то себе под нос и все еще избегает моего взгляда. Он что-то знает, и мне нужно выяснить что это. Проблема в том, как застать его одного, потому что обычно, по окончании, он куда-то исчезает.

— Пускай кто-нибудь другой что-нибудь расскажет, — говорю я ей.

— Он встречается с Киарой Уэстфорд, — встревает Зана. — Я видела его в коридоре школы вместе с ней. И моя подруга Джина видела их на обеде, и слышала, как он пригласил Киару на Осенний бал.

Это последний раз, когда я делаю что-то на публике.

— Тебе не говорили не лезть, куда не просят? — спрашиваю я Зану. — Seriously, разве тебе нечем больше заняться, чем сплетничать со своими тупыми друзьями?

— Да пошел ты, Карлос.

— Хватит Зана, мы тут так не разговариваем. Я не потерплю здесь мата. У тебя первое

предупреждение. — Бергер берет в руку ручку и делает пометки в своей тетради. — Карлос, расскажи нам об Осеннем бале.

— Нечего особо рассказывать. Я иду с девчонкой, вот и все.

— Она кто-то особенный?

Я смотрю на Кено. Если он знает Девлина и его людей, он может слить им инфу. Неужели Бергер настолько наивен, что верит в то, что говорят в нашей маленькой группе, на самом деле, останется в группе? Как только мы выходим отсюда, я уверен, что Зана садится на телефон, чтобы рассказать своим тупым друзьям каждый кусочек информации, который только может из нас вытащить.

— Отношения между мной и Киарой... запутаны, — говорю я группе.

Запутанная. Именно такая, последнее время моя жизнь.

Остальное время в группе посвящено Кармеле, которая жалуется на то, что ее отец настолько старомоден, что не позволяет ей поехать в Калифорнию на зимние каникулы. У Кармелы должны быть такие родители, как Уэтфорды, которые верят в то, что каждый следует своей дорогой и делает свои собственные ошибки (до тех пор, пока тебя не избыют, потому что потом, они вертятся вокруг тебя и не оставляют тебя в покое). Они полная противоположность родителям.

Когда Кругозор нас отпускает, я следую за Кено.

— Кено, — зову его я, но он продолжает идти. Я матерюсь себе пол нос и бегу, пытаюсь догнать его, до того, как он сядет в машину. — В чем твоя проблема?

— У меня нет проблем. А теперь отвали.

Я становлюсь между ним и его машиной.

— Ты работаешь на Девлина, не так ли?

Кено смотрит налево, затем направо, как будто подозревая, что кто-то за нами наблюдает.

— Отвали от меня.

— Ну, нет, чувак. Ты что-то знаешь, а это значит, что мы с тобой лучшие друзья. И я буду сидеть у тебя на шее до тех пор, пока ты не расскажешь мне, что знаешь обо мне или о Девлине.

— Ты pendejo[76] .

— Меня и хуже называли. Не выводите меня.

Он заметно нервничает.

— Тогда садись в машину, пока нас кто-нибудь не увидел.

— Последний раз, когда мне сказали сделать то же самое, мне надрали зад пятеро pendejos.

— Садись. Или мы не разговариваем.

У меня появляется желание запрыгнуть через окно, но потом я вспоминаю, что дверь не работает только в машине Киары.

Кено выезжает с парковки, а я звоню Алексу, который ждет меня у МакКоннелла. Я не сомневаюсь, что он поднимет всю кавалерию, если я ему не позвоню.

— Ты где? — спрашивает он.

— С... другом, — на самом деле он не такой уж и друг, но не надо зря волновать брата.

— Я встречаюсь с тобой позже, — говорю я и отключаюсь, перед тем, как он может что-то сказать.

Кено молчит всю дорогу до небольшого жилого комплекса вне города.

— Следуй за мной, — говорит он, ведя меня в здание.

Внутри он приветствует свою маму и сестру по-испански. Он представляет меня, и мы направляемся дальше вглубь квартиры. В его маленькой комнате, я чувствую себя уютно. Я бы за несколько метров мог заметить комнату мексиканского подростка. На, выкрашенных в светло-бежевый цвет, стенах висят семейные фотографии. К одной из стен прикреплен мексиканский

флаг, а по всему столу расклеены зелено-бело-красные наклейки, от чего я чувствую себя комфортно, хоть и знаю, что должен быть настороже вокруг Кено. Я просто не уверен в чем его игра.

Кено достает сигареты.

— Хочешь закурить?

— Нет. — Мне никогда особо это не нравилось, даже учитывая то, что меня вырастили куряги. Мама курит, Алекс тоже курил, до того, как начал встречаться с королевой красоты. Вот если б он мне вайкодина предложил, я б, наверное, не отказался бы. Я почти все время с воскресенья провел в постели, и мое тело до сих пор немного окостенелое.

Кено пожимает плечами и подкуривает.

— Моррисей взял тест на наркотики?

Значит, до серьезного разговора мы будем еще кругами ходить.

— Ага.

— Думаешь, пройдешь?

— Я не волнуюсь об этом. — Я облокачиваюсь на подоконник и наблюдаю за тем, как Кено садится на стул у стола и выдыхает дым. Парень выглядит, как будто ничто в этом мире его не беспокоит, и в данный момент, я ему завидую.

— Бергер чуть в обморок не грохнулась, когда тебя сегодня увидела.

— Знаешь, ты можешь по-испански со мной говорить.

— Да, ну, тогда моя мама будет слышать все, о чем мы тут говорим. И для нее лучше оставаться в неведении.

Я киваю. Так всегда лучше. К сожалению, мне пришлось позвонить своему дяде Хулио и рассказать о том, что происходит. Он пообещал, что позаботится о безопасности мамы и Луиса, и постарается при этом не пугать их без надобности. Он не был слишком доволен тем, что я связался с Девлином, но он вроде как ожидал того, что я неудачник, поэтому не был удивлен.

Что заставляет меня хотеть доказать всем, что я не так уж и бесполезен, но не факт, что у меня получится. Большую часть жизни я был неудачником. Я чувствую себя немного лучше от того, что Киара и ее родители считают, что каждый в любой момент может начать с чистого листа.

— Значит, ты встречаешься с этой Киарой, а? — Он выдыхает дым. — Она хороша?

— Закачаешься, — отвечаю я, зная, что Кено не ходит с нами в Флатайрон и понятия не имеет кто она. В голове проносятся мысли о Киаре в ее безразмерной футболке. Должен признать, что она совсем не тот тип девчонок, к кому меня обычно влечет, и я уверен, что она не заинтересует Кено, но в последнее время я не могу себе представить ничего более сексуального, чем девчонка, знающая как спать провода и испечь дурацкое печенье с магнитами. Нужно перестать столько о ней думать, но я не хочу. Пока нет. Может после Осеннего бала. Кроме того, нужно держать ее поближе, чтобы защитить ее от парней Родригеза и Девлина.

Кстати, о Девлине...

— Хватит, нести дерьмо, Кено. Рассказывай, что знаешь.

— Я знаю, что ты теперь член команды Девлина. Это повсюду...

— Где повсюду?

— Шесть Пойнт Ренегадос, нас еще знают как Р6. Он поднимает футболку и показывает мне черную шестиконечную звезду с большой синей Р посередине. — Ты в глубоком дерьме. Девлин сумасшедший, и Р6 не нравится то, что он теснит нашу территорию. У Р6 все тут было под контролем, пока не пришел Девлин и все не испортил. Скоро начнется война, и Девлин набирает парней, которые знают, как сражаться. Все, что у него сейчас есть, это группка неудачников, играющих в плохих парней, которые курят столько же, сколько и продают. Ему нужны воины.

Карлос, один взгляд на тебя и любой видит, что ты воин, герреро.

— Он сказал мне, что хочет, чтобы я был у него на посылках.

— Не верь в это. Он хочет, чтобы ты был тем, кем он хочет и когда он хочет. Если к нему идет груз, он хочет, чтобы были задействованы мексиканцы. Он знает, что мы не доверяем грингос. Если ему нужен будет солдат, чтобы сражаться на улицах — у него в кармане есть ты.

Кено наблюдает за мной, и моей реакцией на эти новости. Дело в том, что я по сути дела и сам обо всем догадался, ну, кроме инфы про Р6. Замечательно, меня завербовали для нарковойны, в которой речь идет лишь о деньгах.

— Зачем ты мне это говоришь? — спрашиваю я. — Что тебе от этого?

Кено наклоняется вперед, делает затяжку и выдыхает дым одной длинной струей. Он поднимает на меня серьезный взгляд.

— Я выхожу из игры.

— Выходишь?

— Sí. Выхожу. Исчезаю, чтобы никто меня не нашел. Мне осточертела эта херня, Карлос. Черт, может то, что в нас вдальбливают в Кругозоре дошло до меня. Каждый раз, когда Бергер говорит, что мы сами управляем своим будущим, я думаю: леди, ты и понятия не имеешь. Но что, если бы у меня на самом деле был контроль над своим будущим, Карлос? Что, если я уеду и начну снова?

— И что ты будешь делать?

Он смеется.

— Да, что захочу, чувак. Блин, может найду работу и когда-нибудь, в один прекрасный день, получу аттестат и пойду в колледж. Может женюсь и заведу пару детишек, которые не будут помнить своего отца, как бандита. Я всегда хотел стать судьей. Знаешь, изменить систему и заставить ее работать, чтобы подростки не попали в такие безысходные ситуации и застревали в них, как я. Я написал это в списке моих целей Киннея в Кругозоре. Ты может думаешь, что это глупая цель, стать судьей, после того, как меня арестовали за хранение наркотиков ...

— Это не глупо, — говорю я, прерывая его. — Я думаю, это клево.

— Правда? — Он отмахивает дым от лица, и первый раз я вижу, как предвкушение и страх смешиваются в нем воедино. — Хочешь поехать со мной? Я уеду в конце месяца, на Хеллоуин.

— Это через три недели. — Уехать из Колорадо означает кинуть Девлина и вернуть Алексу и Уэстфордам их нормальную жизнь. Им не придется больше волноваться о моей фигне. И Киара сможет вернуться к своей привычной жизни, жизни, которая и так будет без меня. Скоро она осознает реальность — мне совершенно нечего ей предложить. Последнее, что мне нужно, так это смотреть, как она встречается с другими парнями. Я с катушек слечу, если она снова сойдется с Майклом. Было бы бредом думать, что то, что между нами сейчас происходит, может быть постоянным.

Я киваю Кено.

— Ты прав, мне нужно уехать. Но сначала, мне нужно будет вернуться в Мексику и удостовериться, что моя семья будет в безопасности. После того, как я уеду отсюда, они будут единственным, что у меня останется.

Глава 46

Киара

Когда я сказала маме, что иду на Осенний бал с Карлосом, она не была удивлена. Она сказала, что в пятницу отвезет меня в молл, чтобы купить платье.

Это заняло время, но я все же выбрала длинное, черное платье без рукавов в винтажном магазине. Оно облегает каждый изгиб моего тела, это абсолютно не в моем стиле, надевать что-

то такое облегчающее и с огромным разрезом сбоку, но когда я его надеваю, я чувствую себя красивой и уверенной. Это напоминает мне об Одри Хепберн в "Завтраке у Тиффани".

Когда я приношу платье домой, я бегом направляюсь к себе в комнату и вешаю его в шкаф.

Я не хочу, чтобы Карлос видел его до вечеринки.

В субботу утром вся семья, включая Карлоса, встает с утра и едет на футбольный матч. Флатайрон побеждает 21-13, поэтому все воодушевлены и счастливы. После игры, Карлос говорит, что у него есть дела до танцев. Я еду с мамой, чтобы купить мне туфли.

Она выбирает пару черных балеток с боковой застежкой.

— Как насчет этих? Они выглядят удобными.

Я качаю головой.

— Я не за удобными пришла.

Я прохожусь по магазину, удостоверяясь, что не выберу те туфли, которые Карлос сочтет "бабушкиными". Я замечаю черные туфли с восьмисантиметровой тонкой шпилькой. Они идеальны. Я не уверена, что смогу ходить на них, но они прекрасно подойдут к моему платью.

— Как насчет этих? — спрашиваю я маму.

Ее глаза расширяются.

— Ты уверена? В них ты будешь выше своего отца.

У моей мамы в гардеробе нет ни одной пары выше пяти сантиметров.

— Они просто отпад.

— Ну, примерь их. Это твой день.

Пятнадцать минут спустя, я выхожу на улицу с туфлями в руках, абсолютно счастливая от того, что нашла идеальные туфли к идеальному платью. Я хочу, чтобы сегодняшний вечер тоже был идеальным. Я надеюсь, что Карлос не чувствует давления, даже учитывая то, что я практически заставила его пригласить меня. Надеюсь, мы сможем повеселиться и забудем о том, что случилось на прошлых выходных. Я не думаю, что мы будем много танцевать, раз он все еще не на 100% себя чувствует, но это ничего. Я буду рада просто быть там с ним, вне зависимости от того, настоящая мы пара или нет.

— Надо заехать забрать бутоньерку, — говорит моя мама, когда мы садимся в машину.

— Я уже забрала ее сегодня утром.

— Хорошо. Мой фотоаппарат готов. Твой отец заряжает камеру... я думаю, мы готовы. Мы отправим фотографии маме Карлоса в понедельник, чтобы она не чувствовала, что что-то пропустила.

Вернувшись домой, я остаюсь в своей комнате, за закрытыми дверьми, практикуясь, как ходить в новых туфлях. Я чувствую, будто сильно подаюсь вперед, делая каждый шаг. Проходит более часа, прежде чем я более-менее к ним привыкаю. Тук присоединяется ко мне и заставляет меня нервничать еще больше, принеся коробку, полную подарков на вечер.

— Открой ее, — говорит он, протягивая мне коробку.

Я снимаю крышку и заглядываю внутрь, вытаскивая черную подвязку.

— Никто не надевает подвязки на Осенний бал.

— Эта сделана специально для этого. Смотри, с ней даже позолоченный листочек болтается. Я кидаю ее на кровать, и достаю следующую вещь из коробки. Розовый блеск для губ. Тук пожимает плечами, пока я откручиваю крышечку.

— По мне, так это противно, но я слышал, что натуралам нравится, когда у девчонок губы блестят. Там также подводка для глаз и тушь. Дама в магазине сказала, что это самые лучшие.

Я останавливаюсь и смотрю на Тука.

— Зачем ты купил мне все это?

Он снова пожимает плечами.

— Я просто... не хочу, чтобы ты что-то упустила. Хочешь ты признать это или нет, но он тебе нравится. Я знаю, что постоянно достаю его, но может быть ты видишь в нем что-то, что остальные из нас не видят.

Тук самый офигенный лучший друг.

— Ты такой милый, — говорю я, доставая из коробки пачку мятных конфеток и... два презерватива. Я поднимаю их.

— Скажи мне, что ты не купил мне презервативы.

— Ты права, я их не покупал. Я взял их из офиса здоровья в школе. Они их просто так раздают, если тебе нужен один... или два. Правда, тебе надо спросить нет ли у него аллергии на латекс. Если есть, я вам не завидую.

Я думаю о сексе с Карлосом и мое лицо начинает гореть.

— Я не планирую сегодня заниматься сексом.

Я кидаю пакетики на кровать, но Тук снова их поднимает.

— Именно поэтому тебе нужны презервативы, глупая. Если ты это не планируешь, это точно случится, ты не будешь готова и окажешься беременной или обладательницей какой-нибудь болезни. Сделай мне одолжение и кинь их к себе в сумочку, или засунь себе в лифчик.

Я обвиваю Тука руками и целую в щеку.

— Люблю тебя за твою заботу. Жалко, что Джейк отказал, когда ты пригласил его на танцы.

Тук смеется.

— Я не рассказал тебе последние новости.

— Что за новости?

— Джейк звонил около часа назад. Он не хочет идти на Осенний бал... но он хочет встретиться вечером.

— Это замечательно. Я думала, что он натурал.

— Что с тобой? Для того, у кого лучший друг гей, у тебя абсолютно нет гейдара. Джейк Сомерс такой же гей, как и я, без вопросов. По правде говоря, Киара, я так нервничаю и волнуюсь, и так рад, я только надеюсь не облажаться. Мне Джейк уже давненько нравится, я просто ничего не говорил.

Тук подходит к моему столу и достает тетрадь с Правилами Притяжения. Он вырывает листы и разрывает их не мелкие кусочки.

— Что ты делаешь?

— Рву мои Правила. Я просто кое-что понял.

— Что?

Тук выкидывает обрывки в мою мусорку.

— Правил притяжения не существует. Джейк совсем не тот, кого я хотел. Его интересы не совпадают с моими, он ненавидит Ультимейт, а в свободное время он читает и анализирует поэзию. Я не могу перестать думать о нем. Он сказал, что хочет потусить сегодня. Что это значит?

— Чтоб я знала.

Я хватаю один из презервативов и кидаю его ему.

— Тебе бы лучше взять один, на всякий случай.

Глава 47

Карлос

— Я говорила тебе, что однажды, ты мне позвонишь, — говорит мне Бриттани, когда мы шагаем вперед по моллу.

Я позвонил ей вчера и попросил встретиться со мной сегодня после футбольного матча Флатайрона. Мне нужна ее помощь, она единственная кого я знаю, кто будет стопроцентным экспертом во всей этой дребедени Осеннего бала.

— Не упоминай об этом, — говорю я. — Я удивлен, что Алекс не настоял на том, чтобы пойти с нами. Вы двое обычно не разлей вода.

Она концентрирует свое внимание на вешалках с костюмами, выбирая, что мне примерить.

— Давай не будем говорить об Алексе.

— Почему нет, вы что, поссорились? — шучу я, не веря ни секунды тому, что мой брат будет ругаться со своей девушкой.

Бриттани моргает несколько раз, как будто пытается сдержать слезы.

— Вообще-то, мы вчера расстались.

— Ты не серьезно.

— Это правда, и я не хочу об этом говорить. Иди примерь эти костюмы, прежде чем я начну рыдать посреди магазина. Это будет не очень красиво.

Она всовывает мне в руки несколько вешалок и толкает в сторону примерочной. Когда я оборачиваюсь, она достает из сумки платочек и вытирает им глаза.

Что за черт? Неудивительно, что мой брат не особо со мной разговаривал и почти совсем не пилил меня о Девлине с ночи воскресенья. Что он такого сделал, что испортило отношения с Бриттани, девушкой, которая по его словам, ответственна за то, как радикально он изменил свою жизнь.

Благодаря конверту Девлина полного наличных, я покупаю костюм, в котором, как говорит Бриттани, я похож на модель GQ. Затем мы забираем букетик для Киары, который я заказал вчера. Мне повезло, что я нашел флориста, который согласился сделать это за такое короткое время. Когда мы возвращаемся в машину, я решаю, что теперь могу спросить про детали разрыва, никто тут не увидит, как тушь будет бежать по ее щекам.

Я не могу сдерживаться, любопытство просто убивает меня.

— Ты и мой брат, просто до тошноты подходите друг другу, так в чем проблема?

— Спроси своего брата.

— Я сейчас не с ним. Я с тобой. Конечно, если ты хочешь, чтобы я ему позвонил...

Я достаю сотовый из кармана.

— Нет! — выкрикивает она. — Не смей ему звонить. Я не хочу его видеть, слышать или что-то знать о нем сейчас.

О, блин, это серьезно. Она не шутит, надо что-то быстренько придумать.

— Отвези меня к Алексу в мастерскую, я собираюсь одолжить его новую машину сегодня.

— Ты можешь одолжить мою, — говорит она, не моргнув и глазом.

О, черт. Надо придумать причину тому, почему мне нужна новая машина Алекса, а не ее красавец БМВ. — Киаре нравятся винтажные машины. Она будет разочарована, если я приеду на Бимере, тогда как она будет ждать Монте Карло. Знаешь, она ненормальная, и ее очень легко расстроить. Мне бы не хотелось заставлять ее плакать и заикаться перед Осенним былом.

— Ты собираешься кормить меня этим до тех пор, пока я не отвезу тебя к МакКоннеллу?

— Думаю, да.

На светофоре, Бриттани вздыхает и делает глубокий вдох.

— Ладно. Я тебя отвезу. Но не жди, что я выйду из машины или буду с ним разговаривать.

— Но если я беру его машину, его надо будет подбросить домой. Можешь отвезти его, пока я приготавливаю к вечеру?

Мой брат и Бриттани вместе, вызывают у меня тошноту, но от одной мысли о них порознь и несчастных... становится совсем не хорошо. Я хоть и часто над ними издеваюсь, но глубоко внутри я завидую их отношениям. Когда они вместе, мир может развалиться на части, а они этого не заметят и им будет все равно, до тех пор, пока они будут друг у друга.

— Не нажимай, Карлос, — говорит Бриттани. — Я тебя отвезу и уеду. Но я дам тебе совет на сегодня, и потом заткнусь. Присмири сегодня свое самолюбие и понты, обращайся с Киарой, как с принцессой. Заставь ее чувствовать себя волшебю.

— Ты считаешь, что у меня проблемы с самолюбием и поведением? — спрашиваю я ее.

Она смеется.

— Я не считаю так, Карлос. Я знаю это. К сожалению, это недостаток Фуэнтесов.

— Я бы сказал, что это плюс. Это то, что делает братьев Фуэнтес такими неотразимыми.

— Ага, конечно, — говорит она. — Это то, что рушит ваши отношения. Если ты хочешь, чтобы у Киары остались замечательные воспоминания о сегодняшнем вечере, помни о том, что я сказала.

— Я никогда тебе не говорил, что Алекс так тебя любит, что твое имя вытатуировано по всему его телу? Черт, даже на спине у него выжжено твое имя.

— На его теле инициалы Кровавых Латино «LB»[77] .

— Не, не, не. Ты не поняла. Он хочет, чтобы так все думали, но на самом деле это значит Любовник Бриттани. ЛБ, поняла?

— Неплохая попытка, Карлос. Абсолютная ложь, но, тем не менее, отличная попытка.

Верная своему слову, Бриттани привозит меня в мастерскую и уезжает, скрипя резиной по асфальту. Уверен, что это мой брат научил ее этому трюку. Еще одно доказательство того, что они должны быть вместе.

Я нахожу Алекса внутри мастерской, с головой, засунутой под капот Кадиллака. Я размышляю, знает ли он, что его с недавних пор бывшая девушка/любовь всей его жизни, только что унеслась отсюда.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает Алекс, вытирая руки о тряпку. — Я думал, ты был присмерти.

— Ты будешь удивлен тем, насколько присмерти далеко до самой смерти, Алекс. Я чувствую себя отвратно, но я отлично справляюсь с тем, чтобы не показывать это.

— Ага. — Я замечаю, что у него на голове черная бандана, что-то, что я не видел его надевающим со времен Кровавых Латино. Это плохой знак. Он выглядит как мятежник, уж слишком похоже на меня. Я из первых рук знаю, что за одеждой мятежника, следует поведение.

— У меня полно работы, и тебе надо ехать на танцы, так что если ты не против...

— Почему ты расстался с Бриттани?

— Она тебе так сказала? — говорит Алекс, хмуря брови от раздражения и злости.

Блин, он зол сейчас. И судя по его виду, он немного спит последнее время.

— Расслабься, брат, — говорю я. — Она ничего не говорила. Она сказала спросить тебя, что произошло.

— Мы расстались. Ты был прав, Карлос. Брит и я слишком разные. Мы пришли из разных миров и между нами ничего не получится.

Когда он снова прячет голову под капот, я вытягиваю его обратно.

— Ты такой тупой.

— Ты называешь меня тупым? Это не меня в прошлое воскресенье завербовали в банду без моего желания. — Он качает головой. — Чья бы корова мычала.

— Вот, что я тебе скажу, Алекс. Ты расскажешь мне, почему вы с королевой красоты расстались, и я расскажу тебе все, что знаю о Девлине.

Алекс вздыхает, его гнев немного ослабевает. Я знаю, что больше всего на свете он хочет защитить меня и нашу семью. Он знает, что на следующей неделе Девлин призовет меня к действиям. И он не может не влезть в это, пытаясь мне помочь.

— Ее родители скоро приедут сюда на две недели, чтобы повидаться с ней и Шелли. Она хочет рассказать им, что мы тайно встречаемся с тех пор, как начали колледж. Они знают, как все между нами закончилось в Чикаго. Я вел себя, как последний придурок, по отношению к ней и в итоге уехал.

Он закрывает ладонями глаза и издает тихий стон.

— Посмотри на меня, Карлос. Я все еще тот же парень, с которым они не разрешали ей встречаться в Чикаго. Они думают, что я грязь на их подошвах, и скорее всего, они правы. Бриттани хочет, чтобы я пошел на чертов ужин с ними, как будто они, так и примут тот факт, что девушка, которую они вырастили, как принцессу, встречается с парнем, которого они всегда считали бедным, грязным мексиканцем из трущоб.

Я не могу в это поверить. Мой собственный брат, тот, кто храбро сражался со своей собственной бандой и не боялся быть застреленным за это, пишет в штаны от одной мысли о том, что ему придется постоять за себя и их отношения перед родителями Бриттани.

— Ты боишься, — говорю я ему.

— Нет. Мне просто не нужна эта фигня.

Фигня в том, что мой брат боится. Он боится, что Бриттани согласится со своими родителями и, в конце концов, кинет его задницу. Алекс не сможет принять ее отказа, поэтому он сам отталкивает ее сейчас, до того, как она сможет сделать то же самое. Я знаю, потому что это история моей жизни.

— Бриттани крепко держится за ваши отношения, — говорю я, разглядывая винтажную Монте Карло Алекса в углу мастерской. — Почему ты не делаешь то же самое? Потому, что ты трус, брат. Имей немного веры в свою novia[78], иначе можешь навсегда ее потерять.

— Ее родители всегда будут думать, что я недостаточно хорош для нее. И я всегда буду чувствовать себя низкосортным pendejo[79], воспользовавшимся их дочерью.

Мне повезло, что родители Киары полная противоположность. Они рады тому, что их дети счастливы, не зависимо от причин. Они пытаются оказать на нас влияние, но никого не осуждают. Сначала я думал, что это просто притворство, что никто никогда бы не принял меня, особенно когда я стараюсь их от себя оттолкнуть. Но сейчас я думаю, что Уэстфорды просто принимают людей такими, какие они есть, со всеми недостатками.

— Если ты думаешь, что ты низкосортный pendejo, ты он и есть. Проблема в том, что Бриттани не видит классового различия и не думает о твоём банковском счете, когда она с тобой. Это немного тошнотворно, но она на самом деле любит тебя, несмотря ни на что. Может вам и надо расстаться, потому что она заслуживает мужика, который бы делал все, чтобы быть с ней.

— Да пошел ты, Карлос, — говорит Алекс. — Ты ни хрена не знаешь об отношениях. Когда они вообще у тебя были?

— Они у меня сейчас есть.

— Они не настоящие. Даже Киара это признает.

— Да, но это все же лучше того, что есть у тебя — ничего. — Я подхожу к синей Монте Карло, — и чтоб ты знал, я хочу одолжить твою тачку на сегодня. Не для себя, для Киары. Я знаю, ты считаешь ее клевой, и будет стремно брать ее машину, чтобы отвезти ее на официальное

свидание.

— Я собирался приехать к Уэсфордам перед танцами, они пригласили меня.

— Не переживай, ты ничего не пропустишь, — говорю я.

— Ладно. Но привези ее обратно после вечеринки, завтра я собирался поработать над ней.

— Когда я кидаю свой костюм и букет на заднее сидение, Алекс добавляет: — Я думал, что ты ненавидел нас с Бриттани вместе.

— Мне просто нравится тебя подкалывать, Алекс. Для этого и существуют младшие братья, разве нет? — Пожимаю плечами я. — Она может и не *chica Mexicana*[80], но она лучшее, что твоя задница может найти в своей жизни. Можешь уже скрепить это и жениться на девчонке.

— И что я ей предложу, незаконченное образование и винтажную тачку?

— Если это все, что у тебя есть, я уверен, она согласится. Черт, это гораздо больше того, что есть у меня, и точно больше того, что было у наших родителей, когда они поженились. Хуже того, потому что мама была беременна твоей страшной мордой.

— Кстати о страшной морде, ты давно в зеркало смотрелся?

— Ха-ха, очень смешно, Алекс. Даже с разбитой губой и синяком под глазом, я выгляжу намного лучше тебя.

— Ага, ну-ну. Подожди-ка, — говорит Алекс. — Ты мне так и не рассказал о Девлине.

— О, да. — Я завожу машину. — Я расскажу тебе завтра. Может быть.

Когда я приезжаю к Уэстфордам, я нахожу Брендона, сидящим на моей кровати, со скрещенными на груди руками. Мелкий со всей силы пытается состроить угрожающую физиономию, которая, возможно, и испугает кого-нибудь лет так через десять.

— Что такое, *sachogo*?

— Я зол на тебя.

Блин, на меня наезжают сегодня со всех сторон.

— Возьми билетик и встань в очередь, парень.

Он фыркает, как машина со сломанным выхлопом.

— Ты сказал, что мы партнеры. Что если я что-нибудь сделаю, ты меня не заложишь. И что, если ты что-то сделаешь, я тебя не выдам.

— Ну и?

— Ты меня заложил. Теперь папа не разрешает мне играть в компьютер без присмотра, как будто я маленький. Это все твоя вина.

— Извини. Жизнь бывает несправедливой.

— Почему?

Если бы жизнь была справедливой, мой отец не умер бы, когда мне было четыре. Если бы жизнь была справедливой, мне не пришлось бы волноваться по поводу Девлина. Если бы жизнь была справедливой, у меня бы был реальный шанс с Киарой. Но жизнь, по большей части, полная фигня.

— Я не знаю. Но если ты это выяснишь, *sachogo*, дай мне знать.

Я жду, что он вспылит, но он просто спрыгивает с моей кровати и направляется к двери.

— Я все еще зол на тебя.

— Переживешь. А теперь поторапливайся, мне надо принять душ и переодеться, я и так уже опаздываю.

— Я переживу это быстрее и оставлю тебя одного, если ты принесешь мне конфет из верхнего шкафчика над холодильником. Это секретное место моей мамы. — Он заставляет меня нагнуться, чтобы он мог сказать мне секрет. — Там она хранит все вредные для здоровья сласти, — шепчет он. — Знаешь, которые самые вкусные, — чем больше он говорит, тем счастливее он выглядит.

Черт, у меня менее часа на сборы, но я не могу его разочаровать.

— Хорошо, Гонщик, ты готов отправиться на секретное задание по поиску сокровища?

Брендон потирает руки, счастливый от того, что ему удалось так легко мной манипулировать.

У мелкого точно дар в том, как уметь убеждать.

— Следуй за мной, — я высовываю голову за дверь, и жестом руки, приглашаю его следовать за мной. Я сдерживаю смех, когда он на цыпочках крадется позади меня. Иногда он ведет себя как шестилетний, а иногда бывает поумнее некоторых взрослых.

Мы молча спускаемся по лестнице. Но перед тем как мы успеваем достигнуть кухни, кто-то выходит из кабинета Уэстфорда. Это Киара, в длинном черном платье, которое обтягивает каждую изумительную линию ее фигуры от груди до лодыжек. Ее волосы, не просто распущены, но и аккуратно закручены на концах. Одна из ее длинных, красивых ног выглядывает из умопомрачительно-сексуального выреза сбоку.

Я прикован к месту.

У меня нет слов.

Я пробегаюсь по ней взглядом, наслаждаясь тем, что вижу. Я знаю, что буду помнить этот момент до конца моих дней. Мое сердце переворачивается в груди, когда я замечаю ее туфли с открытым носом и каблуком выше, чем я когда-либо представлял на ней. Я боюсь моргнуть, опасаясь, что она окажется просто видением моего больного воображения, и исчезнет.

— Нннну, чччто тты думаешь?

— Шшш, — шипит громко Брендон, и закрывает рот пальцем. — Мы на секретном задании, — шепчет он, не замечая того, что его сестра преобразилась в богиню.

— Не говори маме и папе.

— Не скажу, — шепчет она. — В чем заключается ваша миссия?

— Поиск конфет. Вредных для здоровья. Пошли!

Я смотрю на Киару, мечтая о том, чтобы мы были сейчас одни. До боли желая того, чтобы мы были сейчас одни.

— Брендон, иди проверь где сейчас твой отец, чтобы мы знали, что путь свободен, — говорю я. Мне необходима пара минут с его сестрой.

— Окей, — отвечает он, исчезая из коридора. — Сейчас вернусь.

У меня меньше минуты с ней. Я засовываю руки в карманы, чтобы она не заметила, насколько сильно я нервничаю, увидев мои трясущиеся руки. Она награждает меня полуулыбкой, затем опускает глаза.

Я смотрю на потолок, как бы мне хотелось получить сейчас какой-нибудь совет, или знак от моего отца. Я снова смотрю на Киару. О, черт. Она смотрит прямо на меня, в ожидании, что я что-нибудь скажу. Но прежде чем я успеваю придумать что-нибудь значимое или смешное, Брендон возвращается.

— Он в гостиной. Пошли, прежде, чем он нас поймает.

Я упустил возможность. Надо избавиться от Брендона.

Мы все направляемся на кухню. Я протягиваюсь и открываю шкафчик над холодильником. Так и есть, там стоит большая миска, наполненная контрабандой.

Брендон тянет меня за футболку.

— Покажи мне, покажи мне.

Я ставлю миску на стол, а Брендон залазит на кухонный стул, чтобы проверить находку.

— Вот, — сует он мне шоколадный батончик. — В нем орехи, они мне не нравятся.

В итоге, он хватает плитку молочного шоколада и два кусочка пастилы. Довольный своим сокровищем, он спрыгивает со стула.

Я ставлю миску обратно в секретное место, о котором все знают. Когда я поворачиваюсь, Брендон уже отломил кусочек шоколада и засунул его себе в рот.

— Киара, а почему ты выглядишь, как девчонка? — спрашивает Брендон с полным шоколада ртом.

— Я иду на свидание с Карлосом.

— Ты собираешься попробовать на нем французский поцелуй?

Киара кидает ему убийственный взгляд.

— Брендон! Не вежливо спрашивать об этом. Кто тебе об этом сказал?

— Пятиклассники в автобусе.

— И что, пятиклассники говорят, это значит?

— Ты знаешь...

— Скажи мне, — говорит она. — Может, я не знаю.

Я из первых рук знаю, что она точно знает значение французского поцелуя, но я не собираюсь выдавать ее секрет.

— Это когда ты лижешь язык другого человека, — шепчет он.

Черт, мелкий знает намного больше, чем знал я, когда был в его возрасте. Сначала кибер наркодиллер, теперь он говорит о французских поцелуях. Киара смотрит на меня, но я поднимаю вверх руки. Хотя сейчас я и не хочу ничего больше, чем применить к ней французский поцелуй, я могу подождать с этим. — Он не мой ребенок.

— Таким образом, ты можешь получить кучу микробов, — говорит он, наминая шоколад и размышляя о последствиях французских поцелуев.

— Это точно, — говорит Киара, — так ведь, Карлос?

— Да. Микробы. Тонны микробов. — Я не говорю ему, что иногда оно того стоит, получить микробы определенной девушки.

— Я никогда не собираюсь этого делать, — заявляет он.

— Никто не будет делать это с тобой, cachorro, если ты не начнешь вытирать рот, поев шоколада. Ты отвратителен.

Пока Киара вытирает ему рот салфеткой, он смотрит на нее с интересом.

— Ты так и не ответила на мой вопрос. Вы с Карлосом собираетесь целоваться по-французски?

Глава 48

Киара

— Брендон, прекрати это спрашивать, а то я расскажу маме, что ты залез в миску с шоколадом без разрешения. — Я наклоняюсь и целую его чистую щеку. — Но я все равно тебя люблю.

— Вредина, — говорит Брендон, но я знаю, что он не обижен, потому что в следующее мгновение он вприпрыжку исчезает из кухни.

Наконец-то, мы одни. Карлос подходит ко мне сзади и откидывает в сторону мои волосы, обнажая шею.

— Eres hermosa[81] , — шепчет он мне в ухо. От одного звука испанских слов мои внутренности превращаются в желе.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Спасибо. Мне нужно было это услышать.

— Мне надо идти в душ и переодеться, но я не хочу перестать смотреть на тебя.

Я отталкиваю его от себя, хотя внутри я сияю от того, что он не может отвести от меня глаз.

— Иди. Я не собираюсь пропустить мои первые школьные танцы.

Сорок пять минут спустя, я все еще стою на моих каблуках, боясь сесть и помять свое платье. Моя мама настояла на том, чтобы покрасить мои ногти розовым лаком, и я пытаюсь не соскабливать его, даже при том что очень нервничаю. Мы на заднем дворе, где мама и папа не переставая щелкают фотоаппаратом: я у дома, я у цветка в горшке, я рядом с моей машиной, с Бренденом, и у ограды, и....

Карлос открывает стеклянную раздвигающуюся дверь и выходит во двор. Его вечные джинсы и футболки заменяет черный костюм с белой рубашкой. Один взгляд на него заставляет мое сердце биться чаще, а мой язык разбухать во рту.

Особенно, когда я вижу букетик в его руках.

— Ох, ты выглядишь замечательно. Так мило, что ты сопровождаешь Киару на Осенний бал, — говорит моя мама. — Ей всегда так хотелось пойти.

— Нет проблем, — говорит Карлос.

Я не перебиваю их и не говорю моей маме, что это была наша договоренность. Я почти уверена, если бы мы не заключили эту сделку, мы бы не стояли тут в своих лучших нарядах.

— Вот, — говорит Карлос, протягивая мне букетик из фиолетовых и белых цветов с желтыми сердцевинами.

— Повяжи его ей на руку, Карлос, — говорит мама поднимая фотоаппарат.

Мой папа останавливает ее.

— Коллин, пойдем внутрь. Давай дадим им минуту наедине.

Когда мои родители уходят, Карлос повязывает букетик мне на запястье.

— Я знаю, что они не очень подходят к твоему платью, — говорит он смущено. — И это не розы, как я уверен, ты ожидала. Это мексиканские астры. Я хочу, чтобы каждый раз, когда ты смотрела на них сегодня, они бы напоминали тебе обо мне.

— Они пппрекрасны, — говорю я, поднося фиолетовые и белые цветочки к носу и вдыхая их сладкий аромат.

Во дворе не столе лежит бутоньерка, которую я ему купила. Это простая белая роза с зелеными листочками. Я поднимаю и протягиваю ее ему. — Мне надо пприколоть это тебе на лацкан.

Он двигается ближе, мои руки трясутся, пока я пытаюсь справиться с огромной булавкой.

— Дай-ка мне, я приколю, — говорит он, наблюдая за моими тщетными попытками проколоть булавку сквозь толстую зелень у ножки цветка. Наши пальцы соприкасаются, и я с трудом могу дышать.

Отмучившись с фотографиями для моих родителей, я замечаю, что небо начинает затягивать тучами.

— Сегодня вечером обещали дождь, — говорит мама, затем советует мне захватить мой дождевик, который совсем не подходит к моему платью, зато спасет от дождя.

Карлос выглядит довольным от того, что имеет возможность отвезти меня на машине Алекса. Он знал, что мне понравится то, что наши машины так похожи.

Десять минут спустя, мы заезжаем на забитую стоянку у школы. Но перед тем, как мы успеваем зайти внутрь, откуда ни возьмись, Ник Гласс и два других бугая перекрывают нам дорогу. По ним видно, что они не танцевать сюда пришли... они здесь, чтобы наводить беспорядок.

Я хватаю Карлоса за руку, испугавшись, что он попадет в еще одну драку.

— Все okay, — успокаивает он мягко, — Доверься мне, chіca.

— Это моя территория, — говорит Ник, подходя ближе. — Я не собираюсь ею делиться.

— А мне это и не надо, — отвечает ему Карлос.

— В чем проблема? — спрашивает Рам, подходя к нам с девушкой, которую я не узнаю. Рам

и Карлос стали в школе друзьями, и я рада, что есть хоть кто-то, кто может заступиться за Карлоса, даже на балу.

— Ничего особенного, так ведь, Ник? — спрашивает Карлос.

Ник смотрит на Карлоса, потом на Рама и обратно. Друзья Ника не из Флатайрой Хай. Они выглядят как те парни, что не боятся лезть в драку, но в итоге, Ник отступает и дает нам возможность пройти.

Карлос сжимает мою руку и бесстрашно проходит мимо.

— Если я тебе понадобится, Карлос, дай знать, — говорит Рам, когда мы подходим к входным дверям.

— Взаимно, чувак, — отвечает Карлос, и снова сжимает мою руку. — Если ты хочешь пойти куда-нибудь еще, Киара, я за.

Я мотаю головой.

Договор дороже денег. Я хочу, чтобы фотограф сфотографировал нас, чтобы я могла прикрепить это фото к себе на стену над столом, в качестве напоминания моих первых школьных танцев. Только пообещай мне, никаких драк.

— Окей, chica. Но если после фото ты захочешь поехать куда-нибудь еще, только скажи.

— Куда мы можем поехать? — спрашиваю его я.

Он смотрит вокруг на постеры, украшения, школьников, кричащих и танцующих под громкую музыку. Он притягивает меня ближе.

— В какое-нибудь тихое место, где мы сможем быть одни, я не особо хочу сегодня с кем-либо тебя делить.

Дело в том, что я тоже не хочу ни с кем его делить.

Перед тем, как мы зашли спортзал, фотограф заставил нас позировать, или точнее сказать обращался с нами, как с манекенами в магазине.

— Хочешь что-нибудь попить? — спрашивает Карлос, притягивая меня за талию ближе к себе, чтобы я могла его слышать за грохотом музыки.

Я отказываюсь, рассматривая все вокруг. Большинство девчонок одеты в очень короткие платья с разлетающимися юбками, которые летают вокруг, когда они поворачиваются в танце. Я выгляжу немного не к месту в своем длинном, облегающем, винтажном черном платье.

— Поесть? — спрашивает он. — Я вижу пиццу.

— Пока нет. — Я смотрю, как остальные танцуют. Большинство танцует в группах, прыгая вверх вниз под громкую музыку. Медисон тут нет. Лейси тоже. Знание того, что я не буду сегодня объектом их насмешек, заставляет меня немного расслабиться.

Карлос хватая меня за руку, и ведет к дальнему углу зала.

— Давай потанцуем.

— Ты до сих пор не поправился, давай подождем, пока будет медленный танец. Я не хочу, чтобы ты делал себе больно.

Не слушая меня, Карлос начинает танцевать. Он совсем не показывает, что ему больно. Больше того, он выглядит так, как будто танцевал на улицах всю его жизнь. У громыхающей музыки быстрый темп, у большинства парней нет ритма, но у Карлоса есть. Мне хочется просто отойти и наблюдать за тем, как его тело двигается под биты.

— Покажи мне, что ты можешь, — говорит внезапно Карлос. Он выгибает бровь, и его глаза светятся озорным огоньком. — Или тебе слабо, chica.

Глава 49

Карлос

Киара умеет танцевать. Черт, одно маленькое "слабо" и девчонка начинает двигаться, как

будто музыка является частью ее. Мы танцуем вместе, каждое наше движение синхронизировано, мы находим свой собственный ритм и продолжаем танцевать песню за песней, без остановки. Киара отвлекает меня от мыслей о Девлине и драме между Бриттани и Алексом.

Прямо посередине быстрой диджей миксует медленную мелодию, и из колонок начинает литься грустная песня о любви и ее утрате. Киара неуверенно смотрит на меня, не зная, как мы будем делать это дальше.

Я беру ее руки в свои, и обвиваю ими себя за шею. Ммм, она так хорошо пахнет... как свежая малина, запах которой ты хочешь вдыхать вечно. Когда я притягиваю ее ближе, так, что ее тело прижато к моему, все, что я хочу, это украсть ее и никогда не отдавать. Я пытаюсь притвориться, что Девлина не существует, и что мне не придется расстаться с ней навсегда в конце месяца. Я хочу насладиться сегодняшним днем, потому что мое будущее сейчас полный кавардак.

— О чем ты думаешь? — спрашивает она.

— О том, как сбежать отсюда, — отвечаю я, говоря ей правду. Только она не знает, что я имею в виду побег из Колорадо. Если бы она знала о моих планах, она бы позвонила Алексу и своим родителям и устроила бы мне семейный совет. Блин, я уверен, она и Тука бы туда пригласила.

Обвивая мою шею руками, она поднимает на меня глаза. Я наклоняюсь и нежно целую ее мягкие, блестящие губы, не обращая внимания на то, что за нами наблюдают учителя. Всех студентов предупреждали, что за непристойное поведение на публике, нас могут выгнать отсюда.

— Нам тут нннельзя целоваться, — говорит Киара, отодвигаясь.

— Тогда пойдем туда, где будет можно. — Мои руки сползают вниз по ее спине и останавливаются гораздо ниже положенного.

— Эй, Карлос! — кричит Рам, когда он со своей спутницей подходят к нам. Мы уже потанцевали, поели и готовы направиться куда-нибудь еще. — Мы собираемся поехать в дом моих родителей на озере. Хотите присоединиться?

Я смотрю на Киару. Она кивает.

— Ты уверена?

— Да.

На улице идет мелкий дождь, поэтому мы торопимся к машине. Я следую за Рамом и еще несколькими машинами со школьной стоянки. Полчаса спустя, мы все сворачиваем с главной дороги и направляемся по длинной подъездной дорожке к небольшому дому у частного озера.

— Ты уверена, что не против того, что мы здесь? — спрашиваю ее я. Она мало говорила с тех пор, как мы уехали с танцев.

— Я не против. Я не хххочу, чтобы эта ночь кончалась.

Я тоже. После сегодня, реальность начнет стучаться в двери. Мы бегом следуем за тремя другими парами в дом, потому что к этому моменту, дождь переходит в ливень. Дом не такой уж и большой, но несколько огромных окон выходят прямо на озеро. Я уверен, если бы не было темно снаружи, мы могли бы отчетливо видеть озеро, но, к сожалению, все, что мы сейчас можем видеть - это струйки дождя, стекающие по стеклу.

Рам показывает всем холодильник, забитый банками с пивом.

— Это все нам, — говорит он, кидая каждому по банке — в гараже есть еще, если понадобится.

Киара держит в руках свою банку, но она все еще закрыта.

— Ты собираешься пить? — спрашивает она.

— Может быть.

Она протягивает руку.

— Тогда дай мне ключи. Я не хочу, чтобы ты вел машину пьяным, — говорит она тихо, чтобы другие ее не слышали.

— Да, и еще, — кричит Рам, — те, кто пьет здесь, спит здесь. Правила этого дома.

Я смотрю вокруг, все выглядят так, как будто готовы уединиться.

— Жди здесь, — говорю я Киаре и выбегаю на улицу к машине, где в бардачке я оставил телефон. Пять минут спустя я возвращаюсь в дом. Несмотря на ее, так называемую, стеснительность, Киара наслаждается моментом. Она разговаривает с Рамом о плюсах дизельного топлива, и меня так и подмывает сказать что-нибудь вроде «Вот это моя девчонка». Но, на самом деле, она совсем не моя. По крайней мере, скоро она ею не будет, но сегодня это так.

Я отвожу Киару в сторону.

— Сегодня мы остаемся здесь, — говорю ей я. — Я только что позвонил твоим родителям. Они сказали, что согласны.

— Как тебе удалось уговорить их позволить нам остаться здесь на ночь?

— Я сказал им, что мы выпили. В итоге, они предпочли то, чтобы мы остались тут, тому, что мы будем вести машину пьяными.

— Но я совсем не собиралась пить.

Я одариваю ее озорной улыбкой.

— Чем меньше они знают, тем крепче будут спать, chica.

Пока остальные разбредаются в поисках места уединения на ночь, я хватаю несколько одеял, которые Рам вытащил из шкафа и вывожу Киару на улицу.

— Куда мы идем?

— Я видел причал и лодочный домик у озера, я знаю, что тут холодно, и дождливо... но он огорожен и там никого нет. — Я снимаю пиджак и протягиваю его ей. — Вот.

Она просовывает руки в рукава и заворачивается в него. Мне нравится то, что на ней мой пиджак, это говорит о том, что она моя и ничья больше.

— Подожди! — говорит Киара, хватая меня за запястье. — Дай мне свои ключи.

О, черт. Ну, вот и все. Она сейчас скажет мне, что она не моя, и что она все еще любит Майкла и хочет уехать отсюда. Или, что она просто хотела, чтобы я отвел ее на танцы, и ничего больше. Я выпил только одно пиво и все еще до боли трезв, я не хочу отвозить ее домой. Я хочу, чтобы эта ночь длилась как можно дольше.

— Мне нужна моя сумочка, — объясняет она, — я оставила ее в машине.

Ох. Ее сумочка. Я стою под дождем и, с ошеломленным выражением лица, смотрю на девчонку, которая заставляет меня хотеть держаться за нее, и никогда от себя не отпускать, как будто она мой спасательный круг. Мои эмоции пугают меня до чертиков. По дороге к причалу мы останавливаемся у машины. Она достает свою сумочку и прижимает к себе, пока мы шагаем дальше по мокрой траве.

— Мои каблук застревают в земле, — говорит она.

Я передаю ей одеяла и поднимаю ее на руки.

— Не урони меня, — говорит она, пытаясь балансировать одеяла у себя на коленях и при этом, железной хваткой, держаться за мою шею.

— Доверься мне. — Это уже второй раз за сегодня я прошу ее мне доверять. По правде говоря, ей не следует этого делать, потому что после сегодня, все игры прекращаются. Но я не хочу думать о завтрашнем дне.

Сегодня должно длиться всю жизнь. Сегодня... сегодня она может мне доверять, а я могу доверять ей.

Я ставлю ее на ноги на, вымощенную древесиной, пристань. Тут темно, и темные облака загораживают лунный свет. Верхнее одеяло мокрое, и я рад, что захватил несколько. Я беру их из рук Киары и кладу на доски, сооружая нам место для сна.

Я только не уверен, если спать это все, что мы будем тут делать.

— Киара? — говорю я.

— Да? — отвечает она, ее слово раздается эхом в темноте.

— Иди сюда.

Глава 50

Киара

От его слов мое сердце начинает биться быстрее, а по телу пробегает дрожь.

— Тут тттемно. Я не вижу ничего.

— Иди на мой голос, *chica*. Я не дам тебе упасть.

Я делаю шаг в темноту, как будто я слепая, дрожа при этом, то ли от холодного дождя, то ли от нервов. Не могу понять, что из двух заставляет меня дрожать сильнее. Когда в ночи наши пальцы соприкасаются, он подводит меня к одеялам. Я кладу свою сумочку с презервативом рядом с собой, и неловко поднимаю платье, чтобы я смогла сесть впереди него.

Он обвивает меня своими сильными, мускулистыми руками.

— Ты дрожишь, — говорит он, притягивая меня ближе к своей груди.

— Ннничего не могу с этим поделать.

— Тебе холодно? Я могу найти еще одеял, если ты...

— Нет, не уходи. Оссстанься со мной. — Я немного поворачиваюсь, чтобы иметь возможность обвить его руками за талию, прижимаясь как можно сильнее к теплоте его тела, не отпуская его. — Я просто нервничаю.

Он проводит рукой по моим, мокрым от дождя, волосам.

— Я тоже.

— Карлос?

— Да?

Поскольку я не вижу его, я поднимаю руку и провожу по его гладко выбритой щеке.

— Расскажи мне что-нибудь, что ты помнишь из своего детства. Что-нибудь хххорошее.

Проходит немного времени, прежде, чем он отвечает. Разве он не помнит ничего хорошего из своей жизни в Чикаго?

— Алекс и я постоянно попадали в неприятности, когда моя мама была на работе. Алекс должен был быть главным в доме, но последнее, что хочет делать тринадцатилетний парень придя домой со школы, так это домашнее задание. Мы устраивали состязания, которые называли Олимпийские игры Фуэнтесов, для которых придумывали наиглупейшие вещи.

— Например?

— Алекс придумал идиотскую игру, в которой мы обрезали верх у маминых колготок и в каждую из ног засовывали по теннисному мячу. Мы называли их Колготочные Дискусы. Мы раскручивали их над головой, как мельницу, и затем отбрасывали как можно дальше. Иногда выигрывал тот, кто кидал дальше всех, иногда тот, кто выше. — Он смеется. — Мы были такими ослиами, засовывая после этого колготки обратно к маме в шкаф и думая, что она никогда не догадается о том, что это мы так их изуродовали.

— Она сильно вас наказывала?

— Скажем так, моя задница до сих пор болит, а это было семь лет назад.

— Ауч.

— Ага. Алекс и я много времени проводили вместе тогда. Однажды, я хотел стать пиратом, я пошел к маме в спальню, взял шкатулку с ее драгоценностями и закопал ее в лесу рядом с домом.

Большинство из того, что было внутри, было просто дешевой бижутерией, которую она носила на работу. Я вернулся домой, нарисовал карту с большим красным крестом на том месте, где я спрятал шкатулку, и сказал Алексу найти ее.

— Он нашел?

— Нет, — смеется он. — Также как и я.

— Твоя мама, наверное, сильно разозлилась.

— Разозлилась, это не то слово. Каждый день после школы я ходит в лес, пытаюсь найти ее шкатулку, но безуспешно. Хуже того, в ней было обручальное кольцо моей мамы... она перестала его носить, когда умер отец, боясь его потерять.

— О Боже. Это ужасно.

— Ага. В то время, смешным это не было, это уж точно. Но когда-нибудь, я найду эту шкатулку, если кто-то еще не добрался уже до нее первым. Окей, твоя очередь. Что делала ты, чтобы вывести из себя Всемогущего Профессора и Королеву Мать Органических Чаев?

— Один раз я спрятала папины ключи, чтобы он не пошел на работу, — говорю ему я.

— Не достаточно плохо. Что еще?

— Я притворялась больной, чтобы не ходить в школу.

— Ой, я тебя прошу. Я был чемпионом в этом деле. Разве ты не делала ничего по-настоящему плохого? Или ты всю жизнь была хорошей девочкой?

— Когда я сильно злилась на моих родителей, я подливала им в зубную пасту соус Табаско.

— Вот именно это я и хотел услышать. Клево.

— Но мои родители никогда меня не били, они не верят в это. Но в мои мятежные времена, когда мне было двенадцать, я получала кучу тайм-аутов.

Он смеется.

— Я все время живу в мятежных временах.

Его пальцы пробегают по моему колену и двигаются выше. Когда они достигают подвязки, он дотрагивается до ее кружев.

— Что это?

— Подвязка. Тебе нужно снять ее и сохранить на память. Чччто-то вроде трофея за пересечение сексуальной линии с девушкой. На самом деле, это глупо. И, если хххорошенько ппподумать об этом, даже унижительно.

— Я знаю, что это, — говорит он, в его голосе четко слышны нотки веселья. — Мне просто хотелось услышать твое объяснение. — Медленно, он стягивает ее с меня, его губы следуют по следу подвязки. — Мне она нравится, — говорит он, помогая мне избавиться от туфлей, и затем от подвязки.

— А сейчас ты чувствуешь себя мятежно? — спрашиваю его я.

— Sí. Очень даже мятежно.

— Помнишь, ты как-то мне сказал, что в один прекрасный день, мы с тобой попадем в большие неприятности?

— Ага.

— Я думаю, что этот день настал.

Я тянусь вперед и, трясущимися руками, начинаю расстегивать пуговицы на его рубашке. Я раскрываю рубашку и медленно покрываю его твердую обнаженную грудь поцелуями. Я двигаюсь все ниже и ниже, раскрывая одну пуговицу за другой.

— Хочешь попасть со мной в неприятности, Карлос?

Глава 51

Карлос

Попасть с ней в неприятности? Черт, да как только я впервые увидел ее в Флатайрон Хай, я уже по уши был в неприятностях. Сейчас я просто потерял в ощущении ее мягких, теплых губ на моей коже. Я позволяю ей взять контроль в свои руки. Я сдерживаю себя, даже притом, что мое тело кричит о большем. Бриттани сказала мне приглушить свое самолюбие и понты. Проблема в том, что ни то ни другое мне сейчас не подчиняются.

Ее влажный язык дотрагивается до моего левого соска.

— Ттак хорошо? — спрашивает она.

Ни одна девчонка раньше со мной этого не делала. Черт, я не знаю, если я позволял когда-либо какой-то другой девчонке делать это со мной. Но это не какая-то девчонка, это Киара. Я чувствую, что она может делать со мной сейчас все что угодно, и я не скажу ни слова против.

— Да. Просто отлично, chica. Не могу дождаться, когда смогу сделать то же самое с тобой.

Мое дыхание сбивается, пока я пытаюсь заставить остальное свое тело успокоиться, когда она двигается к другой части моей груди. Мне просто необходимо почувствовать ее кожу не моей. Я никогда не отличался особой терпимостью.

— Эй, — говорю я, поднимая ее голову за подбородок. Я нежно ее целую, не желая ничего больше, чем ее тело рядом с моим в данную минуту. — Теперь моя очередь.

Я снимаю с ее плеч мой пиджак и откидываю его в сторону. Мои пальцы двигаются вверх по молнии на ее спине, останавливаясь у самого верха. Когда я тяну за замочек все ниже и ниже, обнажая ее кожу, я мечтаю о том, чтобы я мог сейчас ее видеть, но я могу только представлять. Киара расстегивает мои штаны и засовывает руку вниз, ощущая меня через брифы.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я ее.

— Извини, — говорит она быстро, убирая руку. — Мне ннужно было сделать что-то с моими руками и мне хотелось знать, если ты был уже вввозбужден.

Я смеюсь. Оставь это Киаре, полезть мне в штаны в поисках ответов.

— Ты почувствовала доказательство? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она шепотом. — Ты возбужден.

— Чтобы ты знала... — я беру ее руку в свою и возвращаю на себя. — Одна мысль о тебе делает меня таким.

Даже не имея возможности видеть, я чувствую ее улыбку. Я представляю, как ее ресницы обрамляют ее глаза-хамелеоны, которые сейчас, скорее всего, превратились в светлый оттенок серого.

Я стягиваю платье с ее плеч, и не останавливаюсь, пока полностью не освобождаю ее от него.

— Твоя очередь, — шепчет она, отодвигаясь, когда я протягиваю руку, чтобы дотронуться до нее.

Я избавляюсь от остальной своей одежды, оставаясь только в боксерах-брифах, и притягиваю ее к себе под одеялом. — Тебе холодно? — спрашиваю я, замечая, как дрожат ее руки, когда она проводит пальцами по моему лицу, пытаясь запомнить его в темноте.

— Нет.

Я наклоняюсь и целую ее.

— Дай мне свои микробы, — говорю ей я, насмехаясь над Брендоном и его мнении о французских поцелуях.

— Только если ты отдашь мне свои, — говорит она мне в губы.

Она приоткрывает рот и наши языки переплетаются, их мягкая влажность возбуждает меня еще сильнее - если такое вообще возможно.

Мы двигаемся вместе друг против друга почти вечно. Я запускаю пальцы ей в трусики, и она в то же время обвивает руками меня.

— Я взял с собой презерватив, — говорю ей я, стягивая ее трусики вниз. Мы оба мокрые от пота и желания, и я не могу больше сдерживаться.

— Я тоже, — шепчет она мне в шею. — Но возможно мы не сможем ими воспользоваться.

— Почему нет? — я жду, что она скажет, что это все было ошибкой, что она не хотела доводить меня до этого умопомрачительного момента возбуждения, только чтобы сказать мне, что я не достоин того, чтобы быть тем, кому она подарит свою девственность, хоть это и правда.

Она прочищает горло.

— Это зависит от того, нет ли у тебя аллергии на латекс.

Латекс? Меня никто никогда об этом не спрашивал. Может это потому, что каждая из девчонок, с которыми я был раньше, ждали от меня того, что я позабочусь о защите, или не думали о защите вообще.

— Chica, у меня ни на что нет аллергии.

— Хорошо, — говорит она, протягиваясь к своей сумочке и доставая упаковку с презервативом. — Хочешь, чтобы я надела его на тебя?

Она не видит это, но я ухмыляюсь. Не я тут девственник, и все же, сегодняшний вечер и для меня полон чего-то впервые.

— Ты уверена, что справишься с этим?

Я слышу звук раскрывающейся упаковки.

— Я слышу вызов? — шепчет она, наклоняясь вперед и произнося прямо у моих губ: — О, Карлос, ты же знаешь, я не могу против этого устоять.

Глава 52

Киара

— Просыпайся, chica.

Звук голоса Карлоса и нежное прикосновение его пальцев к моему обнаженному плечу, заставляют меня вздрогнуть. Мои ноги переплетены с его, моя голова лежит на его предплечье, и воспоминания того, что мы делали всего несколько часов назад, вызывают во мне горьковато-сладкие чувства.

Я открываю глаза. На улице все еще темно, и мы оба абсолютно голые под одеялом.

— Привет, — говорю я, мой голос немного хриплый и усталый.

— Привет. Нам пора уходить.

— Почему? Не можем мы остаться здесь еще ненадолго?

Он прочищает горло и отодвигается, от его движения, меня обдает холодным ночным воздухом.

— Я забыл, что мне нужно сегодня вернуть Алексу машину.

— Ох, — отвечаю я тупо. — Окей. — Я вижу, что он нервничает и раскаивается в том, что мы сделали. Я его понимаю. Я только не знаю, что в данный момент заставляет его так себя вести, но я его понимаю.

— Одевайся, — говорит он мне, безо всяких эмоций в голосе.

Когда он протягивает мне свой пиджак, я не беру его.

— У меня есть дождевик, — говорю ему я.

— Ты оставила его в машине, Киара. Одень пиджак. Он защитит тебя от дождя.

— Он мне не нужен, — говорю я, и выхожу под дождь в своем платье и босиком. Мне нужна его любовь. Мне нужна его честность. Предлагая мне свой пиджак, он предлагает мне всего лишь поверхностную защиту. К тому же, пиджак и так уже весь мокрый насквозь.

Карлос засовывает одеяла в багажник, бормоча что-то о необходимой поездке в прачечную, чтобы их постирать. Мы едем по темным, пустынным улицам в полном молчании. Единственный звук, нарушающий молчание, это капли дождя, стучащие в окна. Как бы мне хотелось, чтобы

дождь не напоминал мне так сильно слезы.

— Ты злишься на меня? — спрашиваю я, надевая свой дождевик, чтобы он не заметил, как сильно у меня трясутся руки.

— Неа.

— Тогда перестань себя так вести. Сегодняшний вечер был превосходен. Не порть его.

Он заезжает на подъездную дорожку у моего дома и паркуется у моей машины. Дождь начинает лить еще сильнее.

— Подожди, пока он ослабнет, — говорит он, когда я поднимаю свою сумочку и туфли.

— Как ты вернешься домой, когда отвезешь машину?

— Я просто останусь у брата, — говорит он.

Я наблюдаю, как капельки дождя стекают по стеклу узенькими ручейками и постепенно исчезают. Я не могу больше здесь оставаться, не расклеившись окончательно.

— Чтобы ты знал, я не сожалею о сегодняшнем. Ни капельки не сожалею.

Он смотрит прямо на меня. Уличный свет освещает контур его красивого, сильного лица.

— Послушай, мне нужно во всем разобраться. Все сейчас слишком...

— Сложно, — говорю я, заканчивая его предложение. — Ддавай я сделаю это немного легче для тебя. Я не дура, чтобы думать, что все изменилось только ппотому, что мы переспали. Ты ччетко и ясно дал мне понять в самом начале, что ты не искал себе девушку. Вот, я облегчила ситуацию. Ты абсолютно свободен.

— Киара...

Несмотря на мое заявление, что это ничего не значило, я не могу оставаться здесь и слушать речи о том, какой ошибкой была сегодняшняя ночь. Я выхожу из машины, но вместо того, чтобы бежать сквозь дождь домой, я направляюсь напрямик к своей машине. Мне нужно побыть одной в том месте, где я могу подумать и поплакать, и никто меня не услышит. В данный момент, моя машина — мое спасение. Если бы Карлос еще уехал побыстрее, я бы смогла выплакаться в тишине и спокойствии.

Он опускает свое окно и жестом призывает меня сделать то же самое. Когда я повинуюсь, он пытается что-то сказать, но его голос еле слышен за завесой дождя между нами.

Я высовываюсь из окна машины.

— Что?

Он высовывается из своего, встречая меня на полпути. Мы оба мокрые насквозь, но ни один из нас особо этого не замечает.

— Не убегай от меня, когда мне нужно сказать тебе что-то важное.

— Что? — спрашиваю я, надеясь, что он не заметит слез, стекающих по моему лицу, и я молюсь о том, что они просто смешаются с дождем.

— Сегодняшний вечер... для меня тоже был превосходен. Ты перевернула мой мир с ног на голову. Я влюбился в тебя, chіca, и это пугает меня до чертиков. Меня трясло сегодня весь вечер от того, что я знал это. Я пытался это отрицать, заставил тебя думать, что ты была мне нужна только под предлогом притворной девушки, но это было ложью. Я люблю тебя, Киара, — говорит он, прежде чем его губы встречаются с моими.

Глава 53

Карлос

— Что ты тут делаешь? — спрашивает меня Алекс, когда я приезжаю к нему в пять часов утра.

— Я переезжаю к тебе, — говорю я, заходя в квартиру. По крайней мере, до того как Кено и я исчезнем в конце месяца.

— Ты должен быть у Уэстфордов.

— Я не могу у них больше оставаться, — говорю я.

— Почему нет?

— Я надеялся, что ты не будешь об этом спрашивать.

Мой брат кривится и спрашивает:

— Ты не сделал ничего незаконного?

Я пожимаю плечами.

— Может в некоторых штатах. Послушай, Алекс, мне некуда больше идти. Конечно, я могу пойти жить на улицу с остальными подростками, которых выкинули из дома их братья...

— Не корми меня этой фигней, Карлос. Ты знаешь, что не можешь жить здесь, так приказал судья.

Приказ судьи или нет, я не могу пользоваться добротой Уэстфорда. Он один из тех хороших людей, которых я только в кино и видел.

— Я переспал с дочкой профессора, — выдаю я. — Так что, можно мне тут остаться или нет?

— Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

— Не могу. Это был Осенний бал, Алекс. И перед тем, как ты начнешь читать мне лекцию о том, что хорошо, а что плохо, позволь напомнить, что ты первый раз переспал с Бриттани на спор - на полу автомастерской нашего кузена - и еще к тому же на Хеллоуин.

Алекс потирает пальцами виски.

— Ты ничего не знаешь о той ночи, Карлос, так что не притворяйся, что знаешь, о чем говоришь. — Он садится на кровать и закрывает руками голову. — Извини, что спрашиваю, но мне нужно знать... ты использовал презерватив?

— Я не идиот.

Алекс поднимает голову и выгибает на меня бровь.

— Окей, — говорю я. — Признаю, я идиот. Но я все же использовал презерватив.

— Ну, хоть что-то ты сделал правильно. Можешь остаться сегодня, — говорит Алекс, кидая мне подушку и одеяло из шкафа.

Алекс вернул надувной матрац, поэтому мне приходится спать на полу. Десять минут спустя, когда свет уже погашен, и я пялюсь на тени на потолке, я решаюсь спросить:

— Когда ты понял, что влюбился в Бриттани? Ты знал это с самого начала, или произошло что-то конкретное?

Сначала он не отвечает, и я думаю, что он уснул. Но потом он вздыхает, заполняя молчание.

— Это случилось на уроке химии Питерсон... когда она сказала мне, что ненавидит меня. А теперь прекрати нудеть и засыпай уже.

Я поворачиваюсь на бок и прокручиваю всю ночь у себя в голове, начиная с того момента, когда я впервые увидел Киару в черном платье. У меня просто дух перехватило от этой девчонки.

— Алекс?

— Что? — спрашивает он.

— Я сказал ей, что люблю ее.

— И это правда?

Я не шутил, когда сказал, что она перевернула мою жизнь вверх тормашками. Что за девчонка носит безразмерные футболки каждый день, имеет гея в лучших друзьях, заикается, когда нервничает, клеит расписание использования душа на зеркале в ванной, печет глупое печенье с магнитами только для того, чтобы вывести меня из себя, чинит машины, как пацан и радуется перспективе надевания презерватива? У девчонки точно не все дома.

— Я в полном дерьме, Алекс, потому что я думаю, что нет ничего лучше, чем просыпаться рядом с ней каждое утро.

— Ты прав, Карлос. Ты в полном дерьме.

— Как мне выбраться из этой ситуации с Девлином?

— Я не знаю. На данный момент, я также как и ты ничего не знаю, но думаю, что у меня есть кое-кто, кто сможет нам помочь.

— Кто?

— Я скажу тебе утром. А пока заткнись и дай мне поспать.

У меня звонит телефон, писк раздается эхом по всей крохотной квартире.

— Кто, черт возьми, звонит тебе в такой час? — спрашивает резко Алекс. — Это Девлин?

Я читаю смс и смеюсь.

— Нет. Это сообщение от твоей бывшей девушки.

Алекс практически спрыгивает с кровати и выхватывает у меня телефон.

— Что она сказала? Почему она вообще тебе пишет?

— Расслабься, брат. Она спросила меня, как прошло мое свидание, и я написал ей перед тем, как приехать сюда. Я не знал, что она сразу мне ответит.

— Она хочет знать, также ли я несчастен, как и она, — говорит Алекс, читая смс Бриттани.

Отсвет с экрана телефона на его лице показывает мне все. Он до сих пор безнадежно и до тошноты влюблен в Бриттани. Я бы посмеялся над ним, если бы не думал, что у меня было такое же выражение лица, когда я проснулся с обнаженным телом Киары, прижатым к моему и понял, что я лучше умру, чем проведу один день без нее. Я совсем недолго ее знаю, но от одного взгляда на нее, я чувствую, что я там, где должен быть. Я чувствую себя... дома. Может кому-то другому это не очень-то понятно, но не мне.

— Эй, Алекс, просто ответь ей, что ты в ужасном состоянии, и что сделаешь все, чтобы вернуть ее обратно... даже если это значит ужин с ее предками и целование ее жемчужно-белой задницы следующие семьдесят лет.

— Что ты вообще знаешь об отношениях или жемчужно-белых задницах? Забудь об этом. Я не хочу знать ответ на этот вопрос. — Он заходит в ванную с моим телефоном и закрывает дверь.

Пока его нет, я могу воспользоваться его пустой кроватью. Он будет в ванной еще долго, писать его бывшей девушке сообщения, пока она снова не станет настоящей девушкой. Думаю, было совсем не плохой идеей, написать ей до того, как прийти сюда, зная, что она не спит и также несчастна, как и мой брат.

Там на пристани, когда я гладил длинные волосы Киары, пока она спала у меня в руках, меня охватил парализующий страх. Я понял, что то, что у меня было с Дестини не идет ни в какое сравнение с тем, что происходит между мной и Киарой. Это испугало меня, и я запаниковал. Мне нужно было уехать от нее, чтобы все переварить, потому что когда я с ней рядом, я начинаю думать о будущем с Киарой, вместо того, чтобы сфокусироваться на реальности - я уеду из Колорадо в конце месяца. Как сказал Кено, другого выбора просто нет.

Следующее, что я знаю, это как меня будит Алекс.

— Вставай, — приказывает он.

— Мне нужно еще пару часов, — говорю я ему.

— Ты не можешь, — отвечает он. — Уже полдень. И тебе пришло сообщение.

Снова Бриттани. Этим двоим лучше бы снова начать встречаться, чтобы у меня было меньше о чем волноваться.

— Я же сказал тебе ответить ей, и сказать, что ты сделаешь все, чтобы она взяла тебя обратно.

— Сообщение не от Брит.

Я открываю глаз.

— От Киары?

Он пожимает плечами.

— Тебе пришло одно от Киары.

Я подсказываю, и от резкого движения у меня темнеет в глазах.

— Что она хотела?

— Хотела знать, если с тобой все в порядке. Я ответил ей и сказал, что ты остался сегодня здесь, и все еще спишь. Но ты получил голосовое сообщение от Девлина. Он хочет встретиться с тобой сегодня вечером.

Я потираю комок нервов, скопившийся на затылке.

— Ну, вот и все. Нечего думать о том, что он забыл обо мне. Он потратил много энергии, пытаясь меня завербовать. Я не вижу выхода, Алекс.

— Выход есть всегда. — Он кидает мне полотенце. — Прими душ и переоденься. Можешь надеть что-нибудь из моего. И поторопись, у нас не так много времени.

Алекс привозит меня в кампус Боулдера. Я следую за ним в одно из зданий, но останавливаюсь, как вкопанный, перед дверью с табличкой РИЧАРД УЭСТФОРД, ПРОФЕССОР ПСИХОЛОГИИ.

— Почему мы здесь? — спрашиваю я брата.

— Потому, что он может нам помочь, — Алекс стучит в дверь профессора.

— Войдите, — говорит тот. Уэстфорд поднимает голову, когда мы заходим в его кабинет. — Эй, парни. Вы с Киарой хорошо провели вчера время, я так понимаю. Коллин сказала мне, что она все еще спала, когда я уходил из дома утром, поэтому у меня не было возможности спросить ее.

— Было весело, — бормочу я. — Киара...

— Доставляет беспокойство, я знаю. Она точно держит нас в ежовых рукавицах.

— Я хотел сказать замечательная, — говорю ему я. — Ваша дочь замечательная.

— Ну, это не только моя заслуга. Коллин отлично справляется с воспитанием детей. Киаре просто следует почаще вылезать из своей скорлупы. Хорошо, что ты отвел ее на танцы. Я знаю, что она была очень рада. А теперь, я уверен, что Алекс пришел сюда не о погоде разговаривать. Что у вас на уме?

— Скажи ему то, что сказал мне, — приказывает Алекс.

— Зачем?

— Потому, что он крепкий орешек.

Я смотрю на лысеющего профессора. Крепкий орешек, как же. Может он и был им когда-то, но не теперь. Теперь он психолог, а не солдат.

— Просто скажи, — настаивает Алекс, теряя терпение.

У меня нет выбора, так почему не рассказать. Может Уэстфорд придумает что-нибудь, о чем я не додумался. Я в этом сомневаюсь, но попробовать стоит.

— Помните, как я сказал, что на меня напали и избили у молла?

Он кивает.

— Я соврал. Правда в том... — я смотрю на Алекса, который жестом указывает мне продолжать. — Меня завербовал этот чувак, Девлин.

— Я знаю, кто такой Девлин, — говорит профессор. — Я никогда его не встречал, но я слышал о нем. Он промышляет контрабандой наркотиков. — Он сужает глаза, и я замечаю проблеск того крепкого орешка, которым он когда-то был. — Тебе бы лучше не торговать наркотой для Девлина.

— В этом то и проблема, — говорю я профессору. — Или я торгую наркотиками, или он меня убирает. И в настоящий момент, я уж лучше наркотой буду торговать, чем валяться в подворотне мертвый.

— Ты не будешь делать ни то, ни другое, — заявляет Уэстфорд.

— Девлин - бизнесмен, которому важны только результаты.

— Результаты, значит? — Уэстфорд отклоняется назад в кресле, колесики в его голове крутятся без остановки. Кресло отклоняется настолько далеко назад, что ему приходится схватиться за край стола, чтобы не опрокинуться. Профессор еще тот крепкий орешек, как же. Вплоть до его дизайнерских туфлей.

— Какие-нибудь предложения? — спрашивает Алекс. — Мне в голову ничего не приходит.

Уэстфорд поднимает палец.

— Я, возможно, смогу помочь. Когда ты должен с ним встретиться?

— Сегодня.

— Я иду с тобой, — говорит Уэстфорд.

— Я тоже, — встречает Алекс.

— О, просто прекрасно. Мы сформируем свою собственную банду отступников, — смеюсь я. — Вы не можете просто прийти к Девлину.

— Еще как могу, — говорит Уэстфорд. — Мы тебя вытащим оттуда, чего бы это ни стоило.

Он что, шутит? Он мне никто, даже не родственник. Ему следует думать обо мне как о бремени и ненужной ответственности, а не о том, за кого стоит сражаться.

— Почему вы это делаете? — спрашиваю я его.

— Потому, что ты не безразличен моей семье. Послушай, Карлос, я думаю, пришло время рассказать тебе о моем прошлом, чтобы ты знал, откуда я вышел.

О, это надо послушать.

Я отклоняюсь на спинку стула, готовый слушать какую-нибудь слезливую историю о том, как его родители плохо с ним обращались, потому что отказывались покупать ему игрушку, которую он хотел на его шестилетие. Или может о том, как его били в старших классах, потому что он не хотел никому отдавать свои деньги на обед. Может он был расстроен потому, что его родители купили ему использованную, а не новехонькую машину на его шестнадцатый день рождения. Профессор что, на самом деле думает, что я его пожалею? Я сам ему, какую хочешь смазливую историю из детства расскажу, и она точно будет похлеще его.

Уэстфорд ерзает в кресле и тяжело вздыхает.

— Мои родители и брат погибли в автокатастрофе, когда мне было одиннадцать.

Вау, этого я не ожидал.

— Мы ехали вечером домой, был сильный снегопад, и мой отец потерял управление.

Подождите-ка.

— Вы тоже были в машине?

Он кивает.

— Я помню, как он вывернул руль, как машину начало крутить. — На мгновение он замолкает. — Затем в машину врывается фура. Я до сих пор слышу крик моей мамы, когда она заметила огромные фары, светящие прямо на нее, и выражение лица моего брата, который смотрел на меня, как будто я мог ему тогда чем-то помочь.

Он прочищает горло и сглатывает, все мои понты и мысли о том, кто выиграет игру «чье детство было хуже» испаряются.

— После столкновения, когда мое тело перестало кидать туда-сюда, как тряпичную куклу, я открыл глаза и увидел кровь, покрывающую все в машине. Я даже не был уверен моя ли она или моих родителей... или моего брата. — Его глаза блестят, но из них не проливается ни одной слезинки. — Он выглядел так, как будто его покровсали, Карлос. Даже при том, что я думал, что умру от ужасной боли, если пошевелюсь, мне было необходимо их спасти. Я прижимал разрыв в боку своего брата так долго, как только мог, все мои руки были покрыты его теплой красной

кровью. Медикам пришлось силой меня от него отдирать, потому что я не хотел отпускать. Я не мог позволить ему умереть. Ему было всего семь, на год больше, чем Брендону.

— Они все умерли, кроме вас?

Он кивает.

— У меня не было родственников, которые могли бы взять меня к себе, поэтому следующие семь лет я провел прыгая от одной приемной семьи в другую. — Он смотрит мне прямо в глаза. — По правде говоря, из большинства из них меня просто выгоняли.

— За что?

— Много за что. Драки, наркотики, побеги... по большому счету, мне просто было необходимо немного понимания и направление на правильный путь, но ни кто не хотел, а может у них просто не было времени это сделать. В конце концов, мне исполнилось восемнадцать, и я оказался на улице. Я добрался до Боулдера, где было полно таких же подростков, как и я. Но жизнь на улице была грязной, я был один и без копейки в кармане.

В один из дней, я сидел на улице попрошайничал, и мимо проходил какой-то мужчина, который фыркнул на меня и сказал: «А твоя мать знает, где ты и что ты делаешь со своей жизнью?»

В тот момент я задумался об этом. Если моя мама смотрела бы сейчас на меня с небес, она была бы чертовски зла на меня за то, что я не пытаюсь сделать в жизни что-то стоящее.

Я понял, что никакие драки не вернут мне обратно мою семью.

Никакое количество наркотиков не сотрет с моей памяти глаза моего брата, молящие о помощи. И я никогда не смогу убежать от этой картины, потому что это делает все только хуже. Я перенаправил эту энергию в службу в армии.

— Я не хочу, чтобы вы рисковали своей жизнью ради меня, профессор. И так хватает того, что я хочу встречаться с вашей дочерью.

— Мы поговорим об этом в другой раз. А сейчас давай сфокусируемся на нынешней проблеме. Где ты должен встретиться с Девлином? — спрашивает Уэстфорд, наполненный решимостью.

Мы договариваемся встретиться в семь часов вечера и привести план в исполнение. В чем заключается план, я не имею понятия. Только надеюсь, что к семи часам Уэстфорд что-нибудь придумает. Сказать по правде, это облегчение, наконец-то, иметь кого-то, кому я безоговорочно могу доверить свою жизнь.

Глава 54

Киара

В понедельник утром моя мама жарит блины на завтрак.

— Что ты все еще делаешь дома? — спрашиваю я.

— Сегодня магазин открывает один из моих работников, — она тепло мне улыбается, той сладкой улыбкой, от которой мне всегда становилось немного лучше, когда приходилось оставаться дома из-за болезни в младших классах. — Неплохо разок провести время с тобой и Брендонем перед тем, как вы отправитесь в школу.

— Ты или папа разговаривали с Карлосом? — спрашиваю я уже в триллионный раз со вчерашнего дня.

Мои родители ведут себя очень странно с тех пор, как папа вчера вернулся с работы. Он заперся у себя в кабинете с мамой на несколько часов. И с тех пор они оба выглядят чем-то обеспокоенными, и я не могу понять чем.

Карлос сказал мне, что поедет к Алексу, прямо перед тем, как признался мне в любви. Как бы мне хотелось, чтобы он был сейчас здесь и уверил меня в том, что между нами все будет

хорошо, но я знаю, что ему нужно было уехать, чтобы переварить происходящее в его собственной голове.

Проблема в том, что я так и не успела разуверить его в его главном страхе. Ему нужно знать, что я не собираюсь сдаваться, ни в отношении его, ни в отношении нас. Мне хотелось поговорить с ним сегодня до школы, но не получилось. Он так и не вернулся с тех пор, как привез меня домой рано утром в воскресенье.

Я наблюдаю за тем, как мама энергично мешает тесто на блины в миске.

— Я не уверена.

— Что это значит?

— Это значит, что я не хочу об этом говорить.

Я подхожу к ней и кладу ладонь ей на руку, останавливая ее.

— Мам, что происходит? Скажи мне. — Я с трудом сглатываю слюну. Я не буду сидеть и смотреть, как парень, которого я люблю, несчастен от того, что он тоже меня любит. Это того не стоит. Я отпущу его, если это сделает его счастливым. — Мне нужно знать.

Когда она смотрит на меня, ее глаза полны слез. Что-то точно не в порядке.

— Твой отец сказал, что позаботится обо всем. Я доверяла ему последние двадцать лет и не собираюсь останавливаться сейчас.

— Это что-то связанное с Карлосом? Что-то связанное с тем за что его избили? Он в опасности?

Мама кладет руку мне на щеку.

— Киара, солнце, иди в школу. Прости, что я немного не в себе сегодня утром. Скоро все закончится.

— Что закончится, мам? — спрашиваю я в панике. — Просто скажи мне.

Она делает шаг назад, по-видимому, взвешивая последствия раскрытия мне их секретов.

— Твой отец сказал, что все будет нормально. Он вчера очень долго разговаривал с Томом и Дэвидом, его армейскими друзьями, которые работают в Управлении по Борьбе с Наркотиками.

— Мне плохо, — говорю я.

— Все будет хорошо, Киара. А теперь готовься к школе, и ни единого слова никому об этом.

— Завтрак готов? — спрашивает мой брат, заходя на кухню.

Мама возвращается к тесту.

— Почти. У нас на завтрак блины.

Брендон одаривает ее своим знаменитым надутым выражением лица, от которого в нашем доме не может устоять никто. Интересно, это когда-нибудь у него пройдет. Но зная Брендона, он все еще будет использовать его, даже когда ему будет пятьдесят.

— Можешь добавить в них шоколадную крошку? Пожааааалуйста.

Моя мама вздыхает, и целует его в щеку.

— Окей, но иди обуйся, чтобы не опоздать на автобус.

Пока она смазывает маслом сковороду, я захожу к папе в кабинет. Я знаю, что это плохо, и абсолютно неправильно, но я сажусь перед компьютером и проверяю историю, сначала в интернете, а потом каждую из открытых его папок. Если тут есть хоть немного информации, мне нужно знать. И поскольку никто мне ничего не говорит, у меня не остается выбора, кроме как самой найти ответы.

К несчастью для моего отца и к счастью для меня, он не удалил его историю. Я открываю все над чем он работал за последние двадцать четыре часа. Я смотрю на письмо, которое он написал своему боссу о введение нового учебного плана, начало теста для его урока, и таблицу с какими-то номерами.

Я изучаю таблицу. Это выписка... с деталями их банковского счета. Последняя транзакция

датирована сегодняшним днем - минус пятьдесят тысяч долларов - оставляющая на счету моих родителей что-то около пяти тысяч долларов. В описании всего одно слово - НАЛИЧНЫЕ.

Мой папа снял с банковского счета сегодня пятьдесят тысяч долларов. Это как-то связано с тем, что Карлоса избили, не знаю откуда, но я просто уверена в этом.

— Киара, блины готовы! — кричит мама с кухни.

Она точно не скажет мне, зачем мой отец снял столько наличных. Я прикидываюсь наивной, и ем свои блины с беспечной улыбкой на губах.

Как только мы заканчиваем завтрак, мама торопит Брендона на улицу, чтобы не пропустить автобус. Я быстренько проскальзываю в кабинет отца к его компьютеру, у меня появляется еще одна идея: я открываю программу с картами, которой пользуется мой отец и просматриваю его последний поиск. Как я и думала, два последних адреса мне не знакомы.

Первый рядом с Эльдorado Спрингс, а второй в Браш, городке в полутора часах езды от моего дома. Я знаю, что там много проблем с наркотиками. Что происходит? Я быстро записываю адреса и пытаюсь выглядеть спокойно, когда мама возвращается в дом.

В школе, когда я открываю шкафчик, я нахожу внутри две розы - красную и желтую, лежащие поверх моих книг. Они связаны вместе четками из черного бисера. Там также лежит записка. Я не сомневаюсь, что они от Карлоса.

Я приседаю у шкафчика, и читаю записку, написанную на листе, вырванном из тетради.

— Неужели это Киара Уэстфорд? — говорит Тук, подходя ко мне. — Та, что не отвечает на мои звонки?

Я прижимаю цветы, четки и записку к своей груди.

— Привет. Извини, все сейчас просто кувырк.

Он хмурит брови.

— Что это у тебя?

— Подарок.

— От мексиканца?

Я смотрю вниз на изумительные цветы.

— У него неприятности, Тук. Мой отец с ним, и моя мама странно себя ведет, и мне нужно им как-то помочь. Я не могу просто оставаться в неведении, когда им всем грозит опасность. Я чувствую себя такой ббббеспоможной. Я просто... не знаю, что ддделать.

Даже не замечая того, я перебираю бусины четок пальцами.

Тук затаскивает меня в пустой класс.

— Что за неприятности? Прекрати трястись, ты меня пугаешь.

— Я не мммогу ничего с этим поделать. Я думаю, что это что-то связанное с Карлосом и каким-то торговцем наркотиков. Я схожу с ума, потому что мой отец думает, что он Рэмбо и может все исправить. Полиция вроде тоже подключена.

У меня такое чувство, что он пытается прыгнуть выше головы, Тук. Я даже не знаю, кто это, этот торговец наркотиками, все что я знаю, так это то, что Карлос назвал его Дьяволом, по-испански - El Diablo.

— El Diablo? — Тук качает головой. — Это мне ни о чем не говорит. Знаешь, с кем тебе надо поговорить?

— С кем?

— С Раом Гарсия. Его мама работает в Управлении по Борьбе с Наркотиками. Она как-то приходила к нам на открытый урок, рассказывала о своей работе.

Я целую Тука в щеку.

— Тук, ты гений! — говорю я и убегаю в поисках Рама.

Полчаса спустя я сижу напротив Миссис Гарсия, мамы Рама. Она одета в темно-синий

костюм с белоснежной рубашкой, и выглядит очень профессионально. Когда Рам дал мне ее номер, я позвонила ей из машины и рассказала все, что знаю. Я никогда раньше не пропускала школу, но это при том, что раньше я никогда так не волновалась о папе и Карлосе.

Миссис Гарсия только что закончила телефонный разговор с моей мамой.

— Она едет сюда, — говорит она мне. — Но вам придется остаться здесь на несколько часов. Я не могу позволить вам уйти из здания.

— Я не понимаю, — говорю я ей. — Почему?

— Потому что ты знаешь адрес в Браше. Это может поставить людей в опасное положение. — Миссис Гарсия вздыхает и кладет локти на, заваленный папками, стол. — Честно говоря, Киара, твой отец, Карлос и Алекс впутались во что-то, над чем мы работаем уже несколько месяцев.

— Пожалуйста, скажите, что им не грозит никакая опасность, — молю я, мое сердце начинает стучать все быстрее и быстрее.

— Мы сообщили нашим агентам, работающим в банде под прикрытием, что твоему отцу и братьям Фуэнтес нужна будет защита. Они настолько в безопасности, насколько они могут быть, учитывая то, что они сейчас в середине полицейского налета на банду, торгующую наркотиками. Я уверена, что твой отец будет осторожен.

— Откуда вы знаете?

— Он работал с нами раньше в нескольких операциях под прикрытием, — говорит она. — Он держит нынешнюю операцию в секрете от Карлоса и Алекса в их же интересах. Чем меньше они знают, тем лучше.

Что? Мой папа работал на Управление по Борьбе с Наркотиками? Когда? Он никогда раньше это не упоминал. Я всегда видела его как моего отца, а не как какого-то мужчину, работающего под прикрытием с полицейскими. Все, что я знала, так это то, что у него есть друзья среди военных, с которыми он иногда встречается.

Миссис Гарсия видит непонимание на моем лице, она встает из-за стола и садится передо мной на корточки.

— Твой отец был в очень серьезных боевых миссиях с нашими агентами. Его очень уважают, и он знает, что делает.

Она смотрит на часы.

— Все, что я могу тебе сказать, это то, что за ними наблюдают, и наши агенты хорошо натренированы для такого рода операций.

— Мне не важно, что они хорошо натренированы, — мои глаза наполняются слезами, и я думаю о тех вещах, которые хотела сказать Карлосу, но сдержалась, и все то время, когда я могла сказать папе, насколько я его ценю.

— Я хочу стопроцентную гарантию того, что с ними будет все в порядке, — говорю я миссис Гарсия.

Она хлопает меня по коленке.

— К сожалению, в жизни нет гарантий.

Глава 55

Карлос

Я смотрю на брата, который так сильно сжимает руль своей машины, что аж костяшки побелели. Профессор провел весь день, перебирая различные сценарии на случай того, если Девлин или кто-нибудь из его людей решит пойти на попятные в нашей договоренности и начнет в нас стрелять.

Когда мы встретились вчера вечером, профессор приехал одетый в черную водолазку и черные брюки, как какой-то Зорро. Бедняга, видимо, скучает по тем военным операциям, в

которых он раньше участвовал, потому что от него волнами исходит его воодушевление.

Не спрашивайте меня о том, как Уэстфорд придумал идею о сделке с Девлином. Я провел час, споря с ним, убеждая его, что не позволю заплатить десятки тысяч его собственных денег за то, чтобы вытащить меня из неприятностей. Я спорил с ним до хрипоты, но Уэстфорд настоял. Он сказал, что будет договариваться с Девлином с или без моего согласия.

Перед тем как заключить сделку с Девлином, Уэстфорд и я сели для серьезного разговора. Он готов заплатить Девлину за меня... при одном условии.

После школы я пойду в армию или в колледж.

И все. Профессор готов заплатить кучу бабок со своего собственного счета, чтобы выкупить меня из цепей Девлина, но за это еще и правила устанавливает.

— Это как рабство, — сказал ему я, когда мы обсуждали детали плана.

— Прекрати с этой фигней, Карлос. Мы договорились или нет? — ответил он.

Я пожал ему руку, но, к моему удивлению, он обнял меня и сказал, что гордится мной. Я чувствую себя странно от того, что в моей жизни есть тот, кто знает правду и ему все еще безразлично мое будущее, и он хочет, чтобы я в нем преуспел.

Девлин дал профессору двадцать четыре часа на поиски пятидесяти тысяч долларов, чтобы выкупит меня, но только после того, как я появлюсь в Браше и докажу союзникам Геррерос, что я заодно с Родригезом. Думаю, что у них намечается крупная сделка, но мексиканские поставщики не доверяют Девлину. Интересно, началась ли уже уличная война с Р6.

Мы в машине по дороге в Браш на встречу с Девлином и Родригезом. Деньги лежат в сумке у ног Уэстфорда. Я сижу на заднем сидении и смотрю на двоих мужчин, которые стали моими защитниками. Мое сердце колотится в груди от мыслей о том, что я вовлек в это профессора и своего брата. Я должен был быть в этом один, не втягивая в это дело никого другого. Девлин был моей проблемой, а они сделали ее их.

Я помню, как Киара провела пальцем по одной из моих татуировок. Мятежник. Не такой уж я и мятежник, если мне нужен мой старший брат и мужчина в летах, чтобы защитить меня. И хоть то, что они со мной не сидит хорошо у меня в желудке, признаюсь, я не знаю, что бы я сейчас делал без них.

— У вас еще есть время убраться отсюда, я могу пойти туда один.

— Не прокатит, — говорит Алекс. — Я иду с тобой, несмотря ни на что.

Уэстфорд поднимает сумку с деньгами.

— Я готов к этому.

— Это куча денег, профессор. Вы уверены, что хотите в этом участвовать? Вы можете умыть руки и сохранить свои деньги. Я не буду вас винить.

Он качает головой.

— Я не собираюсь сейчас вас бросать.

— Если кто-либо из вас почувствует, что что-то не так, убирайтесь оттуда поскорее, — говорю я им. — Девлин постарается привести с собой достаточно людей.

Алекс медленно едет через Браш. Улицы напоминают мне о Фейрфилде, нашем городке в штате Иллинойс. Мы не жили в богатой части города. Некоторые люди там бояться ездить по южной части, бояться, что их машину угонят, но для нас тот район был домом.

Группа парней стоит на углу и с подозрением смотрят на незнакомую им машину Алекса. С нами будет все в порядке, пока мы выглядим уверенно и знаем куда едем. Если мы начнем вести себя, как будто мы понятия не имеем, что тут делаем или как попасть туда, куда нам надо, вот тогда мы будем в полном дерьме.

Алекс заезжает на ветреную подъездную дорожку, и у меня по спине начинают бежать мурашки, когда мы подъезжаем к зданию, которое выглядит, как брошенный склад. Почему

Девлин решил встретиться с нами здесь?

— Ты готов? — спрашивает меня Алекс, паркуя машину.

— Нет, — отвечаю я. Алекс и профессор оба поворачиваются ко мне. — Я просто хотел сказать спасибо, — бормочу я. — Но вы думаете, что Девлин возьмет деньги и смоется, или грохнет нас сначала, а потом все равно возьмет деньги?

Уэстфорд открывает дверь машины.

— Только одна возможность это выяснить.

Мы выходим из машины, наши нервы на пределе. Хотя я и смеялся над тем, что Уэстфорд снова одет в черное, но он на самом деле выглядит крутым. Старый, лысеющий крепкий орешек, но все еще в седле.

— На крыше один стрелок, еще двое на два и десять часов.

Какое у него в армии было погоняло, Орлиный глаз?

У входа стоит парень в ожидании нас. Ему на вид двадцать с копейками, но его волосы так сильно обесцвечены, что кажутся белыми.

— Мы вас ждали, — говорит он грубым голосом.

— Хорошо, — отвечаю я, беря бразды в свои руки и первым заходя внутрь. Если кто-то начнет стрелять, я буду первой мишенью, и у Алекса и профессора будет шанс убраться отсюда. Пока белобрысый проверяет нас на наличие оружия, Уэстфорд цепляется за сумку с деньгами, как будто ему больно с ней расставаться. Бедный Уэстфорд. Он абсолютно не в своей тарелке. — Вы знаете, что я не хочу, чтобы вы это делали, так? — спрашиваю его я.

— Не спорь, — отвечает Уэстфорд, — потому что ты просто потратишь время, и это ни к чему тебя не приведет.

Белобрысый приводит нас в маленький офис сбоку.

— Ждите здесь, — приказывает он.

Ну, вот мы и здесь, двое братьев Фуэнтес и бывший военный, прижимающий к себе сумку с пятьюдесятью тысяч на выкуп свободы.

В комнату заходит Родригез и садиться за стол.

— Итак, что там у тебя, Карлос?

— Деньги. Для Девлина, — отвечаю я. Наверное, Главный не явился.

— Мне сказали, что у тебя появился благодетель, готовый тебя выкупить. Ты знаешь людей в высоких кругах, а? — говорит он, разглядывая профессора.

— Типа того.

Он протягивает руку.

— Давай их мне.

Уэстфорд сжимает сумку крепче.

— Нет. Я договаривался с Девлином, и я отдам их ему.

— Давай-ка выясним кое-что, дедок. Тебе нечем мне угрожать. Поэтому тебе стоит сейчас целовать мне задницу, иначе можешь оказаться на своей с пулей в животе... или двумя, — говорит Родригез ему прямо в лицо.

— О, но мне есть, что тебе сказать, — отвечает Уэстфорд. — Потому, что у моей жены осталось письмо с инструкцией отдать его полиции, если мы все не вернемся домой в целости и сохранности. Поверь мне, уважаемого профессора не скоро забудут. Вас с Девлином из под земли достанут.

Уэстфорд так и не разжимает железную хватку на сумке.

Раздраженный Родригез оставляет нас одних. Может он просто застрелит нас, когда вернется, и оставит деньги себе.

— Ты что, ждешь, что Девлин тебе чек выпишет за это? — спрашиваю я профессора. — Я

не думаю, что тебе вернут налоги за чей-то выкуп.

Он качает головой.

— Ты язвишь даже перед лицом опасности. Ты когда-нибудь сдаешься?

— Неа. Это часть моего шарма.

— Откуда ты знаешь, что Девлин вообще здесь? — спрашивает Алекс.

Профессор и глазом не моргает.

— Если тут стрелок на крыше и еще двое наблюдают за тем, кто входит и кто выходит, Босс точно здесь. Поверь мне.

И правда, полчаса спустя, Девлин, собственной персоной, заходит в комнату. Он специально заставил нас ждать, чтобы мы знали кто тут главный. Девлин смотрит на сумку.

— Сколько тут? — спрашивает он.

— Как мы и договаривались... пятьдесят тысяч.

Девлин проходит по комнате, оглядывая нас со скептицизмом.

— Я тебя проверил, профессор Уэстфорд.

На долю секунды Уэстфорд выглядит нервничающим, но быстро это маскирует. Я не знаю, заметили ли это мой брат и Девлин, но я точно заметил.

— И что ты нашел? — спрашивает он.

— Вот, что странно, — отвечает Девлин. — Немного. Заставляет меня думать, что у тебя есть связи с разведкой. Может ты пришел сюда, чтобы просто меня подставить.

Я не могу не засмеяться. У профессора нет никаких связей в разведке. Может в его былые дни он еще и был солдатом в спецотряде, но сейчас он просто отец Киары и Брендона. Боже, да этот чувак даже наслаждается Семейными Вечерами Веселья.

— Единственные связи, которые у меня имеются, так это с факультетом психологии в университете.

— Хорошо, потому что если я когда-нибудь узнаю, что у тебя есть какие-то связи с копами, ты и эти ребята пожалеете, что когда-либо меня встретили. Родригез сказал мне, что у твоей жены есть письмо для копов, в качестве страховки вашей безопасности. Мне не нравятся угрозы, профессор. Открывай сумку.

Уэстфорд открывает ее и достает деньги. Когда Девлин удостоверяется, что все деньги на месте и на них нет пометок, он приказывает мне поднять их и принести ему.

— А теперь у нас есть еще одно не законченное дело, — говорит Девлин, указывая не меня. — Вы с Родригезом встретитесь с моими очень важными друзьями. В Мехико.

Что? Ни за что.

— Это не было частью сделки, — говорит Уэстфорд.

— Ну, я меняю сделку, — говорит Девлин. — У меня деньги, пушка и власть. У вас ничего.

Как только он это говорит, земля под нашими ногами начинает трястись, как при землетрясении.

— Это облава, — кричит кто-то с двери. Люди Девлина бегут кто куда, спасая свою шкуру, бросая посты и обязанность защищать своего босса.

Агенты Управления по Борьбе с Наркотиками в синей униформе с оружием наготове врываются на склад. Они приказывают всем лечь на пол.

Девлин, с полными сумасшествия глазами, достает из-за пояса револьвер и целится в профессора.

— Нет! — выкрикиваю я и кидаюсь вперед, пытаюсь выбить пистолет из рук Девлина. Никто не убьет профессора, даже если я при этом окажусь в морге. Я слышу, как звенит выстрел, и чувствую, как будто моя нога охвачена огнем. Кровь с нее капает вниз на цементный пол. Все как в тумане и я боюсь смотреть на рану, я не знаю, насколько все плохо, чувствую только, как будто

меня ужалила тысяча пчел. Алекс кидается на Девлина, но тот слишком быстр и поворачивает пушку на моего брата. Меня охватывает паника, и я пытаюсь добраться до Девлина, чтобы остановить его, но Уэстфорд сдерживает меня. В этот момент в комнату врывается белобрысый парень с Глоком наготове.

— Полиция! Опустить пистолет! — приказывает он.

Что за...

В мгновение ока, Девлин поворачивает свой пистолет на парня и гремят выстрелы. Я задерживаю дыхание, но выдыхаю, когда вижу, что Девлин лежит на земле, держась за рану в груди. Его глаза открыты и вокруг него растекается лужа крови. Меня пронзает жгучая боль от возможности потерять брата или Уэстфорда от руки Девлина, и я сжимаю глаза.

Когда я их открываю, я замечаю Родригеза, который целится в светловолосого агента. Я пытаюсь предупредить агента, но, к моему удивлению, Уэстфорд хватается за пистолет Девлина и, как тренированный снайпер, стреляет в Родригеза.

Уэстфорд отдает приказы агентам УПН, пока они с Алексом выносят меня со склада.

— Ты что, один из агентов УПН? — спрашиваю я Уэстфорда сквозь зубы, потому что моя нога просто меня убивает.

— Не совсем. Скажем так, у меня все еще много друзей в нужных кругах.

— Это значит, что ты сможешь сохранить свои пятьдесят тысяч?

— Ага. Думаю, сделка отменяется. Тебе не обязательно идти в колледж или армию.

Двое санитаров подбегают ко мне с носилками. Они пристегивают меня к ним, но я хватаюсь за профессора, перед тем, как они успевают меня унести.

— Чтоб вы знали, я пойду в армию.

— Я горжусь тобой. Но почему?

Я издаю стон от боли, но все же умудряюсь кинуть ему полуулыбку.

— Хочу удостовериться, что у Киары будет парень, который сможет предложить ей немного больше, чем отличное тело и лицо по которому плачут ангелы.

— Ты когда-нибудь прекращаешь понтоваться? — спрашивает меня Уэстфорд.

— Иногда.

Когда его дочь целует меня, мои понты вылетают в форточку.

Глава 56

Киара

Я глажу Карлоса по руке и позволяю ему сжать мою ладонь, пока мы ждем, что скажет доктор о его ноге. С тех пор, как мы приехали в больницу Алекс тоже ни на секунду не оставлял его одного. Он испуган, и выглядит так, как будто винит себя за то, что не помешал своему младшему брату получить пулю в ногу.

Мой отец узнал, что жизни мамы Карлоса и его братика тоже угрожает опасность, поэтому, с их позволения, он организовал их переезд в Колорадо. Он также помог им с временным жильем, что просто замечательно.

— Мой папа говорит, что ты выживешь, — говорю я Карлосу, наклоняясь и целуя его в лоб.

— И это хорошо?

Окей, Киара, время излить душу, говорю я себе. Сейчас или никогда. Я наклоняюсь еще ближе к нему, чтобы только он мог меня слышать.

— Я... я думаю, что ты мне нужен, Карлос. Нужен не просто сейчас, а навсегда.

Я смотрю на него, а он на меня. Я хочу этого, хочу его. Более того, он на самом деле мне нужен. Мы нужны друг другу. Чем ближе я к нему, тем больше я питаюсь энергией и силой, которые он излучает.

Я вижу, что он хочет что-то сказать, заполнить молчание, как он обычно это делает, но сдерживается. Мы все еще смотрим друг другу в глаза, и я не отвожу взгляд. Не в этот раз.

Медленно, я кладу руку на его грудь, поверх футболки, желая облегчить его боль. Его дыхание учащается, и я чувствую, как бьется его сердце у меня под ладонью.

Он кладет руку мне на щеку, нежно проводя большим пальцем по моей коже. Я закрываю глаза и наслаждаюсь теплотой его руки.

— Ты опасная, — говорит он.

— Почему?

— Потому, что ты заставляешь меня верить в невозможное.

После операции Карлоса, все моя семья собирается вокруг его больничной кровати. Кто-то стучит в дверь. И через мгновение, в палату неуверенно заходит Бриттани.

— Спасибо, что позвонила мне, Киара, — говорит она.

Карлос сказал мне позвонить ей перед операцией, когда рассказал об их разрыве с Алексом.

— Нет проблем. Я рада, что ты здесь.

— Я тоже, — говорит Карлос, — Но я под воздействием морфина, так что тебе лучше это записать.

Алекс двигается к выходу, но как только он подходит к двери, Карлос выдает:

— Алекс, подожди.

Алекс прочищает горло.

— Что?

— Я знаю, что еще пожалею об этом, но ты и Бриттани не можете расстаться.

— Мы уже расстались, — отвечает Алекс, затем смотрит на Бриттани. — Так, Брит?

— Как хочешь, Алекс, — говорит она, раздраженно.

— Нет уж, — подходит он к ней. — Ты хотела расстаться. Mamacita[82], не сваливай всю вину на меня.

— Ты хочешь держать наши отношения в секрете от моих родителей. А я нет. Я, в отличие от тебя, хочу кричать с крыш домов о том, что мы вместе.

— Он боится, Бриттани, — говорит Карлос.

— Боится чего?

Алекс поднимает руку и заправляет ее светлый локон ей за ухо.

— Того, что твои родители помогут тебе понять, что ты заслуживаешь большего.

— Алекс, ты делаешь меня счастливой, ты заставляешь меня стараться добиться чего-то. Меня так захватывают твои мечты о будущем, что отчаянно желаю быть их частью. Нравится тебе это или нет, но ты являешься частью меня. Никто не сможет это изменить. — Она поднимает на него взгляд, по ее щекам текут слезы. — Поверь мне.

Он берет ее лицо в свои руки и вытирает ее слезы. Не говоря ни слова, Алекс притягивает ее к себе и больше не отпускает.

Полчаса спустя, мои родители, Алекс и Бриттани уходят в больничное кафе. В палату заходит Тук с вазой, наполненной розовыми гвоздиками, и шариком, на котором написано: ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ ВСЕХ ДОКТОРОВ БЫЛИ ДВОИШНИКАМИ — НАДЕЮСЬ ТВОЯ ОПЕРАЦИЯ ПРОШЛА УСПЕШНО.

— Привет, amigo! — говорит он.

— О, черт, — фыркает Карлос с притворным раздражением. Я чувствую себя лучше от того, что вижу, что он не потерял свой боевой дух, после случившегося сегодня. — Кто тебя пригласил?

Тук ставит вазу на подоконник и широко улыбается.

— Ох, да ладно тебе. Не будь таким занудой. Я пришел подбодрить тебя.

— Принеся розовые цветы? — говорит Карлос, указывая на вазу.

— Вообще-то, цветы для Киары, потому что ей приходится с тобой возиться. — Он подносит шарик к кровати и привязывает его к поручню.

Карлос качает головой.

— Киара, скажи мне, что мне это приснилось.

— Будь вежлив, — говорю я Карлосу. — Тук приехал сюда, потому что ты ему нравишься.

— Я привык к тебе, скажем так, — признает Тук, откидывая волосы с глаз. — Кроме того, если мне некого будет доставать, моя жизнь станет бессмысленной. Признайся, amigo[83] ... ты меня дополняешь.

— Ты loco.[84]

— А ты гомофоб, но с моей и Киариной помощью, ты можешь стать нормальным и вменяемым человеком. — У Тука звонит телефон. Он достает его из кармана и заявляет: — Это Джейк, я скоро вернусь, — и исчезает в коридоре, оставляя меня и Карлоса наедине. Ну, мы не совсем одни, Брендон сидит в кресле, в углу палаты и играет одну из своих видео игр.

Карлос хватается за мое запястье и притягивает к себе на кровать.

— До сегодняшнего дня, я планировал уехать из Колорадо, — говорит он мне. — Я думал, что будет лучше, если я перестану быть обузой твоим родителям и Алексу.

— А сейчас? — спрашиваю я неуверенно. Мне нужно услышать, что он останется здесь навсегда.

— Я не могу уехать. Ты слышала, как твой отец сказал, что моя мама и Луис приедут сюда?

— Ага.

— Но это не единственная причина, почему я остаюсь, chica. Я не смогу оставить тебя, также как и не могу сейчас выйти отсюда со своей простреленной ногой. Я тут думал... стоит нам сказать твоим родителям сейчас или попозже?

— Сказать что? — спрашиваю я, широко раскрывая глаза от удивления.

Он нежно меня целует, и с гордостью говорит:

— Что мы в серьезных, моногамных отношениях.

— Правда?

— Sí. И когда я выберусь отсюда, я почию дверь твоей машины.

— Если я только раньше ее не почию, — говорю ему я.

Он прикусывает губу и смотрит на меня, как будто я его только что возбудила.

— Это вызов я слышу в твоем голосе, chica?

Я беру его руку и переплетаю наши пальцы.

— Ага.

Он притягивает меня ближе.

— Ты не одна в этих отношениях, кому нравится, когда ему бросают вызов, — говорит он. — И, чтоб ты знала на будущее, мне нравится мое шоколадное печенье с шоколадной крошкой теплым и мягким в середине... и без приклеенных к нему магнитов.

— Мне тоже. Когда соберешься испечь его, дай мне знать.

Он смеется, и наклоняет свою голову к моей.

— Вы собираетесь целоваться по-французки? — выдает Брендон.

— Да. Так что закрой глаза, — говорит Карлос, накрывая нас обоих одеялом, позволяя нам хоть немного уединиться. — Я никогда тебя больше не оставлю, — шепчет он прямо мне в губы.

— Хорошо. Потому, что я никогда не позволю тебе меня оставить. — Я немного отодвигаюсь. — И я тоже никогда тебя не оставлю. Запомни это, окей?

— Запомню.

— Так это значит, что ты научишься лазать со мной по горам?

— Я буду делать с тобой все, что хочешь, Киара, — говорит он. — Разве ты не прочитала записку в твоём шкафчике? Я твой.

— А я твоя, — отвечаю ему я. — Сейчас и навечно и потом еще чуть-чуть.

Эпилог

Двадцать шесть лет спустя

Карлос наблюдает за тем, как его жена перебирает чеки за сегодняшний день. Они женаты уже двадцать лет. Бизнес в автомастерской МакКоннелла идет хорошо, они купили ее когда он ушел с военной службы. И даже самые невыгодные для бизнеса годы они пережили с достоинством. Его жена всегда умела ценить простые вещи в жизни, даже когда они могли позволить себе большее. Черт, да лазание по горам рядом с домом заставляет ее улыбаться как ничто другое — и это стало для них еженедельным ритуалом.

А вот катание на лыжах или сноуборде, это совсем другое дело. Карлос возил Киару и их детей зимой на горнолыжный курорт, и он издали наблюдал, как Киара учила их троих дочерей кататься сначала на лыжах, а потом на сноубордах. Им особенно понравилось, когда приезжал их дядя Луис, потому что только он из братьев Фуэнтес был достаточно сумасшедшим, чтобы кататься с ними наперегонки со спусков, отмеченных черным алмазом.[85]

Карлос вытирает руки о тряпку, только что сменив масло на машине его старого друга, Рама.

— Киара, нам нужно поговорить об этом парне, которому твой отец уговорил нас позволить пожить с нами.

— Он не плохой парнишка, — говорит Киара, поднимая глаза на ее мужа и одаривая его обнадеживающей улыбкой. — Ему просто нужно немного понимания, и теплый прием. Он мне тебя немного напоминает.

— Ты что, шутишь? Ты видела, сколько пирсинга у этого шалопа? Могу поспорить, он у него есть и в тех местах, о которых я даже знать не хочу.

Как по команде, в гараж на своей машине въезжает его старшая дочь, Сисилия с шалопаем на пассажирском сидении рядом с ней.

— Его волосы слишком длинные. Он выглядит, как chica, которой надо бриться, — говорит Карлос.

— Шшш, будь вежлив, — напоминает ему жена.

— Где вы двое были? — спрашивает Карлос, как только двое старшеклассников выпрыгивают из машины Сисилии.

Ни один из них не отвечает.

— Дилан, следуй за мной. Нам нужно поговорить, как мужчина с женщиной. — Карлос замечает, как шалопай закатывает глаза, глядя на него, но следует за ним в его кабинет в углу мастерской. Карлос закрывает дверь и садится в кресло за столом, он жестом предлагает Дилану занять стул напротив.

— Ты живешь с нами уже неделю, но я был тут слишком занят, и не успел рассказать тебе о правилах в доме, — говорит Карлос.

— Послушай, старик, — говорит лениво парень, затем откидывается на спинку стула и закидывает свои грязные ботинки Карлосу на стол. — Я не слеую правилам.

Старик? Не слеую правилам? Черт, этот сопляк так и напрашивается на хорошее надрание задницы. По правде говоря, Карлос и сам видел отголоски старого, мятежного себя в этом парне. И когда он первый раз приехал в Колорадо, Дик стал лучшим отцом, о котором он только мог мечтать. Да он начал звать профессора «папа» еще до того, как женился на Киаре, поэтому даже представить себе не мог, как бы сложилась его жизнь без руководства ее отца.

Карлос скидывает ноги Дилана со своего стола, затем вспоминает то время, когда отец

Киары выдал ему что-то похожее на ту речь, которую он сейчас собирался прочитать парню.

— Uno[86] , никаких наркотиков или алкоголя. Dos, не материться. У меня три дочери и жена, так что фильтруй базар. Tres, комендантский час по будням десять тридцать, на выходных полночь. Cuatro, ты убираешь сам за собой и помогаешь по дому, если попросят, так же как и мои собственные дети. Cinco, никакого телевизора, если не сделана домашняя работа. Seis... — Он не мог вспомнить, каким было шестое правило его свекра, но это было не важно. У Карлоса было свое собственное правило, которое он хотел озвучить. — Встречаться с Сесилией ты не будешь, так что забудь об этом. Есть вопросы?

— Да, один. — Парень наклоняется вперед и смотрит Карлосу прямо в глаза с озорной ухмылкой на губах. — Что случится, если я нарушу одно из твоих чертовых правил?

1

Моя мама (исп.)

2

Сумасшедшая жизнь (исп.)

3

Спасибо (исп.)

4

Мой папа (исп.)

5

Название бандитской группировки

6

Буквально: кормишь меня волосами? В переносном смысле: нести чепуху (исп.)

7

Оскорбительное название американцев в странах Латинской Америки (исп.)

8

Сосунок (исп.)

9

Твой дом (исп.)

10

Чокнутый (исп.)

11

Боже мой (исп.)

12

Что такое? (исп.)

13

Сопляк (исп.)

87

Яйца (исп.)

14

Где находится туалет? (исп.)

15

Шеф, босс (исп.)

16

Меня зовут Рамиро (bсg/)

17

Грудь (исп.)

18
Да (исп.)

19
Ты очень горячий (исп.)

20
Что за девка (исп.)

21
Она хороша (исп.)

22
Придурок, идиот (исп.)

23
Девчонка (исп.)

24
Исп.- тушеное мясо

25
Название одной из бандитских группировок Мексики.

26
Исп.- прекрасно

27
Стеклянная трубка/кальян для курения марихуаны

28
Грудь (исп.)

29
Утра (исп.)

30
Девочка (исп.)

31
Дети (исп.)

32
Во сколько? (исп.)

33
Черт; блин (исп.)

34
Полиция (исп.)

35
Ребеночек, сыночек (исп.)

36
Иди ты в жопу (досл. - иди ты в говно)

37
В английском диск (disk) используется как обозначение мужского полового органа.

39
Девочка моя; красотка (исп.)

40
Сейчас (исп.)

41
Придурок, идиот (исп.)

42

В латинской Америке так называют жителей США.

43

Дерьмо (исп.)

44

Острый зеленый перчик (исп.)

45

Друг (исп.)

46

Щенок (исп.)

47

Дьявол (исп.)

48

Спасибо (исп.)

49

Девчонка (исп.)

50

Девушка, невеста (исп.)

51

Черт возьми (исп.)

52

Извини, прости (исп.)

53

Сумасшедшая, девчонка (исп.)

54

Придурок, идиот (исп.)

55

Один момент (исп.)

56

Парень (исп.)

57

Ты заботишься о маме? (исп.)

58

Кто это? (исп.)

59

Хороший человек (исп.)

60

Мы сможем снова быть семьей (исп.)

61

Дай мне поговорить с мамой (исп.)

62

И не забудь! (исп.)

63

14000 фит = 4.26 км

64

Мы знаем их как помидорки черри.

65

Зеленый (исп.)

66

Милая, дорогая (исп.)

67

Таракан, таракан, не может ходить, потому что у него нет, потому что у него не хватает...
(исп. юморная песенка)

68

Друг (исп.)

69

Эрекция (исп.)

70

Достаточно, хватит (исп.)

71

Идиот, придурок (исп.)

72

Извините, простите (исп.)

73

Сумасшедший (исп.)

74

Да, абсолютно сумасшедший (исп.)

75

Дьявол (ис.)

76

Идиот, придурок (исп.)

77

Latino Blood

78

Девушка, невеста (исп.)

79

Идиот, придурок (исп.)

80

Мексиканская девчонка (исп.)

81

Ты красивая (исп.)

82

Малышка (исп.)

83

Друг (исп.)

84

Сумасшедший (исп.)

85

В сноубординге, спуски, отмеченные черным алмазом считаются самыми крутыми и опасными, на них допускаются только профессионалы или люди с опытом (прим. пер.)

86

Один, два, три, четыре... и т.д. (исп)